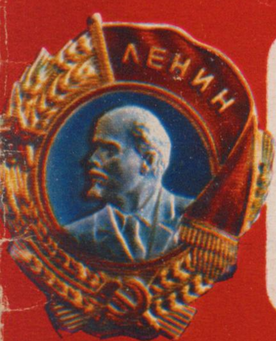

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 4 ЯНВАРЬ 1982

1982 – год 60-летия СССР

ГЕРБ РОДИНЫ

ОГОНЁК 1982 — год 60-летия СССР

Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик представляет собой изображение серпа и молота на фоне земного шара, в лучах солнца и в обрамлении колосьев, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В верхней части герба — пятиконечная звезда.

Из Конституции СССР

— Герб Родины — это визитная карточка каждого из нас, пароль особой доброжелательности и миролюбия советского человека для миллионов людей, живущих в разных уголках земного шара!

Моя спутница на секунду умолкла, словно подбирая слова, а потом заговорила снова.

— Представьте, что вы переступаете порог незнакомого дома где-то в далекой Австралии или экзотической Мексике. Вы не говорите по-английски, не знаете испанского языка, но на лацкане вашего пиджака сияет герб Советского Союза — выразительный и величавый, олицетворяющий братство людей труда. Иного восприятия, я убеждена, не может возникнуть у человека при виде серпа и молота на фоне земного шара.

Так говорила Ольга Федоровна Берггольц, возвращаясь с торжественного заседания по случаю вручения ей высшей награды Родины — ордена Ленина. Мне посчастливилось и сопровождать и снимать ее в этот памятный день.

В свете фонарей на Невском роились колючие снежинки. Легкий морозец старательно, с угла на угол, разрисовал витрины магазинов, окна домов. И то ли узоры на стекле напомнили мне заклеенные бумажными полосками окна блокадного Ленинграда, то ли тревожный рой снежинок оживил воспоминания далекого военного детства.

В тот стылый год жили мы на Васильевском острове и по вечерам, спасаясь от голода и мороза, кормили ненасытную «буржуйку» пожелтевшими журналами и газетами. Отец был с первого дня войны на фронте, и мама, желая свести концы с концами, после ночного дежурства в госпитале подрабатывала дворником. Вечером, возвращаясь домой и пробираясь сквозь «уездные сугробы», она привозила на санках целые связки книг, пачки газет и журналов, которые подбирала по дороге в разбомбленных домах. Мы садились подле «буржуйки», внимательно просматривали добытую литературу и только потом отправляли ее в огонь. Иногда, увлекшись чем-то, мы забывали печку, и она мгновенно прогорала. Тогда я опускался на колени, подбрасывал в серую, как прах, золу несколько желтых листов и что есть силы дул в пышущую жаром пасть. Бумага медленно чернела, скручивалась и, издав легкий стон, вспыхивала ослепительно и жарко.

Однажды, задержав взгляд на страницах какого-то журнала, мама бережно вырвала плотный лист и, прикрепив его булавкой к стене, торжественно сказала: «Это наш герб. Его мы огню в обиду не дадим».

Оставаясь один в квартире, я подолгу разглядывал красочный герб, с него учился рисовать звезду, глобус, серп и молот. А когда добирался до колосьев и пересчитывал каждое отдельное зернышко, то думал: кончится война, соберут люди зерна из правдашнего герба, бросят их в теплую землю, и у всех будет много хлеба.

Герб Родины! Он не только осеняет каждый шаг советского человека, со дня его рождения и до глубокой старости, но и символизирует собой основу общенародного государства — союз рабочих и крестьян, добровольное объединение равноправных союзных республик в едином союзном государстве. И еще — выражает идею интернациональной солидарности народов СССР с трудящимися всех стран.

— Посмотрите на наш красавец герб. Вы не увидите на нем ни единой темной красочки,— с гордостью говорила Л. Фотиева, когда вместе с фотокорреспондентом АПН Львом Ивановым мы приехали в гости к бывшему секретарю В. И. Ленина на улицу Серафимовича. Несмотря на преклонный возраст, Лидия Александровна продолжала трудиться над воспоминаниями о годах совместной работы с Лениным в Совнаркоме и хорошо помнила ту пору, когда под непосредственным руководством Владимира Ильича осуществлялась подготовка к созданию Союза Советских Социалистических Республик.

— Возьмите, к примеру, сине-голубые тона. Они испокон веку у русского народа означали красоту и величие,— продолжала Л. Фотиева, любуясь рисунком герба.— А цвет спелых колосьев пшеницы всегда символизировал изобилие и благодать. Точно так же, как лента кумачового цвета отождествлялась с беззаветной храбростью в борьбе за свободу. Все это в целом помогает рождению положительных эмоций, которые возникают у каждого, кто смотрит на герб нашей Родины, рожденный нерушимым братством и интернациональным единством народов СССР.

Л. Фотиева с видимым удовольствием вспоминала, как в канун первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции «Известия» опубликовали поистине историческое сообщение, всколыхнувшее всю Москву. «...Шестого ноября,— писала газета,— после митинга на одиннадцати московских площадях состоится сожжение эмблем старого строя и грандиозная иллюминация Москвы... В 9 часов 30 минут будут подняты эмблемы, олицетворяющие собой новый строй».

В эту минуту надо было видеть глаза этой женщины. Всегда сдержанная, подчеркнуто деловитая, Лидия Александровна на этот раз дала волю своим чувствам, и, казалось, лицо ее светилось отблеском той праздничной иллюминации, которая была устроена в честь рождения священных символов молодого государства рабочих и крестьян.

— Главной эмблемой нашего государства, как известно, по праву стали серп и молот,— продолжала Л. Фотиева.— Они же были ведущими элементами и на рисунке первого советского герба, который принес на суд Владимиру Ильичу управляющий делами Совнаркома Бонч-Бруевич.

«Мы хотим добровольного союза наций,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии».

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

Во время встречи на аэродроме.

Фото В. Будана и А. Конькова (ТАСС)

По приглашению ЦК КПСС и Советского правительства 18 января в Москву с официальным дружественным визитом прибыл член Политбюро, секретарь ЦК МПЛА — Партии труда, член постоянной комиссии (президиума) Народной ассамблеи Лусио Лара во главе партийно-правительственной делегации Народной Республики Ангола.

На аэродроме Л. Лару, членов делегации встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, председатель ГКЭС С. А. Скачков, первый заместитель министра обороны СССР Н. В. Огарков, заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р. А. Ульяновский, заместитель министра иностранных дел СССР Л. Ф. Ильичев, посол СССР в НРА В. П. Логинов, заведующие отделами МИД СССР В. А. Лихачев, Д. С. Никифоров, другие официальные лица.

Среди встречавших находился посол НРА в СССР Л. Д. П. де Каштру.

Тогда герб состоял из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещенных крест-накрест рукоятками книзу и окруженных венцом из колосьев. Надпись гласила: «Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика». Внизу под серпом и молотом, на красном же фоне, было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Однако через весь рисунок, снизу вверх, проходил еще и обнаженный меч. Так, видимо, художник петроградской типографии А. Лео хотел отобразить мощь Красной Армии, стоящей на страже завоеваний Октября. Владимир Ильич, внимательно рассмотрев проект герба, твердо сказал: «Завоевательная политика нам совершенно чужда... война наша — оборонительная, и меч — не наша эмблема... А в остальном герб хорош». Сказав это, В. И. Ленин зачеркнул меч и только после этого подписал рисунок.

Кстати, этот герб и был утвержден в июле 1918 года. А 15 августа газета «Известия» сообщила: «Совет Народных Комиссаров на заседании от 3 августа сего года по вопросу о воспрещении советским учреждениям употребления печати со старым гербом (двуглавым орлом) постановил: употребление старого герба безусловно воспретить под личную ответственность подписывающих бумаги. Обязать все советские учреждения обзавестись печатями с новым гербом Советской Республики».

Пять лет спустя, в 1923 году, сессия ЦИК СССР утвердила этот герб, заново перерисованный графиком И. Дубасовым, для всего Союза ССР.

...Почти шестьдесят лет прошло с той поры. Жив ли художник, которому выпала честь создать цветной и штриховой варианты рисунка герба, знакомого сегодня всему миру? — думал я, пытаясь отыскать затерявшегося автора. И вот поистине новогодний сюрприз. На одной из старых улочек Москвы, в старом, но еще крепком доме дверь отворяет мне жизнерадостный и гостеприимный хозяин — Иван Иванович Дубасов. Ему, оказывается, как он сам говорит, «всего-навсего восемьдесят пять годочков». Но то, как создавал штриховой вариант рисунка герба, помнит до мельчайших подробностей.

— В ту пору я работал графиком на фабрике Гознака,— вспоминает хозяин дома.— Моим призванием была художественная миниатюра, и я с большим удовольствием создавал эскизы первых советских бумажных денежных знаков, оригиналы почтовых марок. Как-то утром, приехав на работу, я оказался в кабинете помощника директора фабрики по художественно-графической части Владимира Николаевича Андрианова. «Нужно создать новый оригинал герба,— сказал мне Андрианов.— Задание адресовано лично вам, товарищ Дубасов».

Признаться честно, я растерялся. Слишком велика была ответственность, да и времени отводилось мало. К тому же тогда было множество самых разных проектов гербов. Одни художники вырисовывали его из шестеренок и наковален, другие предлагали ввести в изображение герба рог изобилия. Находились и такие, которые настаивали оставить двуглавого царского орла, только с выщипанными перьями. Причем вместо короны они надевали на него красноармейскую буденовку. Спор продолжался до 1936 года, когда всенародно обсуждался проект новой Конституции. И тогда находились «творцы», которые считали, что герб следует изменить, отразив в нем технический прогресс, достигнутый страной за почти двадцатилетнее существование Советской власти. Кое-кто предлагал «ввести в герб трактор, отбойный молоток и подъемный кран», другие — «заменить серп и молот, как орудия устаревшей техники, на комбайн, блюминг и электрогенератор...». Слышались призывы «изобразить в гербе книги — символ культуры...». Я высказал Андрианову свои соображения. Он выслушал меня, не перебивая, а потом с улыбкой приободрил: «Не беспокойтесь, мы поможем. Все, что будет необходимо для работы, получите незамедлительно». Я попросил разрешения уехать на три дня в Одинцово, где жил в то время, обложился журналами, которые выписывал в бессчетном количестве, и принялся за работу. Трудился день и ночь. Когда черновой вариант был готов, я вернулся на Гознак и попросил Андрианова достать мне настоящий крестьянский серп. Он-то и помог мне с максимальной точностью передать форму ручки этого древнего орудия земледельца и само лезвие. Потом я принялся за земной шар, которого не было на нашем первом гербе. Для этого в мастерскую, где я работал, принесли ученический глобус, с него сделали фотографию. Однако параллели и меридианы на снимке были проработаны неясно, и я попросил их усилить фиолетовыми чернилами. Вскоре все было готово. А еще через несколько дней я узнал, что секретарь ЦИК СССР Енукидзе на моем рисунке наложил резолюцию: «Утверждаю как окончательный вариант». Это было 22 сентября 1923 года.

— Интересно, какова судьба оригинала? — спрашиваю я у художника.

— Оригинал хранится в музее Гознака,— говорит И. Дубасов,— и представляет собой реликвию.

Потом он поднимается из-за стола, приносит поздравительную открытку, полученную от коллектива Гознака, где проработал около пятидесяти лет, и, надев очки, с понятным мне волнением разглядывает красочную новогоднюю марку, на которой изображен герб СССР.

— Видите, это символично,— продолжает старый художник.— Первая марка 1982 года посвящена нашему гербу. И в этом нет ничего удивительного. Ведь нынешний год особый...— Хозяин дома бережно разглаживает марку и заключает: — До сих пор не перестаю восхищаться тем, с каким вкусом и мастерством были выбраны и скомпонованы моими предшественниками все элементы нашего герба, отображающего сущность социалистического государства...

И вновь я мысленно возвращаюсь в ту ленинградскую зиму, когда вместе с поэтессой Ольгой Федоровной Берггольц шел по Невскому. Собираясь писать о нашей революционной символике, Берггольц задумчиво говорила:

— Бесконечно правы были наши питерские рабочие, которые, сознавая историческую значимость нашего герба и защищая его революционную символику, без обиняков ответствовали лженоваторам, что серп и молот символизируют отнюдь не технику, а вечный, нерушимый союз рабочего класса и крестьянства. Тогда же они горячо и страстно напоминали, что их матери вышивали на куске кумача серп и молот, слова «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», и кумач тот становился знаменем, под которым умирали и побеждали их отцы. Этот герб не надо менять. Пусть он осеняет нас, наших детей, внуков, как осенял отцов и матерей...

На многие тысячи километров простирается граница Союза Советских Социалистических Республик. Автору этих строк не однажды довелось бывать и на самой северной ее точке и на самой южной. Встречать пограничный рассвет на востоке и на западе. И, пожалуй, нигде так остро не испытываешь гордое чувство принадлежности к великой Советской Родине, как вблизи пограничного столба, который украшает величественный герб Союза ССР.

Виталий ЗАСЕЕВ

Наш взгляд

НЕ УДАСТСЯ!

Борис РОДИОНОВ

Администрация Рейгана продолжает эскалацию напряженности в Европе и во всем мире, используя для этого очередной, надуманный повод — так называемый «польский вопрос». Прибегая к угрозам и разного рода санкциям против ПНР и Советского Союза, намекая даже на возможность блокирования переговоров об ограничении вооружений, Соединенные Штаты подтягивают к этой авантюристической линии своих союзников по НАТО, о чем свидетельствует и заявление чрезвычайного совещания министров иностранных дел стран этого блока в Брюсселе от 11 января.

Зачем это делается? Ответ на этот вопрос содержится в Заявлении ТАСС: «Прежде всего речь идет о попытке потеснить социализм, поколебать позиции СССР и других социалистических стран на европейской и мировой арене».

Болезненная — для западноевропейцев — операция «подтягивания» союзников заняла почти целый месяц, но зато теперь, как с удовлетворением пишет «Вашингтон пост», «НАТО заговорила одним голосом». Это голос угроз и беспардонного шантажа. Забыты фарисейские заботы о нуждах «простых поляков», о «помощи» польской экономике. Та же «Вашингтон пост» настоятельно рекомендует теперь странам Запада «добиться согласия в вопросе о том, как использовать польский долг в качестве рычага для нажима на Польшу». Впрочем, в этой области есть еще что «подтягивать» Хейгу и его команде: у западноевропейцев свой взгляд на экономические связи со странами социализма.

Судя по всему, в Вашингтоне явно потеряли самообладание. Еще бы! Совсем недавно лидеры «Солидарности» заверяли Америку, что они «почти взобрались на вершину», что «должны выиграть бой, только вам (то есть Соединенным Штатам) придется вложить в нас немного...» (заявление Валенсы телекомпании Си-би-эс). И они вкладывали! Доллары, фунты, франки, лиры, марки... Заправила варшавской «Солидарности» Буяк, метивший «после дня X» в министры иностранных дел, выезжал в ФРГ, где ему с готовностью «завернули в подарок» радиопередатчик, хотя и в Польше и в ФРГ радио — это государственная монополия. Известный экстремист Рулевский, оказавшись с делегацией «Солидарности» в Токио, всячески предлагал тамошним друзьям Вашингтона антисоветские услуги своей фирмы. «У нас общий сосед,— многозначительно говорил он,— поэтому нас должно объединять нечто большее, чем только профсоюзное движение». «Государство — это я»,— рассуждала заботливо опекаемая Западом верхушка «Солидарности». Конец вакханалии буяков и рулевских положили меры, предпринятые польскими властями. Как подчеркивалось в Заявлении ТАСС, «осуществляемые высшими органами Польши меры — это польское национальное решение, это дело поляков, и только их».

Советскому Союзу, разумеется, не безразлична судьба соседней социалистической Польши. Во время недавнего визита в Москву министра иностранных дел ПНР от имени советского руководства было подтверждено, что социалистическая Польша, все польские трудящиеся могут, как и до сих пор, быть уверены в поддержке Советским Союзом их усилий по преодолению стоящих перед Польшей трудностей. Согласно подписанному в начале января протоколу о товарообороте и платежах, Советский Союз продолжит в 1982 году традиционные поставки в ПНР нефти, газа, железосодержащего сырья, черных и цветных металлов, лесоматериалов, хлопка, машин и оборудования, предоставит на льготных условиях кредит для оплаты разницы в стоимости взаимных поставок. Экономическую помощь братской Польше в различных формах предоставляют и другие социалистические страны.

Конечно, финансово-экономические санкции США и НАТО могут усугубить трудности нормализации экономической жизни ПНР, преодоления общественно-политического кризиса. Но они не в силах перечеркнуть начавшийся в Польше процесс политического и экономического оздоровления. В то же время, как справедливо отмечалось в заявлении Польского агентства печати, эти санкции наносят вред всем государствам, заинтересованным в развитии международных экономических отношений.

...На днях в Варшаве торжественно отмечена 37-я годовщина освобождения польской столицы от гитлеровских оккупантов. За вызволение Варшавы из фашистской неволи сражались плечом к плечу воины Советской Армии и Войска Польского. По-особому волнующей была на этот раз традиционная церемония возложения венков и цветов к могилам советских воинов, к монументу советско-польского братства по оружию. Как символ нерушимости наших уз, преемственности поколений прозвучало на торжественном заседании в Варшаве выступление самого младшего по званию и самого молодого по возрасту члена Военного совета национального спасения летчика-космонавта ПНР Мирослава Гермашевского. Польские солдаты, вставшие на защиту социализма, подчеркнул он, преградили путь контрреволюции, сорвали ее планы захвата власти в Польше.

И какими бы санкциями ни грозили еще миру социализма вашингтонские и натовские отравители международного климата, потеснить социализм, поколебать позиции Советского Союза и других социалистических стран на европейской и мировой арене им не удастся.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Раздувают психоз.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2845)

23 ЯНВАРЯ 1982

1 ПАВЛОДАР

РОБОТЫ ДЕЛАЮТ ТРАКТОРА

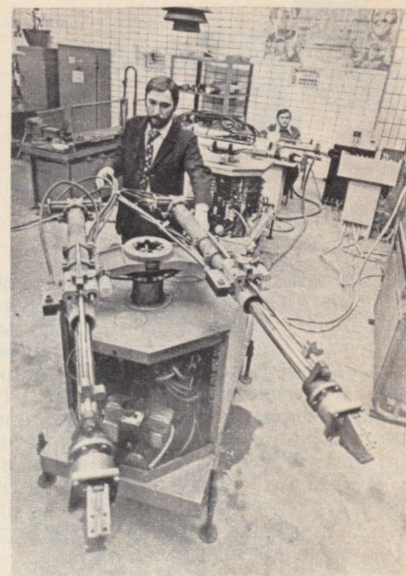
Загадочные и молчаливые, они выстроились в ряд и, вытянув вперед «руки», как будто ждали чего-то, но я-то знал, что стоит нажать кнопку на пульте управления, и роботы оживут. Начнут двигаться их «рукихваталки», поочередно и все вместе вытягиваться или сокращаться, а сам робот обнаружит способность плавно приподниматься, опускаться и поворачиваться в нужную сторону. И во всех его действиях я замечу своеобразную элегантность и известную долю смысла (заложенную в его программу человеком).

С той поры, как Карел Чапек пустил в начале века в обиход этот термин — робот, они распространились по всему свету. Сейчас существует несколько поколений роботов — машин-автоматов с так называемыми человекоподобными действиями. Управляясь дистанционно, они способны работать, например, в условиях, опасных для жизни человека, или же, как здесь, на Павлодарском тракторном заводе, выполнять монотонные, неинтересные человеку операции — по загрузке деталями прессов и обрабатывающих станков. При этом, как мне объяснили на заводе, роботы особенно выгодны, если их объединить в «бригады». Как видно, и среди этих железных созданий популярна поговорка: «Один в поле не воин».

Цех роботов на Павлодарском тракторном молод, но уже набрал силу. Его задача — снабжать безотказной робото-силой другие тракторные предприятия страны.

Ю. ЛУШИН,
собкор «Огонька»
Фото автора

На снимке:
Цех роботов на Павлодарском тракторном заводе.

1

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

2

ДНЕПРОПЕТРОВСК

ПАРОВОЗ БРИГАДЫ КРИВОНОСА

...Люди, находившиеся вблизи железной дороги, не верили своим глазам — товарный поезд мчался со скоростью экспресса! Поначалу и железнодорожники не хотели верить в такие скорости. Их переубеждали так — брали в очередной рекордный рейс. После этого «неверующие» сами становились сторонниками работы по-новому. Они наглядно убеждались, что рекорды комсомольско-молодежной паровозной бригады П. Ф. Кривоноса — не случайность и не липа, как кое-кто все же думал.

Достижения новатора были отмечены орденом Ленина. А комсомольцы Ворошиловградского паровозостроительного (ныне тепловозостроительного) завода имени Октябрьской революции специально для П. Кривоноса построили самый мощный по тому времени грузовой паровоз серии ФД — «Феликс Дзержинский».

Много лет прошло с тех пор. Иные, гораздо более совершенные локомотивы мчатся сегодня на стальных магистралях. Но снятый с эксплуатации паровоз прославленного машиниста не забыт, он навечно установлен вблизи локомотивного депо Славянск Донецкой ордена Ленина железной дороги.

А. ДЕСЯТЕРИК
Фото автора

На снимке:
Паровоз — памятник трудовой славы.

•НОВОСТ

3 КОЛОМНА

НА ВСЕХ МОРЯХ И ОКЕАНАХ

В этом году рыболовный флот нашей страны впервые будет получать отечественные плетеные швартовые канаты, выпущенные Коломенской ордена «Знак Почета» канатной фабрикой имени В. И. Ленина — старейшим предприятием древнего подмосковного города Коломны, отметившего недавно свое 800-летие.

Коломенская фабрика — единственное в стране предприятие, делающее канаты, шнуры, веревки для судов рыболовного флота. До недавнего времени все канаты изготавливались методом кручения. И вот теперь здесь закончен монтаж нового оборудования — сложнейшей канатоплетельной машины. Уже выработаны первые сотни метров капроновых плетеных швартовых канатов.

— Такие канаты в отличие от крученых более прочны, эластичны, с ними удобнее работать, а в случае разрыва они представляют меньшую опасность для обслуживающего персонала,— рассказывает главный инженер предприятия Н. З. Азоркин.— По плану в нынешнем году на фабрике будет изготовлено 280 тонн плетеных швартовых канатов окружностью 200 миллиметров. Их хватит для оснащения 28 рыболовных судов.

Изделия коломенских мастеров канатного дела были известны в России давно. Ими был оснащен первый русский военный корабль «Орел», строившийся на верфи в селе Дединово, расположенном недалеко от Коломны, ниже по реке Оке.

Как установили историки, нынешняя канатная фабрика свое начало берет с канатного завода коломенского купца Родиона Хлебникова, отмеченного на сохранившемся плане города Коломны 1773 года.

...Просторные, светлые, отделанные метлахской плиткой, украшенные мозаикой цехи. Новое современное оборудование. И повсюду цветы. Такова в наши дни Коломенская канатная фабрика. Несколько лет назад здесь был налажен выпуск тунцеловных ярусов, ранее их закупали в Японии. Все изделия в основном изготавливаются из синтетических волокон — капрона, лавсана, полипропилена. На протяжении ряда лет на фабрику не поступило ни одной рекламации: большинство коломенских канатно-веревочных изделий выпускается с государственным Знаком качества. Но, пожалуй, самый главный показатель — то, что на всех морях и океанах, где ведут промысел советские рыбаки, и на больших траулерах и на малых сейнерах, есть надежные коломенские канаты.

А. КУЗОВКИН
Фото Л. Старикова

На снимке:
Оператор комсомолец В. Кравченко.

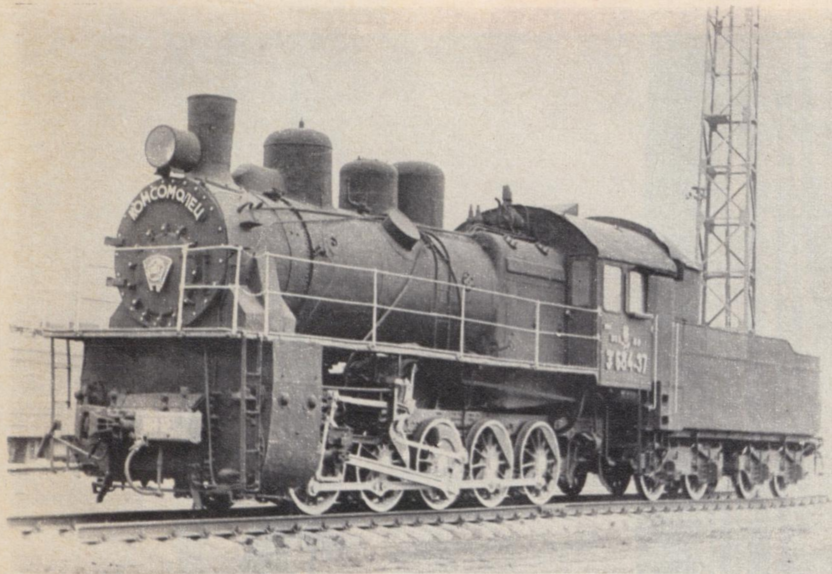
ПОБЕЖ

АЗЕРБАЙДЖАН

4

Популярное сегодня искусство иглоукалывания натолкнуло доктора медицинских наук К. Адигезалову-Полчаеву и кандидата медицинских наук А. Гулизаде из Азербайджанского научно-исследовательского института офтальмологии Министерства здравоохранения республики, а вместе с ними инженера-конструктора Т. Имамалиева на мысль применить этот метод в офтальмологии, ну, а если говорить точнее — внедрить рефлексотерапию при лечении ложной и истинной близорукости.

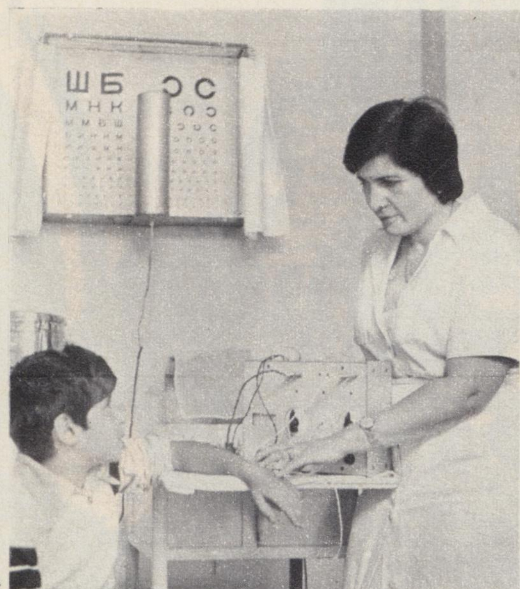
— Суть нашей идеи как будто довольно проста,— рассказывает автор разработки и внедрения этого эффективного способа лечения близорукости врач А. Гулизаде.— Делается это так. Миниатюрные металлические пластинки-нагреватели специального прибора — термотрона прикладываются по схеме иглоукалывания на наиболее активные точки тела больного. Включенный в электрическую сеть прибор начинает излучать инфракрасные лу-

2

3

4

5

И • ИНТЕРВЬЮ • РЕПОРТАЖ •

ДАЯ БЛИЗОРУКОСТЬ

чи в узком спектре. Они укрепляют наружную оболочку глаза — склеру — и тем самым корректируют ясность зрения. После окончания сеанса, который длится от пяти до двадцати минут, специалисты проверяют у пациента остроту зрения. Термопунктура — так называется этот курс лечения, состоящий из десяти — двенадцати сеансов,— повышает остроту видимости. Простота и доступность нового метода позволяют широко применять его при лечении и профилактике близорукости у детей школьного возраста. В нашей клинике полноценное зрение уже возвращено более чем тысяче школьников.

Разработанный и внедренный бакинскими врачами метод взят на вооружение офтальмологами Днепропетровска и Одессы. Заинтересовались им и в других городах нашей страны.

Г. ПОГОСОВ

На снимке:
Врач А. Гулизаде ведет сеанс лечения.

Фото автора

5

ТАЙНЫ ГОРНОГО БАЛЬЗАМА

КИРГИЗИЯ

В древности это вещество называли «горной смолой». Никто не знал, как она возникает, а сверхъестественные ее лечебные свойства считались даром божьим. Сотни ученых еще со времен Аристотеля, в трудах которого содержатся первые описания «горной смолы» — мумиё, выдвинули множество гипотез о способах его возникновения. И вот тайна редчайшего природного бальзама — мумиё — приоткрыта. Член-корреспондент АН Киргизской ССР, доктор медицинских наук А. Алтымышев и его коллеги получили это до недавнего времени загадочное вещество в лабораторных условиях.

— Одна из примет, по которым находили мумиё в горах Тянь-Шаня,— пучки трав на склонах,— рассказывал А. Алтымышев.— Эти мини-стожки собирают пищухи — довольно крупные грызуны, которых за умение запасать корм впрок называют еще сеноставками. В этих стогах мы обнаружили свыше пятидесяти видов растений, среди которых много лекарственных. После многолетних наблюдений и исследований мы пришли к выводу, что мумиё не что иное, как органическое вещество, продукт переработки растений травоядными животными. В жаркие летние дни масса, оставшаяся на месте ночлега и кормежки грызунов, расплавляется, и часть ее, обогащаясь микроэлементами, попадает в горные полости, где как бы консервируется, образуя иногда настоящие сталактиты. Это и породило гипотезы, что мумиё — «каменный клей», «скальная смола», «горный воск» и тому подобное... Стало понятным и то, почему мумиё находят обычно высоко в горах. Разреженный воздух, резкие перепады температур, высокая солнечная радиация и низкая влажность значительно снижают активность микроорганизмов, обеспечивающих разложение органических остатков... Полученное нами искусственное мумиё, так же как и естественное, обладает большой целебной силой. Но для внедрения его в практику предстоит еще очень многое сделать — полнее изучить механизм воздействия на патологические процессы, определить оптимальные варианты дозировок, отработать методику применения. Это не менее увлекательный этап нашей дальнейшей работы...

Л. ЮРЬЕВ
Фото автора

На снимке:
Нелегко добыть мумиё в горах Тянь-Шаня.

МОСКВА

БЫСТРО, НО НЕ ПОСПЕШАЯ...

Теперь все спешат. «Тише едешь — дальше будешь» — никого, похоже, это не устраивает.

— Но у дороги есть своя формула: езда быстрая и при этом безопасная,— сказал В. В. Лукьянов, начальник Госавтоинспекции страны, когда характеризовал интересную и полезную выставку «Сигналдортранс-81». Это был показ, собравший под крышей огромного павильона в Сокольниках сотни всяких приспособлений, механизмов, приборов и машин, созданных во имя безопасности дорожного движения. Поток автомобилей растет быстро, в наших городах за десять лет он увеличился в четыре раза. За рулем немало водителей со стажем менее года — за такими нужен глаз да глаз. И не только инспектора ГАИ, но и наблюдение, которое осуществляется с помощью радиолокационных измерителей скорости, промышленным телевидением, видеомагнитофонной записью, кинофотоустановками...

На выставке были представлены известные зарубежные фирмы — «Рено», «Даймлер-Бенц», «Мюллер» с новейшим диагностическим оборудованием. Эффективное аварийно-спасательное оборудование показала фирма «Бако».

Не было, кажется, такого посетителя выставки, который не задержался бы возле огромного слайда — на нем сфотографирована одна из привокзальных площадей Лейпцига, где трамвайные линии пересекаются автомобильными дорогами, где много светофоров.

— Именно этот перекресток доказал, что дорога может быть не только быстрой, но и экономной,— объяснили специалисты из ГДР.

Создав светофорные установки на микропроцессорах, по сути дела, логические, «рассуждающие», им удалось достигнуть того, что на этом перекрестке, где прежде «пробки» были делом обычным, теперь редки вынужденные остановки транспорта. Это экономит несколько тысяч литров бензина: машины не жгут его вхолостую.

«Сигналдортранс» завершил выставочную программу прошлого года. Но еще не закрылись двери павильонов, а во Всесоюзном объединении «Экспоцентр» уже был сверстан календарь выставок 1982 года. Что он сулит? Крупнейшие международные выставки. Одна из них, «Инлегмаш-82»,— оборудование и технология легкой промышленности. В пятый раз будет проведена международная выставка «Химия», в третий раз — «Электротехническое оборудование и линии электропередачи». На выставке «Оптика-82» будут демонстрироваться фотоаппараты и очки, множительные и геодезические приборы, волоконно-оптические линии связи и кинотехника.

Стенды «Фарминдустрии-82» познакомят с оборудованием по переработке лекарственного сырья, с новейшими таблетками, порошками, микстурами. Киев примет выставку «Оборудование предприятий бытового обслуживания населения», Кишинев покажет машины и оборудование для переработки винограда, фруктов, овощей и табака; Тбилиси познакомит с новинками научного приборостроения. Словом, все флаги в гости к нам. Добро пожаловать!

К. БАРЫКИН

На заседании парткома. В партию принимают Петра Горелова.

ДОБРЫЙ ПРИМ

У Александра Васильевича Гусева очередной урок мастерства в учебном цехе.

Одна из лучших работниц объединения, кавалер ордена Трудовой Славы III степени резчица металла Зоя Бабанова.

СССР 60 ЛЕТ

ЕР

А. ПОПОВ, фото М. САВИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

Когда принимают в партию, вопросы задают самые разные и неожиданные. Поэтому Петр Горелов к заседанию парткома, на котором его должны были принимать из кандидатов в члены КПСС, готовился тщательно. Но когда его спросили, почему он выбрал после школы профессию токаря, Петр растерялся.

— Работа творческая... — начал было Горелов и замялся. Разве не требует творчества, напряжения сил крестьянский труд? Ведь не скажешь же так... Кто-кто, а он знает это хорошо: родился и вырос в деревне. Подумав, Петр ответил:

— Дядя заинтересовал этой профессией. Он работает здесь, в Пензе, на заводе. Летом я обычно приезжал на каникулы в город, часто ходил к нему в цех. Нравилось, как на станке из обыкновенной железки появлялась блестящая, красивая деталь. Дядя научил обращаться с резцом. Но хотелось стать настоящим мастером. Поэтому после восьмого класса пошел в училище, где готовят токарей.

Этот эпизод в парткоме пензенского производственного объединения «Пензтяжпромарматура» невольно вспомнился на следующий день, когда мы побывали в бригаде токарей Героя Социалистического Труда Александра Васильевича Гусева. В середине ноября 1981 года этот коллектив первым на предприятии стал на ударную трудовую вахту в честь 60-летия образования СССР и принял повышенные социалистические обязательства.

— Знаете, что я выделяю особо из десяти пунктов наших обязательств? — размышлял Гусев.— Вот эти два: «выполнить план двух с половиной лет пятилетки к 30 декабря» и «продолжить шефство над учащимися подшефных школ и ГПТУ». Первое — это наша сегодняшняя работа. Она должна выполняться как можно лучше. Второе — наше будущее, наша смена. Заботиться о ней — святой долг коммуниста, рабочего человека. На заводе я уже тридцать лет. Многих знаю не только в лицо, хорошо представляю, как они приходили на предприятие, как становились токарями, слесарями, фрезеровщиками... Большинство путь в рабочие избирали по наследству — от отцов, родственников, которые приобщали их к своей профессии, учили работать, помогали становиться на ноги.

Мы рассказали Александру Васильевичу о Петре Горелове, как он стал токарем.

— Все как у меня,— улыбнулся Гусев.— Только меня привел к токарному станку двоюродный брат... Не случайно о великом чувстве преемственности пишет Леонид Ильич Брежнев в своих «Воспоминаниях». Дед, отец, дядья, брат, сестра его были рабочими. И сам он начинал свой трудовой путь с завода. Вот что значит неразрывность традиций, поколений.

Мы встретились с Гусевым в обеденный перерыв. Когда же пришло снова время работы, бригадир извинился и заторопился к станку: «Знаете, дисциплина превыше всего — я так понимаю».

— Это в духе Гусева,— заметил секретарь парткома объединения Владимир Александрович Кадников, когда бригадир ушел.— Александр Васильевич—депутат облсовета, один из лучших наших рабочих, наставник. Понятно, что приходится ему иногда и отлучаться с завода. Но не припомню случая, чтобы его личное дневное задание не было выполнено. Раньше на два-три часа на работу придет, выложится до седьмого пота, но свою норму сделает. «Вот теперь,— обычно в таких случаях говорит,— можно со спокойной совестью и на совещание идти. Не стыдно в глаза людям смотреть». Он и бригаду такой же совестливой воспитал. Не случайно у них в коллективе из восьми человек вместе с бригадиром три коммуниста. Где-то в конце прошлого года интересный случай произошел у Гусева...

И секретарь парткома рассказал следующее. В гусевской бригаде стала тогда падать производительность. Отставание сразу бросилось в глаза. Бригада делает, можно сказать, продукцию уникальную — детали для вентилей, без которых задерживалась сборка основных видов трубопроводной арматуры, выпускаемой предприятием. К тому же продукцию «Пензтяжпромарматуры» покупают свыше тридцати стран мира. Отставание в бригаде Гусева могло больно ударить по общезаводскому плану.

Установить причину снижения выработки не составило большого труда. Работа не клеилась из-за опоздания с поставкой заготовок из нержавеющей стали одним из уральских заводов. Как быть? Срочно посылать снабженца к поставщикам? Уйдет много времени... В коллективе Гусева коммунисты предложили послать поставщикам тревожную телеграмму за подписью всех членов бригады. Идею поддержали. «Можно было бы направить письмо от дирекции объединения,— позже скажет Гусев,— но мы посчитали, что рабочий рабочего всегда поймет скорее. А потом, мы не сторонние наблюдатели на нашем предприятии — нам дорога марка завода».

Расчеты оправдались. Поставка заготовок вскоре наладилась. И быстрее, чем предполагали.

...После смены мы снова встретились с Александром Васильевичем Гусевым, переодетым в выходной костюм, со звездой Героя.

— О, у вас сегодня торжество?

— Можно сказать так,— ответил Гусев,— еду к ребятам в учебный цех. Могу захватить с собой. Хотите?

В автобусе (цех, куда нас вез бригадир, находится на одном из заводов объединения в другой части города) Александр Васильевич долгое время молчал. Потом неожиданно заговорил:

— На прошлом занятии я рассказал ребятам о новых обязательствах бригады. Они меня спрашивают: «Это, наверно, очень трудно — за два года выполнить план двух с половиной лет?» Я объяснил, почему мои товарищи решились на такое серьезное обещание. Все рассказал о бригаде. Как за двадцать лет работы мы научились хорошо понимать друг друга: теперь взаимовыручка и помощь — наш закон. Никто не уйдет с работы, если кому-то досталось более сложное задание и он не успевает за всеми: доделываем все сообща. Потом, пояснил я мальчишкам, в бригаде все учатся — овладевают смежными профессиями. Каждый из нас не только токарь, но может работать и на фрезерных и на сверлильных станках. А это большая экономия времени — мы не ждем, пока нам на соседнем участке подготовят деталь к обработке. Немалый выигрыш получаем от рацпредложений. Другой, смотришь, старается, а дело продвигается медленно. А если подумать? Тот же резец иначе заточить — веселее пойдет работа. Особо остановился на дисциплине... Я так и сказал ребятам, что без нее и мастерство не впрок. Любой, даже самый талантливый человек, золотые руки, если загуляет, сам с круга собьется и весь коллектив назад потянет. Вот почему в нашей бригаде дисциплина железная.

Гусев на секунду замолчал, улыбнулся:

— Словом, получился, кажется, урок.

— А нынешнее занятие о чем?

— Сегодня у старшеклассников из тридцать седьмой школы практика. Будут вытачивать детали для кормоизмельчителей на фермы. Хочу показать ребятам один новый способ обработки металла. Но опыт — дело наживное. А до парней хочется донести нечто более важное. Есть у меня одна задумка на сегодня. ...В подсобном цехе стоит мой станок. Я на нем пятнадцать лет отработал. Вот и хочется школьникам рассказать, чтобы они технику, имущество народное берегли. А как это сделать поделикатней? Еще подумают, хвастаюсь.

Гусев замолчал. Мы подъезжали к заводским корпусам.

— Но ничего, придумаем что-нибудь,— бригадир шагнул к автобусной двери.— Случай я сейчас вспомнил один, с него и начну. Через удачный пример доходчивее и проще получается.

В тот день мы побывали в учебном цехе объединения, где старшеклассники из двух средних школ и учащиеся ГПТУ-6 становятся токарями, слесарями, фрезеровщиками. Послушали, как провел занятие Гусев. Урок прошел удачно: теплым получился разговор с ребятами о предмете, внешне суховатом,— о бережном отношении к инструментам, машинам, технике.

...В тот же день мы еще узнали, что комсомольско-молодежный коллектив коммуниста Петра Горелова к юбилею образования нашего государства взял повышенные социалистические обязательства. Как бригада Гусева.

Заводская проходная...

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

Когда же конец эксперименту?

Под этим заголовком в журнале «Огонек» № 31 за 1981 год была опубликована статья начальника управления Министерства жилищно-коммунального хозяйства Белоруссии Л. Близнюка и управляющего трестом этого министерства Э. Сидорова. На примере Минска, Могилева и других городов республики авторы доказывали, сколь важно сейчас внедрение диспетчерских систем. Однако темпы диспетчеризации как в республике, так и в целом по стране пока еще недостаточны. Одна из причин — отсутствие необходимых приборов и средств автоматизации. Министерство приборостроения срывает задания по их изготовлению. Ощущается дефицит оборудования для более основательного оснащения жилых зданий. По-прежнему во вновь построенных домах не предусматриваются места для установления пультов диспетчерской системы.

Среди откликов на эту публикацию — обстоятельное письмо начальника управления по ремонту жилищного фонда Госгражданстроя СССР В. Мешечка, который, в частности, пишет:

«В статье правильно и своевременно подняты вопросы о мерах по более широкому внедрению в жилищном хозяйстве диспетчеризации инженерного оборудования. Рост технической оснащенности жилых домов предъявляет новые требования к эксплуатации жилищного фонда, и прежде всего к организации технического обслуживания сложного инженерного оборудования. С увеличением этажности зданий значительно возросло и их инженерное устройство — оснащение лифтами, насосными и теплообменными установками холодного и горячего водоснабжения, приборами и оборудованием автоматизации и контроля. Более сложными стали системы электроснабжения и электрооборудования.

В этих условиях, помимо планово-технического обслуживания, необходимы контроль за функционированием всего инженерного хозяйства, четкая организация приема и выполнения заявок населения на устранение возникающих неисправностей в работе инженерного оборудования.

Создание объединенных диспетчерских систем в жилых микрорайонах позволяет поднять техническую эксплуатацию жилищного фонда до уровня, отвечающего современным требованиям, дает возможность более эффективно использовать материальные и трудовые ресурсы, улучшить обслуживание населения.

Для реализации этих задач Госгражданстроем в 1979 году были выданы Минпромсвязи и Минприбору технические задания на разработку средств диспетчеризации инженерного оборудования, предусмотрена разработка эталонов и ряда технических решений, а также даны соответствующие указания проектным организациям при разработке проектов жилых домов и микрорайонов.

...Госгражданстрой считает целесообразным создание при республиканских министерствах жилищно-коммунального хозяйства специализированных производственных объединений по внедрению систем диспетчеризации инженерного оборудования».

При этом тов. Мешечек отмечает, что планируемый выпуск необходимых для жилищного хозяйства приборов, аппаратов, оборудования значительно меньше установленных и заявленных Госгражданстроем. Так, вместо выпуска в 1985 году 75 тысяч комплектов систем домофонов (Минпромсвязь) планируется дать лишь 200 комплектов, вместо 12 тысяч комплектов устройств громкоговорящей связи — 400 комплектов. Минприбором разработано и с 1981 года начато серийное производство устройства телемеханики, но их выпуск в 1985 году планируется в количестве 50 комплектов при потребности 300. К разработке пультов для диспетчеризации и сигнализаторов загазованности и затопления подвальных помещений это министерство еще и не приступило.

Таким образом, основной причиной, сдерживающей решение вопросов, о которых шла речь в статье, является необеспеченность необходимыми приборами, оборудованием и кабельно-проводной продукцией.

По мнению управления по ремонту жилищного фонда Госгражданстроя СССР опубликованная в журнале статья «Когда же конец эксперименту?» должна вызвать широкий резонанс, определить позиции Минприбора, Минпромсвязи, Минэлектротехпрома, а также планирующих органов и Госснаба СССР.

«ГАЗ–ТРУ

Ю. БОКСЕРМАН,
заместитель председателя Госэкспертизы Госплана СССР, доктор технических наук

...Проведенное недавно уточнение запасов газа, нефти и конденсата в Западной Сибири еще раз показало, что природа нас не обделила. Ресурсы, которыми обладает страна, позволяют с уверенностью смотреть в будущее.

Из речи Л. И. Брежнева на ноябрьском (1981 года) Пленуме ЦК КПСС

Два эти слова в течение всего 1981 года не раз появлялись в зарубежной печати. Однако глубокий их смысл стал понятен в начале декабря, после опубликования в печати сообщения Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР об итогах визита Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева в Федеративную Республику Германии. Есть в этом сообщении такие строки: «В канун визита подписан контракт «газ — трубы» — крупнейшее в нашем веке начинание в решении энергетических проблем в рамках Европы. Вместе с другими проектами, согласованными или рассматриваемыми сторонами, он образует солидную основу для последовательного наращивания взаимовыгодных экономических связей, простирающихся за пределы двадцатого столетия».

В газетах и журналах всех континентов появились статьи под крупными заголовками: «Сделка века», «Масштабы, от которых захватывает дух», «500 тысяч человек в ФРГ могут не бояться безработицы», «Экономический обмен между Востоком и Западом — важнейший стабилизирующий фактор».

Подготовка к «сделке века» велась более двух лет. Советский Союз экспортирует газ в страны Западной Европы уже давно. Но руководители ряда крупных капиталистических стран Западной Европы, и среди них прежде всего ФРГ, Франция, Италия, обратились к правительству Советского Союза с просьбой рассмотреть вопрос о возможности дополнительного экспорта природного газа. Просьба была вызвана тем, что эти страны испытывают серьезные трудности в энергоснабжении. Проблемы нефти, газа стали для них самыми острыми, жизненными, по существу, решающими дальнейшее развитие всей их экономики.

Центральный Комитет КПСС, Советское правительство, неизменно следуя курсу мирного сосуществования, разрядки, развития экономического сотрудничества на взаимовыгодных условиях, поручили Госплану СССР изучить эту проблему вместе с Госкомитетом по науке и технике, Академией наук СССР, с министерствами внешней торговли, газовой промышленности, строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности.

Проблема оказалась далеко не простой. В этом мы убедились в процессе государственной экспертизы, которую возглавил один из крупнейших советских энергетиков, академик Л. А. Мелентьев. Он постоянный член Госэкспертизы Госплана СССР, рассматривающей генеральные схемы развития и размещения производительных сил, наиболее сложные народнохозяйственные комплексы, такие, например, как Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. Представленный на экспертизу проект строительства гигантского магистрального газопровода из северных районов Тюменской области к западной границе СССР, который должен обеспечить дополнительный экспорт природного газа в страны Западной Европы, вызвал жаркие споры. Одни утверждали, что запасы природного газа малы, другие сомневались в экономической эффективности такой сделки.

Эксперты, начав с запасов газа, убедились, что их вполне достаточно для надежного обеспечения как растущих нужд нашей страны, так и для увеличения экспорта. Но при этом экспертиза особо подчеркнула, что основные выявленные запасы газа размещены на востоке, за Уралом, главным образом в Западной Сибири, и их освоение связано с исключительными трудностями из-за сурового климата, вечной мерзлоты, отсутствия транспортных коммуникаций. Следовательно, нужны большие капитальные вложения, предстоят эксплуатационные издержки, намного превышающие аналогичные затраты на газовые месторождения Европейской части Союза.

Во второй половине прошлого года работала еще одна экспертиза, которую возглавлял известный ученый, профессор Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени И. М. Губкина, лауреат Ленинской премии А. А. Бакиров, один из первооткрывателей богатейших месторождений газа в Узбекистане. И она подтвердила, что наши запасы газа значительны. Разведанные запасы достигли 34 триллионов кубометров, из них свыше 27 триллионов приходится на Западную Сибирь, где усилиями советских людей создан газонефтяной комплекс, не имеющий себе равных в мире. Ко всему этому можно добавить оценку мирового энергетического конгресса: более одной трети геологических запасов природных газов, залегающих в недрах всей планеты, приходится на долю Советского Союза.

Государственная экспертиза убедительно доказала экономическую эффективность нового газопровода и признала целесообразным и возможным выделить необходимые ресурсы для этой магистрали. В основе такого решения — научно обоснованная, подтвержденная крупными специалистами возможность надежно планировать развитие отечественной газовой промышленности на дальнюю перспективу.

Успехи нашей газовой промышленности известны. За короткий период усилиями партии и правительства, советских людей она превратилась в крупнейшую отрасль народного хозяйства и по объему добычи газа занимает второе место в мире. В памяти нашего поколения первые ее шаги. До войны мы добывали всего три миллиарда кубометров газа — примерно в сто раз меньше, чем США.

Весной 1945 года мне довелось с комиссией специалистов побывать в Америке, знакомиться с промыслами и газопроводами этой страны, заказывать оборудование для строительства первого советского крупного газопровода Саратов — Москва. В ту пору уровень добычи газа в США казался недостижимым.

День Победы наша делегация встретила в США. На душе было радостно. Но уже тогда мы ощутили первые порывы ветра «холодной войны». Наиболее реакционные газеты выступили против поставки оборудования для нашего газопровода, мотивируя тем, что самим нужны компрессоры, трубы. Американские фирмы хотя и поставляли нужное нам оборудование, но с большими перебоями. Пришлось многое изготовлять на своих заводах, хотя это было очень трудно — шел первый послевоенный год. И тем не менее в 1946 году саратовский газ поступил в Москву. Этот первенец советских газопроводов до сих пор надежно работает. А наша газовая индустрия с той поры совершила гигантский скачок.

Известно, что в одиннадцатой пятилетке топливно-энергетическому комплексу уделено большое внимание. Особое место в этом комплексе занимает газовая промышленность.

БЫ»...

Как отмечалось в докладе председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова на шестой сессии Верховного Совета СССР десятого созыва, объем добычи газа в 1985 году достигнет 630 миллиардов кубометров — на 45 процентов больше, чем в 1980 году. Это означает, что уже в ближайшие полтора-два года мы опередим уровень добычи газа в США и прочно завоюем первое место в мире. Вспомним, до войны мы добывали лишь три миллиарда кубометров газа, а разведанные его запасы составляли лишь пятнадцать миллиардов кубометров...

За пятилетие предстоит построить 48 тысяч километров магистральных газопроводов — на 18 тысяч километров больше, чем в десятом пятилетии. Будут построены пять мощных газопроводов, идущих от Тюменской области в районы Центра, и газопровод Уренгой — Ужгород для подачи голубого топлива на экспорт.

После того, как было решено строить газопровод Уренгой — Ужгород, была образована советская делегация для переговоров с западными капиталистическими государствами. Ее возглавил заместитель министра внешней торговли Н. Г. Осипов. В составе этой делегации мне пришлось в последние два года побывать в ряде стран Западной Европы, ознакомиться с их энергетикой, газовой индустрией.

В 1980 году в Эссене состоялась наша встреча с представителями государственной компании «Рургаз». Ее руководитель доктор Клаус Лизен знакомил нас с газовой промышленностью ФРГ, показал схему газопроводов, подземных хранилищ. Природный газ занял заметное место в энергетике этой страны, однако потребности в нем быстро растут, а собственные источники далеко не достаточны. Шеф «Рургаза» назвал весьма внушительную цифру — 10,5 миллиарда кубометров в год. Такова потребность ФРГ в советском газе. О ее значимости можно судить хотя бы по тому, что общая подача нашего газа в страны Западной Европы составит 40 миллиардов кубометров. В ходе бесед представители «Рургаза» отметили, что снабжение ФРГ советским газом осуществляется нормально, устойчиво. И когда прошлой зимой возникли временные трудности с его подачей, когда американская печать начала вовсю трубить о ненадежности советских партнеров, руководитель «Рургаза» выступил в печати с опровержением этих заявлений.

Не случайно «сделку века» в ФРГ назвали двумя словами: «Газ — трубы». Газ пойдет по трубам, которые должны изготовить западногерманские заводы и предприятия других стран. В Дюссельдорфе президент крупной компании «Маннесман» господин Овербек и другие специалисты ознакомили нас с производством труб большого диаметра — 1420 миллиметров,— с опытом изоляции их наружной и внутренней поверхности непосредственно на заводах. Это сокращает трудоемкие изоляционные работы на трассе и на 5—6 процентов повышает их производительность.

На заводах, компрессорных станциях побывали министр газовой промышленности В. А. Динков, заместители министров В. Н. Сушков, Ю. П. Баталин, эксперты. Предстояло выполнить трудную работу, которую возглавили руководители объединений Минвнешторга, наши торгпреды в странах Западной Европы. Надо было выбрать наиболее совершенное оборудование, в частности для районов сурового севера Тюменской области.

Во Франции нашим партнером является государственная компания «Газ-де-Франс». Со многими руководителями и специалистами французской газовой промышленности мне пришлось встретиться еще четырнадцать лет назад, когда наша делегация вела переговоры о продаже советского газа. Переговоры успешно завершились. Несколько лет тому назад в города Франции поступил из Советского Союза природный газ — событие, отмеченное французами весьма торжественно. А французские фирмы на основе взаимного сотрудничества с СССР поставили Советской стране оборудование для строительства Оренбургского газоперерабатывающего комплекса, во много раз превосходящего по своей мощности все аналогичные заводы мира. В Оренбурге сейчас добывается ежегодно 48 миллиардов кубометров газа, значительная часть которого направляется в страны СЭВ по газопроводу «Союз», построенному совместными усилиями социалистических стран, занимающих ведущее место в нашем экспорте нефти и газа.

Большой интерес к советскому газу проявляет и Италия. Здесь мы особо остро почувствовали, как американские дипломаты всячески противодействовали заключению договора о поставках советского газа Италии. Переговоры с нами вели ответственные сотрудники министерства иностранных дел Италии. Они часто ставили надуманные вопросы, затягивали переговоры, пытаясь «утопить» их в пучине словопрений. Тогда глава нашей делегации Н. Г. Осипов сделал следующее заявление: «Если Италии не нужен советский газ, мы можем не продолжать переговоры. Газопровод все равно будет построен и без участия Италии». Видимо, это подействовало отрезвляюще — итальянцы почувствовали, что они могут остаться без газа. Тем более, что, кроме ФРГ, Франции, Австрии, советский газ просили Бельгия, Греция, Испания и даже Голландия, которая ныне сама является экспортером голубого топлива. В дальнейшем и итальянцы стали участниками строительства экспортного газопровода.

Словом, побывав в ряде капиталистических государств Западной Европы, мы всюду в той или иной форме чувствовали сопротивление определенных сил Соединенных Штатов. Они всячески пытались помешать своим западноевропейским союзникам, и прежде всего ФРГ, заключить новое, грандиозное по масштабам долгосрочное соглашение «Газ — трубы». В июле 1981 года на встрече в Оттаве семи лидеров капиталистических стран президент Рейган настойчиво уговаривал канцлера ФРГ Шмидта отказаться от сделки с СССР и предлагал в качестве компенсации поставлять в ФРГ уголь и уран для атомных станций. За несколько дней до визита Л. И. Брежнева в ФРГ в Бонн прибыл личный представитель президента Рейгана с поручением уговорить руководителя ФРГ отказаться от заключения контракта с СССР. Американцы запугивали наших партнеров: «Поставки газа из СССР ненадежны!» Запомнилась опубликованная в ФРГ пространная статья под провокационным заголовком: «Что будет, если русские закроют кран на газопроводе?». Ответом явились демонстрации рурских рабочих с плакатами: «Лучше трубы для газа, чем для пушек!», «За сделку «Газ — трубы» с СССР, за мир и сотрудничество».

И вот наступило двадцатое ноября. В зале на двенадцатом этаже «Рургаза» в Эссене собрались журналисты. Много телекомпаний, в том числе две американские, вели прямую передачу с места знаменательного события. В торжественной обстановке, в присутствии главы советской делегации Н. Г. Осипова, статс-секретаря министерства экономики ФРГ Д. фон Вюрцена, руководителей «Маннесмана» и других крупных фирм, генеральный директор «Союзэкспортгаза» Ю. В. Барановский и президент «Рургаза» доктор Лизен подписали контракт о поставке в ФРГ ежегодно в течение 25 лет десяти с половиной миллиардов кубометров природного газа из Советского Союза.

Свершилось то, что в упорной борьбе готовилось два года. Компания «Рургаз», западногерманский концерн «Маннесман» и французская фирма «Крезо-Луар» создали консорциум, который будет поставлять в СССР трубы, оборудование компрессорных станций, строительную технику.

В строительстве уникальной магистрали Уренгой — Ужгород принимают участие, кроме ФРГ, Франция, Италия, Голландия, Бельгия и Австрия —она один из первых потребителей советского газа.

В сооружении экспортного газопровода участвуют также Чехословакия и Венгрия, по территории которых пройдет новая газовая артерия.

Что же касается США, немало потрудившихся над тем, чтобы сорвать переговоры СССР с западноевропейскими фирмами, то и они поначалу решили не оставаться в стороне от выгодного контракта. Министерство торговли США разрешило американским компаниям принять участие в поставке оборудования для строительства газопровода Уренгой — Ужгород. Но, как известно, в конце 1981 года администрация Рейгана предприняла недальновидный экономический шантаж в отношении Польши и Советского Союза, использовав для этого как предлог события в Польше. Пренебрегая нормами международного права, своими обязательствами по заключенным контрактам, Р. Рейган объявил о мерах экономической дискриминации, о санкциях против нашей страны, которые, в частности, коснулись и поставок оборудования для газопровода Уренгой — Западная Европа. Ну что же, тем хуже для деловых кругов США, в частности для компании «Катерпиллер трактор», поставляющей в СССР трубопрокладчики. Администрация компании, по подсчетам американских средств информации, может понести убытки в размере более 100 миллионов долларов. Не говоря уже о еще большем росте безработицы.

Первые сотни тысяч тонн труб уже поступили из ФРГ и других стран на строительство экспортного газопровода. Прибывает и строительная техника. Форсированно ведется разработка проекта уникального сооружения. Начались подготовительные работы на трассе Уренгой — Ужгород. Специализированные строительные организации Миннефтегазстроя должны будут построить газопровод в небывало короткий срок — за два года.

Работа предстоит большая и сложная. Трубопровод протяженностью более 4500 километров пройдет через западносибирские болота, таежные дебри, тундровые топи, пересечет реки, горы. Но у наших строителей есть большой опыт прокладки магистралей такого класса. Напомню, что за годы послевоенных пятилеток в стране сооружено сто тридцать тысяч километров магистральных газопроводов. И еще напомню: подача газа по каждому такому трубопроводу эквивалентна электроэнергии, вырабатываемой ГЭС Енисея и Ангары, вместе взятыми. Отсюда и столь большая заинтересованность западноевропейских стран в получении советского газа.

От Уренгоя на запад протянется шесть мощных магистралей. Экспортная — одна из них. Вся эта система будет отличаться исключительно высокой пропускной способностью. Это поистине уникальные в мировой практике стальные русла газовых рек: диаметр труб 1420 миллиметров, а давление 75 атмосфер. Их сооружение связано с большим расходом металла, большими капитальными вложениями. Каждая тысяча километров трубопровода диаметром 1420 миллиметров потребует более восьмисот тысяч тонн труб. Для экспортной магистрали, как это предусмотрено «сделкой века», трубы нам будут поставлять ФРГ, другие западноевропейские страны и Япония.

Строители магистральных газопроводов используют, конечно, не только импортные, но и в значительной мере отечественные трубы большого диаметра. И вот встал вопрос: нельзя ли обойтись меньшими, чем это предусмотрено, затратами металла, ресурсов, времени? Есть такая возможность! Речь идет о необходимости перейти на более высокое давление — 100—120 атмосфер. Расчеты, проведенные Госэкспертизой Госплана СССР, показали, что при одинаковой расстановке компрессорных станций и при том же диаметре труб переход на давление в 100 атмосфер позволит увеличить производительность каждого газопровода на одну треть и, следовательно, сократить общую протяженность газопроводов из Западной Сибири на 15 тысяч километров и значительно снизить трудовые затраты. Дело это очень перспективное, многообещающее. Чтобы подавать газ под более высоким давлением, советские ученые предложили новую конструкцию труб, так называемых многослойных. Их производство начинает осваивать Выксунский металлургический завод.

Огромный опыт советской газовой индустрии дает основание утверждать: СССР, несомненно, выполнит свое обязательство по контракту «Газ — трубы». В 1984 году газ Уренгоя поступит в страны Западной Европы.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ: РАЗНЫЕ АСПЕКТЫ

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

КТО НЕСЕТ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ТО, ЧТО НОВЫЕ ТРИКОТАЖНЫЕ МАШИНЫ ВДВОЕ ТЯЖЕЛЕЕ И МЕНЕЕ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ, ЧЕМ СТАРЫЕ!

Два года назад один мой знакомый похвастал:

— Купил сыну курточку — просто прелесть!

И не удержался, развернул пакет. Курточка действительно выглядела необычно. Прежде всего сам материал: пушистый, похожий на двустороннюю махровую ткань. Только это была не ткань, а трикотаж — податливый, облегающий, а далеко выпущенные на обе стороны петли создавали высокий и мягкий ворс. Куртка была нарядная, легкая, теплая. Мне тоже захотелось купить такую, что вызвало веселую улыбку у моего знакомого:

— Это же случай. Их в пять минут расхватали.

После того прошло немало времени, прежде чем мне довелось побывать в трикотажном производственном объединении «Луч». В разговоре с его директором, Григорием Васильевичем Табуном, вспомнилась и та нарядная курточка.

— Большой дефицит!— сказал директор. — Существует только одна машина, которая выпускает такой материал. Мы его называем двусторонним плюшем. Придумал эту машину и изготовил (взяв за основу гладковязальный образец) наш слесарь Владимир Михайлович Коровец. Получаем мы с этой машины несколько тысяч метров материала в год. Изделия из него исчезают мгновенно — как капля в океане рынка.

Такое его сообщение вызвало целый ряд вопросов. Почему эта машина существует в одном экземпляре? Как отнеслись к ней конструкторы? Что думают по этому поводу в Минлегпищемаше?

— А кого это интересует?— устало вздохнул директор.— Вот вы... хоть написали бы об этом умельце. Золотая голова! Он машину, в которой тысячи деталей, видит как бы изнутри — все существующие в ней и все, которые возможны, взаимодействия. И вообще интереснейший человек!

В. М. Коровец при знакомстве с ним оказался мало похожим на сложившийся литературный тип народного умельца: не козыряет метким словцом в разговоре, нет у него хитроватого прищура глаз... Среднего роста, сутуловатый, говорит тихо, голубые глаза спокойны и смотрят скорее в себя, чем на собеседника.

На фабрику он пришел застенчивым сельским парнем сразу же после освобождения Львовщины от фашистской оккупации. И в одной должности слесаря-ремонтника трудится вот уже тридцать семь лет. Правда, название должности далеко не отражает всего того, что он делает здесь в объединении. У него прошли выучку многие нынешние мастера, которые сами уже имеют не одно поколение учеников, у него набирались необходимых знаний инженеры и технологи, выдвинувшиеся теперь на руководящие должности. Но его собственный рассказ о себе был предельно скуп:

— Сначала я придумал, как сделать односторонний плюш. Тогда еще не было таких трикотажных машин ни наших, ни зарубежных. Сделал иглу, на которой провисала петля... Это уже потом кунцевский завод стал выпускать специальные иглы. Первые детские фуфаечки, махровые пляжные костюмы были из трикотажа, сделанного на моей машине. Но это уже давно... А потом засела мысль сделать двусторонний махровый трикотаж. Это сложно, в машине больше тысячи игл, все должны взаимодействовать да еще сбрасывать петли на обе стороны. Но я, когда чем-то заболею, то болею тяжело. Года два не получалось, уже хотел бросить. И не смог. Сделал.

Ничего другого о себе он не рассказал. Предложил пройти по цеху. Десятки машин, поставленные рядами, без особого шума стаскивали с больших мотков нити, заплетали их в бесконечные раструбы, которые свисали, укладываясь внизу мягкими кольцами. Остановившись возле одной из них, Владимир Михайлович сказал:

— Вот работает. Кое-что, конечно, придется доделать, но двойная вязка уже идет.

На меня эта машина (как выяснилось позднее, переделанная им для вязки двойного трикотажа) не произвела впечатления. Тогда он приподнял край полотна и показал мне. С одной стороны оно было синим с чуть заметными белыми точками, а с другой — чисто белым. Пояснил:

— Синяя лицевая сторона — это акрил, а белая изнаночная — чистый хлопок.

Все преимущества такого сочетания мне потом объяснила Нина Петровна Василишина, главный технолог. Но там, возле машины, я многое не понял. И Владимир Михайлович, как-то неопределенно пожав плечами, предложил зайти в его мастерскую. Это небольшой закуток в конце цеха, где есть и настольный токарный станок, и сверлильный, и верстачок, и много иных железок. А в уголке у окошка, прикрытый темным лоскутом какой-то прибор. Решительно сняв лоскут, мастер сказал:

— Вот...

Специалист, увидев такое, подпрыгнул бы от удивления и восторга. И никаких иных пояснений, кроме сказанного со скромным достоинством «Вот...», не стал бы ждать. А журналисту нужны были пояснения... Но тут зашел мастер Леонид Иосифович Краус и все объяснил:

— Это лентовязальная машина, сделанная вся, до винтика, руками Владимира Михайловича и по его весьма оригинальной конструкции... В нашей стране обычно применяются итальянские лентовязальные машины. Руководство объединения несколько лет просит закупить для нас хоть одну. Вязаной ленты не хватает, она идет на отделку швов, подрубку края трикотажных изделий. И вот Владимир Михайлович придумал и сделал машину, которая намного легче итальянской и производительней.

Однако ответить на вопрос, почему и эта машина остается в одном экземпляре, мастер не смог. А главный технолог заявила решительно:

— Этого объяснить не может никто! Мы, инженеры трикотажного производства, и машиностроители, которые изготавливают для нас оборудование, разговариваем на разных языках.

В том, что у трикотажников свои взгляды на технический прогресс, можно было убедиться еще возле проходной. Там торжественно встречали помощников мастеров, которые обслуживают кругловязальные машины МС-5, съехавшихся во Львов со всех концов республики. Для них на «Луче» была организована двухдневная школа передового опыта.

Узнав такое, машиностроители только развели бы руками: ведь машины МС-5 сняты с производства. Вместо них широким потоком выпускаются новые — КО. Разве не логичнее было бы собрать школу именно по этим машинам? Главный технолог Н. П. Василишина считает, что не логичнее...

— Когда мы говорим «новая машина», то полагаем, что она более совершенная, более производительная,— говорит Нина Петровна.— Так вот, старая, снятая с производства МС-5 весила восемьсот кило, а новая — тысячу восемьсот! И по цене, конечно, новая несравненно дороже. А производительность у нее... ниже, чем у старой! Конечно, и старая далека от совершенства, но за десять лет эксплуатации такие умельцы, как наш Коровец, многое улучшили в ней, дотянули. Почему бы машиностроителям не обобщить их опыт и не выпускать ту же машину с индексом «М»?

И вообще, — горячо продолжала Нина Петровна, — сейчас мы все равняемся на лозунг «Экономика должна быть экономной». Если честно следовать этому призыву, то трикотажную промышленность надо всемерно развивать. Судите сами: мы всеядны, то есть берем любую нить, не в пример текстильщикам. Трикотажные машины более производительны, у нас меньший расход сырья на единицу продукции. При пошиве изделий из трикотажа трудовые затраты процентов на тридцать ниже, чем из тканевых материалов, отсюда и меньше отходов. Ведь трикотаж податлив, облегает фигуру и не нуждается в вытачках, складочках и прочем. А какое у нас богатство переплетений! Вот Владимир Михайлович переделал машину так, что дорогой, а главное, дефицитный хлопок составляет изнаночную сторону, а на лицевую можно пускать износоустойчивые, красивые, хорошо сохраняющие форму синтетические нити...

Выложив еще целый ряд веских доводов в пользу того, что дорогостоящее сырье перерабатывать в трикотаж экономически более выгодно, нежели в ткань, приведя эстетические и чисто практические соображения по этому поводу, Нина Петровна задумалась и стала вспоминать...

Четверть века назад еще студенткой была она на практике в Ленинграде. Мастер вывозил тогда на тачке в класс чулочный автомат КАС-14, и практиканты учились разбирать его, собирать, постигали особенности его обслуживания. Потом КАС-14 был снят с производства, а вместо него появился новый ОЗЧА. Он оказался вдвое тяжелее и стал давать шесть пар чулок в час, тогда как старый давал... восемь! Сейчас же не выпускаются ни тот, ни другой.

— «Экономика должна быть экономной» — с этим все согласны. Но нам неясна позиция Минлегпищемаша,— говорит Нина Петровна.— Судите сами — лет двадцать идут разговоры о том, что надо расширять и модернизировать Кунцевский игольно-платинный завод имени КИМа. И многие годы подряд мы недополучаем шестьдесят — семьдесят процентов необходимых нам игл. Такое же положение на всех трикотажных предприятиях. По этой в основном причине брак — вырезки из уже готового полотна — составляет на разных предприятиях от полутора до пяти процентов. Вот где пропадают миллионы, на которые можно было бы построить не один завод.

Неясным остается и то, почему многие новые машины, предназначенные для трикотажного производства, более тяжелые, чем старые, не отличаются высокой производительностью и имеют несравненно более высокую цену. Не разумнее было бы конструкторам Минлегпищемаша снизойти до опыта слесарей трикотажных фабрик, пойти по пути упрощения, облегчения выпускаемых машин, не изобретать велосипед, а совершенствовать конструкцию уже изобретенного?

Вот что сказала по этому поводу Н. П. Василишина:

— Машиностроители никогда не возьмутся выпускать машину, которую изобретет Коровец. И вообще они никогда не станут выпускать более легкие и более дешевые машины для трикотажников. Им это не надо. Им нужен план в деньгах, а значит, и более дорогие, более громоздкие, начиненные никому не нужными приборами изделия. А наш опыт никто из них не учитывал.

Конечно, заинтересованные лица из Минлегпищемаша и Минлегпрома должны бы поколебать такую неутешительную категоричность главного технолога. Найдутся ли веские аргументы для этого?

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
соб. корр.
«Огонька»

Львов.

ПОДВИГ ВЗВОДНОГО

К 40-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

А. СМИРНОВА-КОЗЛОВА

У околицы деревни Зайцево, что в шестнадцати километрах западнее Тулы, под куполами лип — братская могила, обнесенная чугунной цепью. У изголовья — памятник советским воинам, погибшим при защите Тулы. На обелиске надпись: «Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины. 1941—1945 гг.».

Здесь нашли вечный покой тридцать пять советских бойцов. Теперь известны фамилии шестнадцати. Среди них и хорошо знакомая: Новоселов Николай Сергеевич, лейтенант, друг моего детства и юности.

Николай Сергеевич Новоселов родился в 1902 году в старинном русском городе Волоколамске. Его отец преподавал в духовном училище русскую словесность, а мать, очень начитанная женщина, воспитывала четверых детей. Дети росли в атмосфере любви к родному краю, природе, родному языку, истории и литературе.

Это был на редкость добрый и отзывчивый мальчик. В детстве ни с кем не дрался, играть в войну не любил, у него и военных игрушек не было.

А физкультурой, физической закалкой занимался много, иногда перебарщивая в этом. Помню, как однажды они с товарищем по техникуму решили проверить себя на выносливость. В декабре в одних трусах и тапочках пробежали шесть верст — от техникума до Волоколамска и обратно. А после кросса около месяца ходили обмороженные и забинтованные.

Ни с кем не ссорясь, он охотно участвовал в различных диспутах и спорил всерьез, упорно. Но это удивительно сочеталось у него с уважением к своим оппонентам, с терпимостью к их взглядам. Доводы его отличались логичностью и убедительностью.

Революцию Николай встретил пятнадцатилетним юношей. На пятом году революции ему исполнилось девятнадцать лет, а он все еще искал смысл жизни. В техникуме, где Николай учился два года и вел большую общественную работу, была сильная комсомольская организация, а вожак ее был личным другом Коли. И все же он не подошел вплотную к комсомолу, а продолжал мучиться «проклятыми вопросами».

Осенью 1922 года Николай поступил в Высший литературно-художественный институт имени Брюсова. Начинается новая жизнь. В институте был крепкий партийный коллектив. Николай знакомится со старыми партийцами: секретарем парткома Иваном Андреевичем Козловым (рабочий, член партии с 1905 года, прошедший царское подполье, царскую каторгу, пять большевистских подполий в гражданскую войну, бежавший из ссылок, концлагеря, из-под ареста, из-под расстрела), Петром Замойским, Артемом Веселым, Иваном Жига и другими.

В институте активно действовала и комсомольская ячейка; закоперщиками всех дел были Яков Шведов, Михаил Светлов, Михаил Голодный, Александр Ясный, Иван Викторов, Александр Безыменский, Алио Мирцхулава. Для связи с жизнью и рабочей средой институт посылал своих студентов на заводы и фабрики руководить литкружками, работой стенных газет, готовить стенкоров и рабкоров. В числе активных посланцев института был и Николай Новоселов.

В начале 1925 года Николай Новоселов подает заявление с просьбой принять его в комсомол. «За» голосовали все, а поэт Митя Климов, инвалид гражданской войны, сказал:

— Я с радостью голосую за принятие в наши ряды Николая Новоселова и желаю, чтобы он поскорее выковал в себе борца. Уж больно ты, Николай, смирненький. Вдруг опять война, а ты не готов!

Студенчеству в те годы жилось туго. В Брюсовском институте мы получали стипендию: сначала 8 рублей, потом — 10, в 1924/25 учебном году — 20 рублей. С голоду не умрешь, но и не проживешь. При тогдашней свирепой безработице мы хватались за первую попавшуюся работу. Ребята грузили и разгружали речные баржи и товарные вагоны, а девчата в рабочих общежитиях мыли полы и работали в прачечных. Кроме учебы, работы за кусок хлеба и общественной работы, Коля еще самостоятельно изучал язык эсперанто и уже вел оживленную переписку на эсперанто не только в СССР, но и с зарубежными корреспондентами. И несмотря на огромную перегрузку, он успешно окончил институт. А ведь многие не выдерживали и бросали учебу.

Осенью Николая призвали в армию... Через год он демобилизуется и целиком уходит в литературную работу. Публикует стихи, рассказы, но больше всего пишет рецензий, в основном на произведения зарубежных авторов. Написав повесть о молодежи, он послал ее на суд Горького в Сорренто.

Алексей Максимович повесть основательно раскритиковал, но, подметив в молодом авторе способность к анализу, посоветовал переключиться на критику. Между ними установилась переписка.

Обуреваемый жаждой шире и глубже познать жизнь, Николай

Н. С. Новоселов. Фото начала 1925 года.

Сергеевич едет в глухой угол Архангельской губернии, преподает русский язык и литературу в школе крестьянской молодежи. С большой теплотой писал он о своих учениках.

Затем Николай перебирается в Нижний Тагил, чтобы «повариться в рабочей среде». Там он работает учителем русского языка и литературы в школе рабочей молодежи. В 1934 году Николай Сергеевич написал и блестяще защитил диссертацию на тему «Гуманизм Мопассана». Ему предложили написать докторскую. Николай написал, но к защите представить не успел. Началась война.

В это время он был преподавателем Саратовского университета. Николай Сергеевич спешит в военкомат. Но его заявление вернули: ученые, мол, и в тылу нужны.

— Я же офицер запаса, я обязан быть на фронте!— настаивал он.

— Идите. Когда понадобитесь, позовем.

И вот, наконец, долгожданная повестка! Жена пыталась напомнить Николаю, что с таким зрением, как у него, воевать нельзя и он без труда может получить бронь.

— Марина, иначе я не могу!— отрезал Николай.

Она поняла его и замолчала. Не сказала и о том, что у них должен быть ребенок, которого с таким нетерпением ждали.

Командир взвода лейтенант Новоселов спешно обучает солдат азам военной науки, учится и сам. Жене шлет письма, полные восхищения своими бойцами. Вскоре их часть перебросили на передовую. В письме он пишет: «Только что закончили одну операцию. Фронт оказывается не такой непрерывной цепью опасностей, как представляешь по всякой военной литературе».

Требовательный к себе, был он строг и взыскателен к бойцам, при этом оставаясь товарищем своих подчиненных. Его заместитель Николай Матвеевич Королев вспоминал:

— Хоть и требовательный был наш командир, но и заботливый, что родной отец. Ему тогда исполнилось тридцать девять лет, а почти всем ребятам во взводе по двадцать. Бывало, проверит, хорошо ли отрыт окоп, сыт ли боец, получает ли письма, отвечает ли сам на них, каково настроение. Всем интересовался. Незадолго до гибели он где-то достал роман Толстого «Война и мир» и каждую свободную минуту то читал, то пересказывал его содержание, особенно раскрывая патриотизм русского народа. А иной раз байку веселую расскажет или анекдот. Весело было с ним, интересно, и окопные тяготы казались легче.

В декабре 1941 года 50-я армия, перейдя в наступление под Тулой, освободила Косую Гору, Ясную Поляну, Щекино и другие населенные пункты. Надеясь на превосходство в живой силе и технике, особенно в танках, фашисты рассчитывали остановить стремительное продвижение наших войск.

В дни ожесточенных боев за Щекино на 15-м километре Одоевского шоссе окопался взвод лейтенанта Новоселова. Задача: не пропустить немецкие танки к Туле. Однажды вечером лейтенанту сообщили о возможности появления танков на его участке.

Углубили окопы до полного профиля, подготовили противотанковые ружья, гранаты, бутылки с горючей смесью. Командир был краток.

— Назад ни шагу! У нас один путь — к победе!

Рано утром на шоссе показались танки. Они еще издали обрушили на защитников рубежа шквальный огонь. Но в окопах

тишина. Когда до танков остались считанные метры, раздалась команда: «Огонь!»

Боец Орлов сразу же подбил танк, Асташев поджег другой. Выскочивших фашистов уничтожили пулеметчики. Танков было много, и они попытались пойти в обход, но попали под артогонь.

Немцы отошли назад... Командир взвода использовал передышку для приведения в порядок укрытий, перевязки раненых. Асташеву раздробило руку, у Одегова разбито бедро, ранены и другие, но никто с поля боя не ушел.

Через два часа фашистские танки ринулись в новую атаку и опять были встречены огнем из всех видов оружия. Танки снова горели, а уцелевшие повернули вспять. Так же героически была отбита и третья атака.

— Новоселов лежал на правом фланге. Между короткими командами мы слышали, как он пел «Интернационал», — вспоминают очевидцы,— и это очень ободряло бойцов. В диске его автомата еще оставалось несколько патронов, но он не успел ими воспользоваться, так как на его окоп двигался танк. Когда осталось до него метров двадцать, взводный поднялся, вскинул связку гранат и бросился под танк, взорвав его и себя.

— Лейтенант погиб!— крикнул ближайший к командиру боец Сомов и подорвал другой танк.

Тем временем два танка устремились на бойца Лягущенко, но храбрец не растерялся, гранатами остановил одну машину, а другую подбили артиллеристы. Раненный в руку и голову, гранатами отбивался Николай Королев... Атака захлебнулась.

Когда к месту боя подошли наши, на ногах был один Королев; с перебитым позвоночником, с многими ранами лежал Лягущенко. Сомов скончался тут же, на руках товарищей. Королева отправили в тульский госпиталь, но он оттуда сбежал в действующие войска.

Многие годы никто не знал о героях-новоселовцах, а Королев и чудом выживший Лягущенко по своей скромности ничего не рассказывали.

Долго лечившийся Лягущенко, как только стал самостоятельно двигаться, отыскал жену своего командира Марину Александровну Яхонтову и поведал ей об обстоятельствах гибели ее мужа, о его беспримерной храбрости. А в декабре 1968 года Президиум Верховного Совета СССР посмертно наградил Николая Сергеевича Новоселова орденом Отечественной войны I степени.

Жаль, что окопы, немые свидетели этого неравного боя, свидетели мужества, исключительной храбрости советских воинов, уже разрушились и заросли кустарником. Скоро от них не останется следа. И не узнает и не почувствует ни проезжий, ни прохожий о том, что это место, политое кровью советских патриотов, — священно. В истории боев за Тулу оно по достоинству названо «Тульское Дубосеково».

Гусейн АББАСЗАДЕ

ДВЕРНОЙ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Посвящается Азизу Шарифу

Когда Ахмеду Шахбазлы дали квартиру в новом семиэтажном доме на набережной напротив Приморского бульвара, он сам выбрал пятый этаж. Ему советовали в институте взять квартиру на втором этаже: пожилому человеку лучше жить пониже,— но Шахбазлы настоял на своем. Со второго этажа не увидишь бухты, ее заслоняли густо разросшиеся на бульваре деревья. Разве что зимой, когда опадали листья, она представала взгляду, но обзор все равно был небольшой. Иное дело — пятый этаж. Отсюда синяя Бакинская бухта была видна во всю свою ширь. Она лежала перед тобой, как на ладони, и вдали, где-то за островом Наргин, сливалась с голубым небом.

Квартира была хорошая, из пяти комнат, одну из которых занимал сам профессор Ахмед Шахбазлы, а остальные — его сын с женой и двумя детьми. Кроме того, был длинный-длинный балкон. Тут Шахбазлы со временем устроил настоящий сад. В ящиках с землей росли цветы. Виноградную лозу, высаженную внизу, в ямке у стены, Шахбазлы поднял до своего этажа и пустил вдоль балкона, и балкон будто окунулся в благословенную тень ее листьев.

Славно было по вечерам, когда спадала дневная летняя жара и южный ветер нес дыхание моря, сидеть тут, на балконе, попивать крепко заваренный чай и играть в нарды.

Все в доме знали Ахмеда Шахбазлы и относились к нему с огромным уважением, почтительно здоровались при встрече. Ведь он был известным ученым-геологом, знатоком Каспия. Составленными им картами пользовались нефтеразведчики, закладывая новые морские буровые.

Но не только ученостью был известен Ахмед Шахбазлы жильцам этого дома. О нем еще и вот как говорили: «Это старик, у которого молоток на двери».

И верно, с некоторых пор на входной двери в его квартиру появился висячий молоток. Не деревянная колотушка, а старинный, неведомо в каком веке выкованный железный молоток. У него была изогнута углом рукоять и закругленный набалдашник, который упирался в железный диск, вделанный в дверь. Молотком следовало стучать по этому диску. На обтянутой кожей двери рядом с электрическим звонком это громоздкое и не очень-то изящное приспособление для подачи сигнала выглядело примерно так же, как грубая баранья папаха на человеке, облаченном в наимоднейший костюм.

Но Ахмеду Шахбазлы дверной молоток был мил. С тех пор, как он появился на двери, старик не прикасался к кнопке электрического звонка и не отпирал дверь своим ключом — обязательно брался за молоток и стучал по железному диску: тук-тук, тук-тук... Может, он оригинальничал? Теперь ведь многие люди напридумывали себе всякие «хобби», чтобы выделиться, привлечь общее внимание. Да нет, не такой был человек Ахмед Шахбазлы, чтобы гоняться за модой. Он и смолоду не был склонен к таким штукам. А теперь и подавно: не пристало в преклонном возрасте совершать экстравагантные поступки.

Просто чудачество, извинительное старику...

Но некоторые из соседей, бывавшие в этой квартире, знали от невестки профессора, что тут не просто чудачество, не пустая забава.

Ахмед Шахбазлы родился в маленьком старинном городке на берегу реки. С детства перед его глазами была текучая, мутноватая, усыхающая летом и прибывающая зимой вода Аракса. Неподалеку от речного берега стоял одноэтажный кирпичный домишко с крохотной кухонькой. Шахбазлы слышал в детстве, что этот дом построил тут когда-то его прадед. Тут родились и впервые увидели свет дед, и отец Ахмеда, и он сам.

Восемнадцатилетним юнцом он уехал из родного городка в Баку, поступил на работу, потом пошел учиться, стал геологом — в общем, поселился там на всю жизнь. Но каждым летом приезжал в городок на Араксе, проводил отпуск в родительском доме. Нигде ему так хорошо не спалось, как в маленькой угловой комнатке на деревянной тахте. Нигде так хорошо не отдыхалось, как тут, в тенистом дворике, куда доносился вечный шум бегущей воды.

Но шли годы. Умер отец. Мать пережила его ненадолго. После смерти матери Ахмед Шахбазлы все реже стал наведываться в родной городок. Потом повыходили замуж и переехали к своим мужьям сестры. И дом на речном берегу опустел. Он стоял, будто осиротевший, потемневший от времени и дождей, с облупившейся штукатуркой, и большой амбарный замок на его воротах покрылся толстым ржавым налетом.

Прошли еще годы. Сестры писали Ахмеду, что дом совсем обветшал, что хорошо бы ему, Ахмеду, приехать и продать его, покупатели есть. «Приезжай, пока не поздно!»— советовали сестры.

Что-то встревожился старый профессор. Обычно накануне приезда он посылал старшей сестре телеграмму, и ее сын встречал его на вокзале. А тут заторопился, не успел телеграмму отправить, схватил такси и примчался на вокзал как раз перед отправлением вечернего поезда. Наутро он уже был в родном городе. Солнце ударило ему в глаза, когда он вышел на привокзальную площадь. Синели вдали знакомые с детства горы. Ахмед Шахбазлы решил пройтись до своего дома пешком. Он неторопливо шел, помахивая маленьким дорожным чемоданчиком, и с любопытством смотрел по сторонам. За несколько лет, что он не был здесь, в городе появились целые кварталы новых домов, тут и там высились краны над новостройками. Шахбазлы миновал старинную башню одиннадцатого века — главную достопримечательность города — и тесными, кривыми улочками вышел к своему дому.

Дом выглядел бесприютным и запущенным. У Ахмеда Шахбазлы защемило сердце. Бросился в глаза старый дверной молоток. Его рукоятка прежде матово блестела от постоянных прикосновений ладоней, а теперь покрылась ржавчиной. Шахбазлы взял молоток, с трудом повернув его в заржавевшем ушке, и легонько ударил по железному диску. Туктук... тук-тук...

Мальчуган лет десяти, игравший на углу улицы, подбежал к нему и сказал:

— Дяденька, тут никто не живет. Вы что, не видите, на воротах замок висит.

— А ты чей сын?— спросил Шахбазлы.

Мальчишка назвал себя, и Шахбазлы понял, что это подросший за минувшие годы внук товарища его детства, соседа, погибшего в сорок втором году под Керчью.

— Так тебя зовут Джалил? Ну да, тебе же дали имя деда... Послушай, Джалил, ты дотянешься до этого молотка?

Мальчуган был невысок ростом.

— Конечно, дотянусь,— сказал он самолюбиво.

Но ему пришлось встать на цыпочки, чтобы достать до молотка.

— Ну, молодец,— одобрительно сказал Шахбазлы.— А теперь постучи молотком.

Джалил нерешительно переступил с ноги на ногу. Ослушаться старшего, да еще такого важного, седого, было невозможно, но стучаться в дом, в котором никто не живет, казалось мальчику странным и бессмысленным.

— Что ж ты не стучишь? Я же сказал тебе.

— А зачем?— пролепетал мальчик.— В доме же нет никого...

— Знаю. Просто мне хочется послушать, как стучит этот молоток.

— Просто так?

— Да, просто так. Стучи же.

— Ну, раз вы хотите...

Тук-тук-тук-тук-тук...

Ахмед Шахбазлы отступил на несколько шагов. С улыбкой смотрел на мальчишку, орудовавшего молотком. Монотонный стук с легким звенящим призвуком был приятен старику, как самая прекрасная мелодия. В лохматом пареньке он вдруг как бы увидел самого себя в далеком детстве, когда подрос настолько, что смог дотягиваться до молотка. Бывало, он прибегал домой с улицы или с реки, где играл со своими сверстниками, и стучал молотком, хотя отлично знал, что дверь не заперта. И мама открывала незапертую дверь. Она не ругала его, Ахмеда, за этот ненужный стук. Другое дело — сестры. Когда одна из них, услыхав стук, шла открывать и видела, что дверь не заперта, крючок не накинут, она принималась кричать на маленького Ахмеда, ругать за то, что «от него покоя нет никому»... Потом, когда Ахмед начал ходить в школу, он, возвращаясь домой, уже не поднимал такой стукотни — дважды бил молотком: тук-тук... тук-тук... И мать отворяла дверь не спрашивая: она знала, что это он, Ахмед.

— Ай, Джалил, что за тарарам ты поднял на весь квартал?— раздался женский голос. Из ворот соседнего дома высунулась голова старухи в темном платке.— Ты что, забыл, что там никто не живет?

Мальчик, увлекшийся стуком молотка, не услышал ее воркотни и продолжал бить по железному диску что было сил.

— А, так ты себе новую забаву нашел! Ну погоди же!— рассердилась старуха и направилась к внуку с явным намерением схватить его за ухо.

Тут она увидела Ахмеда Шахбазлы и остановилась, удивленная.

— Добрый день, Тукез баджи,— сказал он, раздвигая в улыбке седые усы.— Не ругай Джалила, это я попросил его постучать молотком.

— Добро пожаловать, Ахмед муаллим,— заулыбалась тетушка Тукез.— Давненько мы тебя не видели. Каким ветром тебя занесло?

— Да вот, приехал проведать своих... на отчий дом посмотреть.

— Хорошо сделал,— закивала женщина.— Эх, я и понять не могу, как это можно жить в больших городах. Всюду толпы, давка, все бегут, торопятся куда-то. И дышать там нечем, свежего воздуху даже на один глоток не хватает...

— Может, ты и права, Тукез баджи.— Ахмед Шахбазлы погладил Джалила, слушавшего их разговор, по лохматой голове.— Меня с годами все больше тянет в наш городок. Чем даль-

МОЛОТОК

ше углубляюсь в старость, тем больше душа тянется к родным местам, где детство прошло... к тишине вот этой... Где я только не побывал, Тукез баджи: и у нас в стране и за границей,— какие красивые видел города, а все же лучше нашего городка нету нигде...

— Да будет пухом земля твоим родителям, Ахмед, зачем же ты живешь в Баку? Что тебя там держит? Ты старый человек, много поработал на своем веку — хватит, выходи на пенсию и переезжай сюда. Здесь твой дом. Поживи в тишине и покое.

— Так-то так,— вздохнул Шахбазлы,— да видишь ли, Тукез баджи, не могу я без работы. Если я еще держусь как-то, в мои-то годы, то это только благодаря работе...

— Работу и здесь можно найти. Дадут тебе работу, если она так уж тебе нравится.

— Такого института, как в Баку, по моей специальности, здесь нет.

— Все мужчины упрямы,— сказала тетушка Тукез, с сожалением поглядев на старого профессора.— Я вижу, ты только с дороги. Пойдем к нам, напою тебя чаем. Отдохнешь немного. Твой дом никуда не убежит.

— Спасибо, Тукез баджи. Большое спасибо. Я в поезде попил чаю, позавтракал. Мне хочется поскорее войти в свой дом...

Он отпер замок и вошел в свой дом. Тут стоял затхлый, нежилой дух. В одной комнате отсырел потолок, в других зияли темными пятнами давно не беленные стены. Дворик густо зарос сорняком. Во всех углах висели пыльные лохмотья паутины.

Надо было что-то делать с домом, чтобы спасти его от разрушительной работы времени. Продать, пока находятся покупатели. Или... Тут Ахмеду Шахбазлы пришла в голову одна мысль. Он направился к старшей сестре, жившей в новом квартале. Сестра всплеснула руками, увидев его: как же так, приехал без предупреждения, почему не позвонил, не дал телеграмму... Когда переполох утих, Шахбазлы поделился своими соображениями с нею и ее сыном, человеком деловым и толковым, служившим в местном отделении «Сельхозтехники».

— По правде, мне не хочется продавать дом,— сказал им Шахбазлы.— Нельзя ли найти тут семью, которой можно было бы его сдать на длительное время? Платить ничего не надо, никакой квартплаты. Но пусть бы они сделали ремонт, ну, побелили бы стены и все такое. И содержали бы дом в порядке. Конечно, надо, чтобы это были не первые попавшиеся люди, а такие, которым можно доверять. А?

Племянник задумался.

— Знаете, Ахмед даи,— сказал он, помолчав,— пожалуй, такую семью я найду. У нас сын главбуха женился, и ребенок у них, а с квартирой плохо, тесно очень. Отец, верно, записал его в кооператив, но дом этот еще не начали строить, года на три дело затянется... Я поговорю с ним.

— Ну что ж,— сказал Шахбазлы.— Пусть хотя бы на три года.

Дело быстро сладилось. За два дня, что Ахмед Шахбазлы пробыл в городке, была заключена сделка или, лучше сказать, соглашение; сын главбуха получил ключ от дома и даже договорился в ремонтной конторе относительно ремонта. Шахбазлы оставил за собой угловую маленькую комнату, где обычно останавливался по приезде домой, тут стояла деревянная тахта его детства, тахта, на которой так сладко ему спалось. Сюда он попросил перенести кое-что из мебели из других комнат. Остальные три комнаты сдавались квартирантам.

С легкой душой, успокоенный, уехал Шахбазлы в Баку. Перед отъездом, как обычно, он посетил кладбище, где были похоронены его родители.

Впоследствии из телефонных разговоров, из писем племянника он узнавал, что там все в порядке, квартирант хорошо смотрит за домом, прямо душа радуется — так хорошо. И профессор тоже чувствовал, что радуется душа оттого, что он все так хорошо устроил.

Однако не прошло и двух с половиной лет, как все переменилось. В жизни ведь это бывает довольно часто.

Однажды вечером ему позвонил из родного городка племянник и сказал, что дом подлежит сносу. Он, племянник, как мог, задерживал это решение горсовета, но теперь ничего больше сделать не может, пусть Ахмед даи сам приедет, да поскорее: уже начали сносить соседние дома.

В ту ночь Ахмед Шахбазлы не мог уснуть. Черная весть лишила его покоя. И так и сяк ворочал он в голове эту весть, пытаясь придумать какой-то выход из положения. Не позвонить ли ему утром кому-нибудь из бывших учеников, которые сейчас занимают высокие посты в республике? Если один из них, особенно высоко поднявшийся, скажет кому надо словечко-другое, то снос дома наверняка можно будет приостановить. Но...

Вдруг он понял, что все это пустые хлопоты. Он давно уже знал — просто отгонял от себя эту мысль,— что дом рано или поздно снесут. Район новой застройки давно уже наступал на их старый квартал, жмущийся к реке. Более того, он, Ахмед Шахбазлы, видел однажды в прошлом году, кажется, в журнале «Кобыстан», проект застройки этого речного берега. Там, на цветной фотографии архитектурного макета, очень красиво выглядела старинная башня и окружавший ее парк с несколькими строениями, стилизованными под старину. Он еще обратил тогда внимание на то, что проект этот выполнил по собственной инициативе выпускник архитектурного факультета, уроженец их городка, за что получил диплом с отличием. Цветную фотографию дополнял похвальный отзыв известного архитектора, и это был не только отзыв, но и своего рода рекомендация городским властям принять проект к исполнению.

Проект понравился Ахмеду Шахбазлы, но почему-то он не сразу сопоставил его с судьбой своего дома. А ведь для того, чтобы башня воссияла в первозданной красоте среди парка, спускающегося к реке, нужно было прежде всего снести их старый квартал, все это нагромождение одноэтажных домиков с плоскими крышами, в их числе и дом Шахбазлы. Это было яснее ясного. Дом обречен. И он, Ахмед Шахбазлы, никого не станет просить о пересмотре проекта. Невозможно ведь представить себе, что на расчищаемой площадке сохранится старая развалюха, не имеющая никакой культурной или исторической ценности, замечательная лишь тем, что тут соизволил появиться на свет профессор Шахбазлы...

Так он пытался самоиронией успокоить встревоженное сердце...

Он говорил себе: из дома давно ушли его хозяева, так зачем сохранять погасший очаг? Совершенно ясно ведь, что он, очаг предков, никого уже не согреет: ни сын Ахмеда Шахбазлы, ни внуки никогда не променяют прекрасную удобную бакинскую квартиру на старый дом без удобств...

Надо сказать, однако, что сын и невестка отнеслись к нему с пониманием. Они знали, конечно, как много значит для старика родной дом на берегу Аракса. Принялись утешать его: дескать, надо отнестись философски... Все в конце концов отживает свой век... Ахмед Шахбазлы старался, в свою очередь, держаться бодро, не выказывать мрачного настроения. Но сердце у него ныло, горечь не убывала — ничего не поделаешь, не запретишь ведь сердцу болеть...

Если бы он мог, то полетел бы без промедления туда, на берег быстрого Аракса, постучал бы молотком по двери: тук-тук... туктук... Заснул бы в угловой комнате на старенькой, скрипучей тахте—когда-то он засыпал там под убаюкивающий голос бабушки... Удивительно! Сколько воды убежало в Араксе за долгие годы, а всякий раз, когда он навещал отчий дом и укладывался на старой тахте, ему чудился тихий и ласковый голос бабушки. И почему-то из всех рассказанных ею сказок особенно помнилась одна — о Маликмамеде, она начиналась так: «В некотором царстве, некотором государстве жил царь. А в саду у царя росла яблоня...» Слово «царь» у бабушки получалось: «чарь»...

Но как раз в институте были горячие дни, требовавшие присутствия профессора Шахбазлы. И только спустя дней пять он сумел вырваться в родной городок.

Уже приближаясь к своему кварталу, он увидел из окошка такси, что там, как говорится, дым коромыслом. Ревущие бульдозеры рушили стены старых домишек, огромные самосвалы вывозили камни и щебень. Пыльное облако стояло над кварталом. И уже была расчищена большая площадка, примыкавшая с одной стороны к древней башне.

Дом пока был цел, к этому месту еще не подобрались бульдозеры. И как раз квартирант со своим семейством собирался переезжать: во дворе громоздились чемоданы и узлы, вот-вот должна была прийти за ними машина. Квартирант сердечно поздоровался с Ахмедом Шахбазлы и поблагодарил его за то, что он дал им приют в своем доме. Оказывается, кооператив был готов, и Ахмед Шахбазлы поздравил квартиранта с долгожданным новосельем.

Около полудня пришла машина. И двор опустел. Опустел старый дом — теперь уже окончательно. Все двери в нем стояли настежь. Старик походил по комнатам. В раскрытые окна осенний ветер задувал пыль, бросал облетевшие желтые листья.

Пройдет еще несколько дней, и от дома не останется и следа. Он сровняется с землей, на которой простоял около ста лет. Ахмед Шахбазлы пожалел, что не взял с собой фотоаппарат — сделать снимки на память... Чтоб хоть какая-то память осталась...

Впрочем, это—дело поправимое. Тут недалеко фотоателье. Шахбазлы сходил туда и привел фотографа, молодого парня. Тот со всех сторон «общелкал» дом и обещал к утру приготовить карточки. Тут и племянник пришел, запыхавшись, с работы. Они направились в горсовет, проделали формальности, связанные со сносом дома, и Шахбазлы выдал племяннику доверенность на получение полагающейся по закону выплаты. Кроме того, он попросил племянника привести плотника и снять с двери молоток. Ничего из вещей он не возьмет с собой в Баку, пусть сестры делают с ними что захотят, а дверной молоток ему хотелось сохранить у себя.

Старшая сестра просила его остаться ночевать у нее: «Куда ты пойдешь в пустой, разоренный дом?» Но Шахбазлы наотрез отказался. Последнюю ночь он проведет в своем старом доме.

Было холодно и неуютно в угловой комнате. Натянув на себя цветастое одеяло, старик подумал, что не сомкнет глаз до утра. Слишком он был взволнован событиями минувшего дня. Но усталость взяла свое. Не прошло и получаса, как он уже спал крепким сном — таким же крепким, как в далеком детстве, когда он, набегавшись и наигравшись на улице, засыпал под негромкий голос бабушки, рассказывавшей сказку о Маликмамеде.

Ранним утром — еще только начинало светать — его разбудили петухи, начавшие утреннюю перекличку...

Вернувшись домой, Ахмед Шахбазлы показал сыну привезенный молоток и сказал, что хочет повесить его на входной двери.

— Зачем это нужно, отец?— пожал тот плечами.— У нас на двери прекрасный звонок с мелодичным звоном. Нас засмеют соседи.

— Пускай смеются. Вызови, пожалуйста, плотника.

— Разреши мне по крайней мере отникелировать молоток. Он ведь ржавый. Неудобно вешать на дверь такую...

— Нет,— прервал его отец.— От ржавчины я его очищу, а никелировать не стану. Он мне дорог такой, как есть. Этого молотка касались руки наших дедов. Пока я жив, молоток будет висеть на двери. А потом — как знаете... Захотите — оставите, не захотите — выбросите... Это уж ваше дело...

Молоток, очищенный от ржавчины, занял свое место на двери профессорской квартиры, вызвав удивление соседей и всяческие пересуды. С того дня Ахмед Шахбазлы перестал пользоваться звонком. Возвращаясь домой, он брал молоток и тихонько стучал по железному диску, вделанному в дверь: тук-тук, тук-тук... Глядя на деда, и старший внук, Мехман, таким же образом давал домашним знать о своем приходе. Старику это очень нравилось.

Тук-тук... тук-тук... Требовательно стучал молоток: откройте дверь, люди! И Ахмед Шахбазлы спешил в прихожую и отворял дверь внуку. И ему казалось, что рука внука в эту минуту касается не просто куска железа, выкованного когда-то безвестным кузнецом, а ощущает тепло родного очага.

Перевел с азербайджанского
Е. ВОЙСКУНСКИЙ.

ВГЛУБЬ УХОДЯТ КОРНИ

Петрусь МАКАЛЬ

* * *

Четко отсчитываются мгновенья,
зрелости годы, мирной страды.
Жизнь моя — праздничное
посещенье
неба и поля, рощ и воды.
Хочешь не хочешь, но, покидая
землю, ответствуй: «Зачем
приходил?»
Чаша ль сверкала в руках
круговая?
Сеял добро ль, не щадя своих сил?
Сеял добро и порою студеной
приберегал для посевов тепло,
нежно ласкал... Но страдал
удивленно,
коли всходило над кронами зло.
Душу свою запирал на щеколды,
но разоряли в душе моей сад
летнее солнце — засухой желтой,
стужей секущей —
мороз-супостат.
Четко отсчитываются мгновенья,
лет остающихся реже ряды.
Жизнь моя — краткое посещенье
света и счастья, тьмы и беды.
Крепло б лишь деревце
человечности,
то, что я холил в стужу и в зной.
Что же еще? Ни бессмертья,
ни вечности
не попрошу я у доли крутой.

УЧИТ БАТЬКА МЕНЯ ПАХАТЬ

Поле. Утро. Пахарей рать.
На ногах уже вся округа.
Учит батька меня пахать,
я едва достаю до плуга.
Я едва за плугом бреду:
лихо водит сила слепая...
Удержусь я, не упаду,
руку батькину ощущая.
Учит батька: — Паши ровней!
Я вложил в работу все рвенье.
Сердце скачет, как воробей,
от нахлынувшего волненья.
Молвит жаворонок, мой друг,
ветер шепчет, явив заботу.
Постигать, как науку наук,
мне глубинную эту работу.
Мне досталась ржаная судьба,
целину разрыхляю для хлеба.
Борозда моя, словно тропа,
пролегла от земли и до неба.
С каждой новою бороздой
с белым светом тесней
сближаюсь.
Плуг владел поначалу мной,
а теперь над ним возвышаюсь.
Подожди, синева, меня,
доберусь до твоей я доли!
Разве звездная высь не родня
житу на белорусском поле?
Если рядом пахарей рать —
и до солнца мой путь продлится;
солнце — глянь! — в борозде
таится...
Учит батька меня пахать.

* * *

Меняю
трехкомнатное счастье,
где ванна с горячей водою,
на чувство,
полное страсти
с радостью молодою.
На трепетную в росе дубраву
меняю
скользкую гладь паркета,
меняю громкую славу
на талант
начинающего поэта...
Меняю
на бор, пропахший смолой,
я скарб в безглазом, пыльном
подвале,
меняю
море на ручей лесной,
мечтающий о девятом вале.
Эй вы,
ловцы удачи в реке,
отдавшиеся житейской потребе,—
меняю
синицу в руке
на журавля в небе!

* * *

Ясным небом души своей
я обязан земле родимой.
Каждым шагом моих путей
связан с нею нерасторжимо;

с речкой связан, где в ранний
срок
зябко ежился над удою
и тянул самодельный крючок
там с неуловимой звездою;

связан с первою бороздой,
что, как шнур, натянута туго,
голодал я давней весной
и пошатывался у плуга;

тропкой, скрытою под листвой,
что сквозь лес, кустарник, полянки
проводила во мгле густой
нас до партизанской землянки;

ветвями материнских рук,
что меня ласкали сердечно,—
час свиданий и час разлук
живы в памяти моей вечно;

я свеченьем выси своей
вам обязан, поля дорогие.
Ото всех моих звездных дней
вглубь уходят корни тугие.

* * *

Шумит вода —
переплыви,
шумит беда —
переживи...
И если новость тяжела
и встали стены
лжи и зла,—
их, с силой соберись, разбей,
рукою дотянись скорей
до сини в отблесках зари
и птицам небо подари.
Уйдет закат за окоем —
окрестность озари костром,
пусть не загаснет до утра
свет из окна
и от костра.
Поймешь —
ты бог и властелин
над тем, что покорил один.

ВЫХОДНОЙ

День добрый,
добрый час,—
березы, бейте в бубны!
Ведь праздники у нас
суть общи, как и будни.
Спешим из городов
в луга, где птичьи стаи,
мы, как из берегов
река в поющем мае.
Зеленый парус ввысь
взметнули рощи, кущи.
Душою исцелись,
дыши землей цветущей!
От духоты домов,
от уличного чада
живицею лесов
теперь лечиться надо;
духмяностью травы,
безбрежностью простора,
ведь нас от синевы
ревниво скрыла штора...
Ты от былых границ,
от плесени и пыли
спеши к воде криниц,
что песен не забыли.
И праздника врата
ты распахни
со всеми,—
так в мир из-под пласта
земли выходит семя...
Здоровья для души
ветра несут навстречу,—
ты к вечности спеши
с исповедальной речью!

* * *

Изучаю иностранные языки —
птиц и деревьев,
ветра и камня,
воды и огня!..
Мне нужно
договориться с ними.
Боюсь,
чтобы птицы
однажды
безвозвратно не улетели,
не ведая, где приземлиться
на ладони моей...
Хочу,
чтобы, как на убийцу,
на меня не смотрели деревья,
который свой острый топор
мечтает вонзить
в корневище.
Я отдал ветрам
крылья паруса и ветряка,
но ветра неуёмны —
бунтуют, бушуют
в просторах
и крыши срывают,
как шапки.
И камень просил я
не раз:
стеной стань дворцовой
иль стань мостовой,
не надо примериваться
к виску человека!
Но камень
молчанье
хранил.
И с водой накопилось
немало хлопот:
то мучусь от жажды,
то она меня топит.
А как без огня
жить на нашей земле?
Огонь,
согревай,
мой огонь,
не спали только нас!
Изучаю иностранные языки —
птиц и деревьев,
ветра и камня,
воды и огня...
Мне нужно с ними договориться.

Перевел с белорусского
Олег ШЕСТИНСКИЙ.

* * *

Такая быстрая езда
Захватывает человека.
Летим безумно кто куда...
Ах, спешка века,
Спешка века!..
Я тоже еду, как и все,
Средь спутников многоголосых.
Бежит автобус по шоссе,
Как общежитье на колесах.
Бок о бок тут сосед с соседом,
Тут с кофточкой пиджак впритык.
За громким взрывом смеха
следом
Дорожной перебранки крик,
Тут ягоды в соседстве тесном
С тугим румянцем калача
И рядом с мертвенным протезом
Тепло упругого плеча.
Тут кованый сапог впритык
С изящной туфелькой блестящей,
Тут прошлый день и настоящий,
Тут судеб многогранный стык.
Асфальт лоснится, как вода,
Еще далеко до причала...
С ума сводящая езда
Нас долгой качкой укачала.
Рывок!
И вбок метнется путь,
Дорога вздыбится прямая...
Водитель, скорость выжимая,
На поворотах зорче будь!
Вдоль трассы — села
и предместья.
Стоим, сидим ли у окна,
Сто разноликих судеб вместе,
Как будто бы судьба одна!

* * *

Хоть полоса тревожных будней
Уже как будто за тобою,
Но в поле зренья
Вечно будет
Дымящееся поле боя.
И отзвук пушечного грома
И нынче в память к нам стучится,
Когда багрово и огромно
Ветвится в сумраке зарница...

В весенней пахоте по пояс
Идем в лучах,
Растем на пашнях.
Ах, поле —
Притяженья полюс
И дум
И звезд,
Что в судьбах наших.

Перевел с белорусского
Бронислав СПРИНЧАН.

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ

Вадим КОЖЕВНИКОВ,
Герой Социалистического Труда

К новому большому юбилею движемся мы сегодня. К радостному празднику всей нашей огромной страны. Праздник этот — день рождения Союза Советских Социалистических Республик.

30 декабря 1922 года в Москве в Большом театре делегаты Первого Всесоюзного съезда Советов приняли Декларацию и Договор об образовании СССР. Родилось государство абсолютно нового типа, государство, созданное Великим Октябрем. Так было положено начало уникальной в истории общности людей — советских людей.

Михаил Иванович Калинин сказал тогда на съезде: «Целые тысячелетия прошли с тех пор, как лучшие умы человечества бьются над теоретической проблемой в поисках форм, которые дали бы народам возможность без величайших мук, без взаимной борьбы жить в дружбе и братстве. Только сейчас, в сегодняшний день, практически закладывается первый камень в этом направлении...»

Действительно так: философы и поэты, историки и политики мечтали о том дне, когда народы, распри позабыв, объединятся в единую великую семью. Ведь если истина, что нет в мире силы более жестокой и страшной, чем силы вражды и злобы, то сто раз правда, что нет силы более созидательной и доброй, чем сила братства народов.

Без малого шестьдесят лет прошло с той давней поры, когда великий Ленин сказал свои знаменательные слова: «Мы хотим **добровольного** союза наций,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии...»

Именно с этих слов, с того великого дня как бы сама история ускорила свой бег. История... Она знала немало примеров захватнического объединения многих народов мира. Империя Македонского и Наполеона, британская колониальная система, наконец, Российская империя. Но их судьбы заставляют всякий раз вспоминать слова о том, что не может быть свободным народ, угнетающий другие народы.

Сегодня мы воочию видим, что капитализм не может решить национального вопроса — одну из самых жгучих проблем старой и новой истории. Великий Октябрь разрешил национальный вопрос. И сегодня каждый советский человек говорит уверенно и твердо: «Мы — интернационалисты» — слова для советского человека абсолютно естественные.

...Советский человек. Явлением его обозначена новая эпоха развития человечества. Но мы действительно не замечаем, что это понятие давно уже стало для нас таким естественным и само собой разумеющимся, как и другие понятия: «советский народ», «советский характер». Для меня, как, впрочем, и для любого человека моего поколения, эти понятия обрели реальную плоть в годы далекой юности. Ведь я отчетливо помню Днепрогэс и Кузнецкстрой, Магнитку и Комсомольск-на-Амуре. Именно тогда в героическом труде, в борьбе за новую жизнь складывалось единство советского народа. Думается, что годы начиная с образования СССР до начала 30-х особенно значительны в этом смысле для изучения формирования советской социалистической личности.

Это были трудные годы, но они начало коренного созидательного преобразования, судеб малых и больших народов. Первые пятилетки: создание крупной современной индустрии и одновременно коллективизация, величайший исторический поворот сельского хозяйства. И мы, русские и украинцы, армяне и казахи, таджики и белорусы, ощущали себя участниками этого великого преобразования, мы понимали, что и от нашего участия в нем зависит будущее. Будущее. То есть сегодняшний день. День, до которого мы дожили, чтобы по воле судьбы убедиться, что вера и борьба наша были не напрасны.

Мы понимали, что стали единственным на земле государством, где идеалы революции воплотились в полной мере для миллионов людей разных национальностей. Пусть нам было тяжело: глинобитные бараки, ручная работа, лапти на ногах, грубая пища. Мы терпели. Не потому, что терпение и труд все перетрут. Мы понимали: на нас смотрит будущее. Мы трудились бескорыстно, не смотрели на труд как на средство существования, хотя застали безработицу. Мы осознавали, что в истории наступил новый величайший этап ее развития, и мы его творцы.

Я работал в те годы в Подмосковном угольном бассейне, чуть позже на строительстве Ново-Краматорского завода. Мы как бы не замечали разительности того, что строим огромный индустриальный гигант, а живем в бараках, бетон возим в тачках, утрамбовываем его ногами. Помню случай. Надо было срочно подвезти со станции сложнейшее импортное оборудование, а везти не на чем. Я разыскал в степи табор, уговорил цыган — и возили мы заграничные станки на цыганских телегах.

Сегодня обо всем этом вспоминаешь с трепетом и с гордостью, ибо именно то время освящено было для нас величественными задачами и целями, мы жили близкой надеждой на всемирное братство, на счастливую завтрашнюю жизнь.

Мы почти не ошиблись, это братство мы создали на своей, советской земле.

Как люблю я ездить по нашим советским просторам! Как люблю смотреть из окна самолета на проплывающую внизу землю, мою, советскую землю! Ленты рек, глаза озер, белые шапки горных вершин. Какие красоты создала природа! Полукруги гидроэлектростанций, голубизна рукотворных озер и каналов, шпили телевизионных центров, нефтяные вышки. Как остро ощущаешь в пути время! Много раз приходилось пересекать мне нашу страну с севера на юг, с запада на восток. Не как созерцателю-туристу: в юности — как рабочему человеку, в годы войны — как фронтовому корреспонденту, сегодня — как писателю, депутату Верховного Совета СССР. Сколько встреч было, сколько нового, прекрасного узнаешь о нашем образе жизни. Это новое, эти встречи воплотились в романы, в повести, в очерки.

НА ПЕРВОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Алма-Ата. Молодость Казахстана * Минск. Дом правительства.

НА ВТОРОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Тбилиси. Идут праздничные колонны * Вильнюс. Жилой район Лаздинай.

НА ТРЕТЬЕЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Киев. Вид на Днепр и новостройки Русановского массива * Ташкент. Музей Дружбы народов СССР.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Москва. Красная площадь * Кишинев. На праздничной демонстрации * Баку. Приморский бульвар.

СТАНДАРТИЗАЦИЯ-
-КАЧЕСТВО
СЛАВА
ТРУДУ
СЛАВА
КПСС
XXVI
60
P

АРМЕНИЯ

ЮБИЛЕЙ

ELAGU NLKP!

Сколько бы мы ни восхищались красотами нашей земли, меня более всего волнует человек, построивший новое общество, уверенно идущий в коммунизм. Мне думается, что самым замечательным достижением советской истории стал новый человек, который, преобразуя мир, преобразовался и сам. Особенно меня волнует судьба рабочего человека, и думается о том, как изменился он за годы Советской власти, как возрос его духовный мир.

О новом человеке, выросшем в 70-е годы, мы говорим с гордостью как о носителе подлинно коммунистической, советской нравственности. В этом, думается, самое сокровенное, изумительное достижение общества зрелого социализма. А для писателя как бы явился новый художественный тип, который можно назвать социалистической личностью советской эпохи.

В моей жизни было много встреч с яркими людьми. Все герои моих книг — живые люди, их черты, их привычки, их жизнь вошли в романы и повести. Степан Буков, Петр Рябинкин, Павел Балуев, Григорий Петухов, династия Должиных из нового романа — в каждом из них слились черты моих современников, советских людей.

Я часто получаю письма, в которых читатели упрекают меня, почему я изменил фамилию такого-то человека и сделал его, ну скажем, Балуевым. Пишут, дескать, не Балуев, а такой-то работает на Красноярской ГЭС и что он прекрасный человек, достойный того, чтобы о нем сказали прямо и конкретно. И я горжусь, что мои герои стали частью нашего общества.

И еще одна деталь: мне нравится, что люди волнуются за судьбы других — знакомых, сослуживцев, коллег. Вот эта далеко не личная заинтересованность также является характерной чертой человека советского общества.

По своим депутатским обязанностям я часто встречаюсь с людьми из самых разных уголков нашей необъятной Родины. Вопросы приходится решать самые разные: личные драматические судьбы, дела различных организаций. И вот я уловил за долгие годы своей депутатской работы одну особенность: обращения с просьбами, предложениями и хлопотами по делам общественным стали преобладающими по сравнению с письмами о личных нуждах. Так, мне как депутату посчастливилось — именно так! — добиться увеличения зарплаты для рабочих, занятых нелегким трудом на мраморных разработках; помочь достать специальные смолы для сохранения исторических памятников Афросиаба; содействовать назначению в высокогорный кишлак квалифицированного специалиста по русскому языку.

Регулярно я бываю в наших национальных республиках. Особенно моя писательская и депутатская деятельность тесно связана с Узбекистаном. Я люблю эту землю, красивую, добрую, щедрую, землю талантливых, трудолюбивых людей. Трудно представить, что было бы на ней, не свершись Октябрьская революция и не соединись узбекский народ с семьей советских народов. Впрочем, представить нетрудно: нищета, безграмотность, забитость. Как много совершено на узбекской земле за последние десятилетия! Некой точкой такого отсчета стало для меня ташкентское землетрясение — я прилетел в город, когда над ним не рассеялась пыль от рухнувших зданий. Сердце захолонуло от горя, от предстоящей гигантской работы. И что же: вся страна, все республики Советского Союза откликнулись на зов братьев: «Помогите Ташкенту!» И помогли! Город во многом построен заново, и как построен. Он стал подлинной жемчужиной Средней Азии.

А вспомните, что происходит сегодня в Италии, где два года назад произошло сильнейшее землетрясение. До сих пор не решены многие проблемы, возникшие после этого стихийного бедствия. Тысячи людей без крова, без жилья, без средств к существованию. Вот, на мой взгляд, яркий пример для сравнения двух образов жизни.

Шестьдесят лет мы живем общими для всех народов Советского Союза заботами и духовными ценностями, сближаем понятия, ранее не сопоставимые. Появилось, как первым его назвал большой украинский поэт Павло Тычина, «чувство семьи единой». Каждый из нас ответствен за всех, и все ответственны за каждого. Ответственность эта рождена революцией и стала характерной особенностью всех советских граждан.

Если вдуматься в понятие новой исторической общности советских людей, то наиболее яркими ее чертами станут такие, как беззаветная преданность Родине, советский патриотизм, братство, товарищество, взаимовыручка. Ну и, конечно, интернационализм! Именно Советский Союз является наиболее жизнеспособной и совершенной формой устройства многонационального государства, гармонично сочетающего интересы всего общества с интересами каждой нации и народности в отдельности.

Особенно это ярко было доказано в годы величайшего испытания — в битве с фашизмом. Вот когда наши враги надеялись на самораспад государства. Но не тут-то было! Я прошел войну от начала до конца. И видел, как храбро за Грузию, за Россию и за Советский Союз сражались и грузин и русский... За Украину и Казахстан и за Советский Союз — украинец и казах...

Величайшая жизнеспособность Советского многонационального государства, его неоспоримое преимущество как формы государственного объединения убедительно раскрывают шестидесятилетний опыт Союза Советских Социалистических Республик, все сегодняшние реальные факторы его существования от такой наиважнейшей проблемы сегодняшнего дня, как борьба за мир, которую ведут наше государство, наша партия, наше правительство и лично Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев. Потому мы и боремся за мир, потому и запрещена у нас в стране пропаганда войны, что хотим счастья и творческого труда своей стране и другим народам, что мы интернационалисты. Мы так воспитаны нашей партией, всем опытом и практикой существования Советской власти.

Объединившись в одну семью 60 лет назад, наша литература расцвела как многонациональная. Национальные культуры обогатили друг друга своей самобытностью. При всем своеобразии литератур народов СССР у них есть единая социальная наполненность, историзм анализа общественной жизни, единые идеалы. Сегодня нашу литературу нельзя представить без Мирзо Турсунзаде и Гафура Гуляма, Мухтара Ауэзова и Самеда Вургуна, Расула Гамзатова и Эдуардаса Межелайтиса, Максима Рыльского и Петруся Бровки, Чингиза Айтматова и Нодара Думбадзе.

В истории мировой литературы, насчитывающей не одно тысячелетие, произошло эпохальное явление, вызванное Октябрьской революцией: в СССР возникла и успешно развивается единая и многонациональная советская литература. Соприкосновение национальных литератур как бы высекает искры новизны и первооткрытий.

Ничего похожего мы не найдем ни в одной буржуазной стране. Там это просто немыслимо. Сближение же наших национальных литератур обогащает их гуманистической направленностью, человечностью, высоким нравственным смыслом. И еще, в условиях социалистического общества мы показали, что и малые народы и народности, не так давно усвоившие письменность, успешно развивают свои культуры наравне с культурами, имеющими тысячелетние истоки.

В связи с этим вспоминаю любопытный разговор с одним коллегой-писателем, который заметил, что в единой семье советских народов меняется даже такое, казалось бы, исконное понятие, как Родина, Отчизна. Если в начале двадцатых годов, сказал он, в стихотворениях, допустим, узбекских поэтов понятие Родина замыкалось на Самарканде или Бухаре, то сегодня оно для них простирается до Кольского полуострова и Тихого океана.

На востоке говорят: часы идут, дни бегут, а годы летят. На календаре биографии Союза Советских Социалистических Республик скоро появится цифра 60! Шестьдесят доблестных, победных лет!

Но я замечал — это бывает нередко, когда беседуешь с представителем какой-либо капиталистической державы, в Москве или за границей,— иногда кажется, что для него время будто остановилось. Буржуазная пропаганда делает свое дело: многие на Западе не представляют жизнь советского общества такой, какая она есть на самом деле. И я хочу отослать всех, кто сомневается, что рождение Советского государства явилось величайшим событием современности, к мнению крупнейшего английского историка XX столетия А. Тойнби, который писал: «Ваша страна состоит из такого множества народов, разговаривающих на стольких различных языках и унаследовавших столь различные культуры, что она является моделью мира в целом; и соединением этих культурных и языковых разновидностей, и экономическим, социальным и политическим единством на федеральной основе вы продемонстрировали в Советском Союзе, как это могло бы быть в мире в целом и как будет, я надеюсь, осуществлено в будущем».

Да, чувство семьи единой в нас — самое сильное чувство, советский человек мечтает о мире и счастье для всех людей планеты. И прекрасно сказал о советском народе Леонид Ильич Брежнев с трибуны XXV партийного съезда: «...Это народ исключительного трудолюбия, мужества, выносливости, душевной щедрости, одаренности и ума. Это — народ, который несгибаем в лихолетье. Он переживает каждую промашку в своем гигантском деле. Он не кичится своими достижениями, но и не умаляет их. Он отзывчив к радости и к беде других народов, готов помочь их борьбе за справедливость, свободу, социальный прогресс. Советский народ — это действительно великий, героический народ!»

НА ШЕСТОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Ереван. Молодость Армении * Ашхабад. Студенты университета.

НА СЕДЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Фрунзе. Дворец спорта * Рига. На берегу Даугавы.

НА ВОСЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Душанбе. Памятник поэту Рудаки * Таллин. Певческий праздник.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА, А. ГОСТЕВА, Н. КОЗЛОВСКОГО, Б. КУЗЬМИНА, Ю. ЛУШИНА, К. МУРАДОВА (ТАСС), А. НАГРАЛЬЯНА, М. САВИНА, В. САЛЬМРЕ, В. СВАРИЧЕВСКОГО, Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Юрий ЗУБКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Оно ни в какой степени не было чудом—превращение. в первые же годы после социалистической революции вчерашнего императорского Александринского театра в лабораторию советской пьесы. Все произошло совершенно естественно и закономерно. Многолетнее противопоставление императорского Александринского «контрimператорскому» Малому во многом было досужим вымыслом иных театральных критиков, которые, впрочем, с такой же легкостью расправлялись и с Домом Щепкина и Островского, объявляя его искусство устаревшим и консервативным.

В том-то и суть, что между двумя бастионами русского национального реалистического искусства никогда не было непроходимой стены, а, напротив, существовала живая, плодотворная связь. Премьеры «Недоросля» Д. Фонвизина, «Ревизора» Н. Гоголя, «Горя от ума» А. Грибоедова, сатирических произведений А. Сухово-Кобылина, большинства пьес А. Островского на афишах обоих театров значились почти одновременно. Характерно, что великий Островский многажды приезжал в Петербург режиссировать постановки своих пьес в Александринке. И все великие мастера московской сцены — П. Мочалов и М. Щепкин, Г. Федотова и М. Ермолова, А. Ленский и А. Южин — ежегодно ездили играть в Александринку, принося с собой туда непокорный, бунтарский дух родного коллектива.

Да и внутри самой петербургской труппы имелись крупные художественные силы, творчество которых по самой своей идейной и художественной сути было враждебно самодержавию. Ярчайший тому пример — выдающийся русский актер Александр Евстафьевич Мартынов. Многие его герои не только вышли из гоголевской «Шинели», не только утверждали достоинство и честь «маленького» человека, но и были насыщены глубочайшей силой социального протеста. И если Н. Добролюбов назвал «лучом света в темном царстве» Катерину из «Грозы» Островского, то таким же лучом в петербургской постановке знаменитой пьесы был также и образ Тихона, созданный Мартыновым.

Одним из самых глубоких истолкователей Островского на александринской сцене был П. Васильев, творчество которого носило ярко выраженный демократический и гуманистический характер. А сколь не по нутру оказались петербургской знати образы Катерины из «Грозы» и Лизаветы из «Горькой судьбины» А. Писемского, воплощенные бунтарским талантом П. Стрепетовой; сатирические портреты, столь густо и беспощадно нарисованные К. Варламовым и В. Давыдовым... Духом народности были пронизаны образы толстовской Акулины из «Власти тьмы» и тургеневской Верочки из «Месяца в деревне», осуществленные М. Савиной. И как в этой связи не вспомнить, что именно Мария Гавриловна Савина была организатором и первым председателем Русского театрального общества... Всего шесть лет пробыла в Александринке Комиссаржевская, но ее творческий мятежный дух оставил неистребимый след в сознании и жизни коллектива.

И, конечно же, глубоко был прав А. В. Луначарский, когда писал, касаясь первых лет становления советской сцены, что «сопротивление, оказывавшееся старыми театрами, преувеличивалось крайними левыми. Вносимое ими озлобление и радикально враждебное отношение к старому театру затрудняло его продвижение вперед». А разве не характерно, что ставшая после Октября Госдрамой (ныне Ленинградский театр драмы имени А. С. Пушкина) Александринка первой среди академических театров страны обращается к драматургии М. Горького, показывая еще до постановки в Малом театре «Старика», «Мещан» и «На дне». На афише первых советских лет Госдрамы пьесы первого наркома просвещения Луначарского: «Фауст и город», «Канцлер и слесарь», революционная пьеса Г. Гауптмана «Ткачи», драма Д. Смолина «Иван Козырь и Татьяна Русских», пронизанная духом интернационального братства пролетариев всех стран.

Говоря о естественности и органичности приобщения бывшего Александринского театра к насущным задачам и требованиям, диктуемым советской действительностью, было бы, однако, неверным и упрощать процесс внутренней перестройки коллектива. Окидывая мысленным взором славный путь Театра имени А. С. Пушкина, пройденный в советские годы, неизменно возвращаешься к беседе Сергея Мироновича Кирова, возглавлявшего Ленинградскую партийную организацию, и молодого тогда режиссера Н. Петрова, которая состоялась в конце двадцатых годов. Речь шла о том, чтобы Петров возглавил крупнейший драматический театр Ленинграда. И вот что говорил в связи с этим Сергей Миронович:

«Первое, что нужно сделать,— сделать из императорского театра советский. Да, Александринку нужно серьезно перестроить и создать подлинно современный театр, нужный рабочему зрителю, понятный ему. Это должен быть один из ведущих театров страны... Вторая задача прямо вытекает из первой — надо больше ставить современных пьес. Не забывать, конечно, и классику, но главный упор делать на постановку советских пьес. По-моему, в перестройке театра современный репертуар играет решающую роль... Третьей задачей, мне думается, должно быть более смелое выдвижение молодежи. Смотрите, как полюбил зритель Симонова и Рашевскую после спектакля «Криворыльск» (речь шла о спектакле «Конец Криворыльска» Б. Ромашова. — **Ю. З.**). Смелее выдвигайте молодежь, которая впоследствии сможет занять ведущее положение и встать рядом с такими прекрасными актерами, как Корчагина-Александровская и Певцов... Ну, а четвертая задача... Не знаю уж, как ее и сформулировать... Постарайтесь привести хотя бы в относительную гармонию тот актерский хаос, который царит в театре. Ге и Юрьев (представители старой романтической школы.— **Ю. З.**), с одной стороны, Певцов и Корчагина — с другой. Ведь они же разговаривают, помоему, на разных театральных языках».

Свидетельствующие о глубине понимания сущности, специфики театрального процесса, сложности задач, стоящих перед театрами, доставшихся нам в наследство от дореволюционной культуры, эти кировские слова стали реальной программой жизни коллектива пушкинцев. Вскоре же на афише театра появляются такие знаменитые спектакли о современности, как «Ярость» Е. Яновского, «Чудак» и «Страх» А. Афиногенова, ярко запечатлевшие процессы тогдашней советской действительности, образ нового героя, принесшие коллективу всенародное признание.

С тех пор и стала одной из главных традиций Пушкинского театра активная работа по созданию своего современного репертуара.

Пушкинцы далеки от стремления заполнять свою афишу пьесами, мелкими по теме и по мысли, жаловаться на отсутствие новых значительных драматургических произведений, как это порой делают иные театры... Они смело обращаются к крупным произведениям прозы, создавая на их основе такие значительные спектакли, как «Семья Журбиных» Вс. Кочетова, «Дело, которому ты служишь» Ю. Германа, «Приглашение к жизни» («Русский лес») Л. Леонова, «Предел возможного» И. Герасимова и другие, наглядно показывая тем самым всю несостоятельность противопоставления прозы драматургии.

Репертуарный поиск пушкинцев вовсе не сводится лишь к созданию своих инсценировок. Этапными в жизни коллектива стали спектакль «Все остается людям» С. Алешина и образ академика Дронова, созданный в этом спектакле «актером века» Н. К. Черкасовым. Но ведь именно в содружестве с Пушкинским театром и сумел писатель превратить слабую, во многом искусственную пьесу «Факел» в произведение высокой идейной и художественной силы... Или другой пример. Обратившись к пьесе Л. Моисеева «Иней на стогах», уже широко шедшей по стране, Театр имени Пушкина совместно с автором значительно переработал ее, превратив «внесценический» образ председателя колхоза Лепехина в яркий сценический образ труженика, главного героя наших дней. В содружестве автора и театра родился и такой крупный спектакль, как «Пока бьется сердце» Д. Храбровицкого.

Около трех десятилетий возглавлял Театр имени А. С. Пушкина один из крупнейших режиссеров нашего времени — Л. С. Вивьен. В театре работали такие известные режиссеры, как В. Мейерхольд, Н. Петров, В. Кожич, Б. Сушкевич, Р. Суслович. Именно за спектакль, поставленный на пушкинской сцене, «Оптимистическая трагедия» Г. Товстоногов был вместе с исполнителем роли Вожака Ю. Толубеевым удостоен Ленинской премии... Таким образом, снова пушкинцы убедительно опровергают еще одно из «модных» в наши дни противопоставлений театра режиссерского театру актерскому. Как будто один может существовать без другого!..

Актер, его талант, масштабы и глубины этого таланта, уровень, отточенность мастерства — средоточие поисков и помыслов коллектива пушкинцев. Навсегда золотыми буквами вписаны в историю советского театра имена корифеев пушкинской сцены — Е. П. Корчагиной-Александровской, В. А. Мичуриной-Самойловой и Е. И. Тиме, И. Н. Певцова и Б. А. Горина-Горяинова, Н. К. Симонова и Н. К. Черкасова, а также К. В. Скоробогатова и В. И. Честнокова, принадлежащих к плеяде первооткрывателей сценического образа Ленина. Создания В. В. Меркурьева и Ю. В. Толубеева, подобно замечательным монументальным скульптурам, навсегда запечатлены в сознании зрителей. И какое же это великое счастье, если со многими из этих мастеров ты имел возможность соприкасаться в жизни!..

Но и сегодня не потускнела прославленная труппа! Во главе ее стоит, как признанный лидер, выдающийся артист и все более и более набирающий силу режиссер Игорь Олегович Горбачев. Ему принадлежат такие масштабные образы современников, как Лепехин («Иней на стогах»), Пла-

ОДНИМ ДЫХАНИ

вом на фронт несколько фронтовых бригад. Получили всенародное признание образы советских солдат Шмелькова и Ветеркова, созданные А. Борисовым и К. Адашевским в радиообозрении «Огонь по врагу...». И как же все эти впечатления помогали пушкинцам в создании таких примечательных спектаклей о войне, как «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, «За тех, кто в море!» Б. Лавренева, «Победители» Б. Чирскова... Пушкинцы, кстати, одними из самых первых в стране откликнулись на начало войны — спектаклем «Накануне» А. Афиногенова.

Многолетние договоры о содружестве связывают сегодня Театр имени А. С. Пушкина с крупнейшими производственными объединениями Ленинграда — «Электросила» и «Звезда», с «Атоммашем»... Членами художественного совета театра являются Герои Социалистического Труда Ю. Сидоров («Электросила») и Е. Артемьев («Звезда»).

Предметом особой заботы театра является эстетическое воспитание учащихся ПТУ — завтрашнего поколения ленинградского рабочего класса. И вряд ли нужно говорить о том, что такая степень отдачи самих себя, своего искусства людям труда, такая степень восприятия всего того лучшего, что определяет сегодня нравственный облик этих людей, могут быть продиктованы только одним — потребностью сердца.

Отмечая в эти дни свое двухсотдвадцатипятилетие, старейший театр страны видит свою главную задачу в утверждении советской действительности, раскрытии притягательности социалистического идеала. Это вовсе не означает, что в своих спектаклях он не ставит острых вопросов, обходит нерешенные проблемы. Один из примеров постановки подобных вопросов — спектакль «Тринадцатый председатель» А. Абдуллина, после которого часто возникают стихийные зрительские конференции—и не столько о пьесе или спектакле, сколько о самой жизни. Это значит другое: все творчество театра пронизано духом социального оптимизма, уверенности в завтрашнем дне страны.

Идеи XXVI съезда партии открывают перед Ленинградским ордена Трудового Красного Знамени и ордена Октябрьской Революции театром драмы имени Пушкина, как и перед всем нашим искусством, новые творческие перспективы. Пушкинцам по-особому близки и дороги слова Отчетного доклада ЦК КПСС съезду, нацеливающие мастеров художественного творчества на то, чтобы «герои произведений не замыкались в круге мелочных дел, а жили заботами своей страны, жизнью, наполненной напряженным трудом, настойчивой борьбой за торжество справедливости и добра».

В этих словах—надежный компас, определяющий движение прославленного коллектива к новым творческим высотам.

И. Горбачев среди рабочих объединения «Электросила».

«Ивушка неплакучая». Н. Ургант в роли Фени, И. Дмитриев — Леонтий Сидорович.

«Семья Журбиных». Илья Журбин — Ю. Толубеев, Матвей Журбин — В. Меркурьев.

Н. Черкасов и Б. Фрейндлих в спектакле «Все остается людям».

Фото В. КРАСИКОВА и Д. МОВШИНА

тов («Друзья и годы»), Устименко («Дело, которому ты служишь»), Крымов («Пока бьется сердце»), Ремез («Предел возможного»).

Широко сегодня представлено в труппе актерское искусство мастеров старшего поколения — А. Ф. Борисова, Б. А. Фрейндлиха, К. И. Адашевского, А. В. Соколова, Л. П. Штыкан, О. Я. Лебзак, Н. В. Мамаевой, И. П. Дмитриева, Г. К. Колосова, среднего — Л. Чурсиной, Г. Карелиной, Р. Лебедева, Н. Мартона, Л. Горбачевой, Н. Ургант, В. Вельяминовой, Ю. Родионова, талантливой молодежи — В. Паниной, Т. Кулиш, М. Долгининой и многих-многих других...

Передача традиций, нить преемственности также составляют важную отличительную черту коллектива пушкинцев.

Видя эту живую нить преемственности в существовании сценического коллектива именно в актере, И. Горбачев несколько лет назад писал: «Только вместе с ним вы можете создать новый театр, развивающий и совершенствующий искусство старых мастеров».

И еще об одной яркой черте Пушкинского театра нельзя не сказать. О его непосредственной, тесной связи с жизнью народа, продолжающейся вот уже многие десятилетия. И то, что в своих репертуарных поисках, в своем творчестве живет коллектив одним дыханием со страной, в значительной степени объясняется именно этой связью! В довоенные годы театр посылал свои актерские бригады на Турксиб и Магнитку, в послевоенные — на целину и БАМ. В годы войны были направлены коллекти-

ЕМ СО СТРАНОЙ

ЛЮБОВЬ МАСТЕРА

Петр ПЕРЕБЕЙНОС

* * *

Поклон тебе,
седой, усталый мастер,
властитель слова, дела, ремесла!
Сквозь боль и думы, радость и
ненастье
любовь твоя земная проросла.

Любовь творца забвения
не знает —
не рвется нить живая ни на миг.
И если старый мастер умирает,
его любовью дышит ученик.

Торопит век...
Покуда видят очи,
пока горит под пальцами резец,
покуда сердце магмою клокочет—
учить, любить
торопится творец.

Изменчивый наш мир в своей
основе.
Бывало, он стоял на трех китах,
порой держался лишь на честном
слове.
А в общем,
он стоит на мастерах.

На их самоотверженных талантах,
на их сединах — слитках серебра.
И если в мире есть еще Атланты,
так это, несомненно,
мастера.

Им с каждым днем трудней нести
согбенно
нелегкий груз добра
на склоне лет.
И стынет магма в сердце
постепенно,
и давит мир
на сгорбленный хребет.

Слова живут,
и ремесло бессмертно,
но мастера огонь сомненья жжет:
каков итог,
достойная ли смена
заветный факел дальше понесет?

О жар любви волшебный и
всесильный,
лучом согревший мастеру чело!
О вечный страх
забрать с собой в могилу
лишенное наследства ремесло!
Торопит век.
Сердцами угасая,
спешат, спешат седые мастера.
Не нужно им ни почестей,
ни славы,
а лишь любви нетленной и добра.

Под гром орбит
земных путей кремнистых
любовь между сердцами
проросла.
Земным поклоном, люди,
поклонитесь
дарующему тайну ремесла.

* * *

Мне с юных лет
(поверье старины)
напоминали:
бойся глубины!
Я слушался, и там,
где мелко, плавал,
и в мутной взбаламученной воде
не видел дна,
хоть и стоял на дне
растерянный, усталый.
Мне говорили:
бойся глубины!
Кричали в ужасе:
остановись!
Но я поплыл,
поплыл ветрам навстречу.
И вот она, большая глубина!
Я удивился:
видно аж до дна.
И понял я—
где глубина,
плывется легче.

ЧТО ХОТЕЛ
СКАЗАТЬ МНЕ ДЕД?

Дед яблоню садил.
А я
проститься забежал перед
отъездом.
— Бывай, казак.
Ума там набирайся.
Увидимся, считай, нескоро.
Так я хочу тебе сказать...

— Спешу, дедуня. Ждет подвода
на станцию. Не гневайтесь.
Еще наговоримся,
когда приеду на каникулы...

Срывал дед яблоки.
А я
зашел к нему проститься
на минутку.
— Ну что ж, прощай.
Гляди, не зазнавайся.
Бог весть когда увидимся.
Так я хочу тебе сказать...

— Уже пора мне, дедушка.
Машина...
Не гневайтесь.
Еще мы победуем,
когда приеду в отпуск...

Дед отдыхал под яблоней.
А я
заехал на секунду попрощаться.

— Прощай уж.
Может, больше не увидимся.
Так что же я хотел тебе сказать?..

— Да что вы, деда!
Мы поговорим еще.
Вот привезу я вам весною сына.
Не гневайтесь.
Пора мне —
самолет...

А вскоре написала мама:
«Сыночек, в первых строчках
сообщаю,
что умерли наш татко,
твой дедуня.
Тебя при смерти вспоминали.
Сказать хотели что-то очень
важное...»

Весна бурлила.
Я и сын
пришли к той дедушкиной яблоне.

Она уже засохла.
Засохла, а цвела.
Наперекор беде цвела над садом.

Ну что же, что же дедушка хотел
сказать мне?

ЗНОЙ

Озона,
скорее озона!..
Пусть желтое небо вздохнет,
пусть дали взыграют грозою,
пусть молния тучи проткнет!
Брезентом палящего зноя
над степью висят небеса.
И тучи несут над землею
сухие свои телеса.

Озона, озона побольше...
Пусть стонет от грома земля,
пусть ливень усердно полощет
зачахшие в жажде поля.

Пусть небо прольется грозою
на складки земного лица...
И жаждут озона,
озона
сухие хлеба и сердца.

ДВИЖЕНИЕ
СЕРДЕЦ

Сердец движенье,
хоть на миг,
не охватить нам сроду.
Движенье дерзких —
напрямик,
и робких —
черным ходом.

Движение
всегда вперед,
упорно, непреклонно.
Движение, как птицы взлет,
движенье по наклонной.

Движенье
между «да» и «нет»,
что грудь нам распирают.
Движенье
по прямой струне
и по кривой спирали.

Движенье косных —
«от» и «до»,
без мыслей, без открытий.
Осознанный порыв—
на дот.
Стихийный бег —
в укрытье.

И—взлет мятежного борца—
от смерти
до бессмертья.
Летят планетами сердца
в межзвездной круговерти.

Как человечества венец,
сквозь вечность,
космос,
будни
летят галактики сердец
от человека —
к людям.

Перевел с украинского
Евгений **КРИЖЕВИЧ.**

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Биография московского дома

Так называется новая серия книг, начавшая выходить в издательстве «Московский рабочий». Действительно, как часто, идя по старым улицам и переулкам Москвы, задерживаем мы взгляд на старом ампирном особняке, стены которого, кажется, овевают ветры самой истории, или останавливаемся у дома, на котором укреплена мемориальная доска в память великого человека, жившего в нем. И всегда хочется узнать подробности о примечательном здании, ближе познакомиться с людьми, входившими в его двери, перенестись в его комнаты, где велись беседы, от которых часто зависели судьбы культуры. О многом и неизвестном, и забытом, и поучительном могут рассказать московские дома. Потому так привлекательны маленькие книжечки этой серии, задуманной и осуществляемой редакцией краеведения «Московского рабочего». Пока вышло их три. Первая, А. Басманова, — «Особняк с потайной дверью» — о замечательном доме на улице Рылеева, принадлежавшем когда-то декабристу — барону В. И. Штейнгелю, доме, видевшем

Л. Толстого, Вл. Соловьева, И. Бунина и других замечательных русских людей. Пожалуй, созданная теперь духовная биография этого дома может служить образцом для дальнейших книг серии. И еще одним интересна книга, открывшая счет биографиям московских домов,— она написана о памятнике, чья судьба решается буквально в эти дни. Дом на улице Рылеева сейчас почти пуст, и хочется верить, что люди, коим предстоит определить его судьбу, прочтя историю его жизни, так тесно связанную с историей Москвы, России, не издадут равнодушного распоряжения о его дальнейшем бытье, а позаботятся, чтобы будущее этого дома было достойно его прошлого.

Богаты интересными сведениями и деталями и появившиеся уже книги Р. Крупнова и В. Резвина о Доме союзов и П. Пинчукова об особняке на улице Станкевича, связанном с именами А. Сумарокова, Е. Баратынского, А. Пушкина, А. Станкевича.

●

Талант исследователя

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. И. ОВЧАРЕНКО

Александр Иванович Овчаренко счастливо сочетает в себе талант вдумчивого исследо-

вателя русской классической литературы, в частности творчества М. Горького, которому посвящены многие его исследования, и темперамент критика, чутко реагирующего на современный литературный процесс. И то, что в его творчестве литературоведение и критика идут рядом, взаимно обогащая и дополняя друг друга, делает труды А. Овчаренко по-настоящему интересными, далекими от псевдоакадемической сухости.

Видный ученый, доктор филологических наук, профессор А. И. Овчаренко работает активно и плодотворно. Ему принадлежат книги «О положительном герое в творчестве М. Горького», «Публицистика М. Горького», «Роман-эпопея М. Горького «Жизнь Клима Самгина», «Эпоха, человек, искусство», «Новые герои — новые пути», «От М. Горького до В. Шукшина», «Наш Луначарский» и другие. Часто, открывая журналы, встречаем мы ярко, талантливо написанные статьи А. Овчаренко, анализирующего новые произведения советских писателей. Овчаренко страстен и логичен точен в отстаивании своих литературных позиций, строг и последователен в полемике. Конечно, в этом помогает ему тщательнейшее, досконально знание творчества основоположника социалистического реализма. В последние годы одной из важнейших для себя задач считает Овчаренко издание Полного академического собрания сочинений М. Горького, работу над которым он возглавляет.

...Александр Иванович только что вернулся из Америки, где читал лекции о русской и советской литературе. Он часто бывает за рубежом, выступая на международных симпозиумах, конференциях, семинарах. О том, как важно нести правду о нашей культуре и жизни зарубежным читателям и специалистам по русской литературе, ученый рассказал в очерках, составивших книги «В этом бушующем мире» и «Размышляющая Америка». И вот новые встречи, впечатления, раздумья. «Сложное сейчас положение в Америке,— говорит Александр Иванович.— Разгорается антисоветская истерия, нагнетается напряженность. И тем важнее рассказывать американцам правду о нашей стране. И они хотят знать правду. Я чувствовал это на своих лекциях».

Ученый, критик, публицист А. И. Овчаренко встречает свое шестидесятилетие в расцвете творческих сил. Впереди новые статьи, книги, научные изыскания.

●

Поэт и художник

Волошинские чтения. Москва. 1981 г.

Не так давно отмечалось столетие со дня рождения Максимилиана Александровича Волошина. По материалам конференции, проходившей во время юбилея в Доме поэта в Коктебеле, издан интересный сборник исследований о замечательном поэте, художнике, оригинальном мыслителе, оставившем после себя обширное творческое наследие. Десять литературоведов участвуют в сборнике. Его составитель Вл. Купченко выступает с двумя работами — посвященной проблемам изучения жизни и творчества Волошина и небольшим исследованием о библиотеке поэта. Эти аспекты «волошиноведения» особенно интересны, если вспомнить, какое огромное влияние оказывала на современников личность Волошина. Биография поэта, история его знаменитого коктебельского дома, книги, которые он читал и любовно собирал, автографы, письма, рисунки Волошина представляют увлекательный и очень важный для истории русской культуры начала XX века предмет исследования.

Безусловно, привлекают внимание и две статьи известных ленинградских литературоведов С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова «Максимилиан Волошин и Андрей Белый» и «М. Волошин и А. Ремизов». Дело не только в том, что взаимоотношения этих интереснейших художников еще недостаточно изучены и потому подобные статьи, включающие публикацию архивных материалов, прокладывают еще одну тропинку в изучении русской литературы XX века, но и в том, что настает время обобщающих, монографических исследований жизни и творчества и Белого, и Ремизова, и Волошина, и других литераторов XX века, гораздо более тесно связанных с нашим временем, с нашей культурой, чем это некогда считалось. Настает также время и для более полного, чем ранее, издания произведений писателей начала XX века. И вслед за однотомником Ремизова выходит «Петербург» А. Белого (двумя изданиями), появляется сборник критических статей И. Анненского, печатается однотомник стихотворений Волошина в малой серии «Библиотеки поэта». Рецензируемый сборник исследовательских работ о Волошине свидетельствует не только о любви авторов к певцу древней Киммерии, о проникновении в его творчество, но и о том, что готова почва для более широкого издания сочинений Волошина — не только стихотворений, но и прозы, писем, дневников, переводов.

●

У истоков литературной науки

А. С. Курилов. Литературоведение в России XVIII века. М., «Наука», 1981 г.

Эта книга посвящена истории русского литературоведения. Казалось бы, очень узкая, чисто специальная проблема. Но автор показывает, как тесно наука о литературе была связана еще в Древней Руси с общими тенденциями развития национального самосознания. Собственно, специальных работ по теории литературы в Древней Руси не было. И тем не менее теоретико-литературные знания формировались и распространялись уже тогда. Углубляясь в толщу веков, прослеживает А. Курилов зарождение русского литературоведения, повествует и о трагических периодах формирования оригинальной филологической мысли. Например, в XVI—XVII веках защита славянского — разговорного и церковнославянского — письменного языков стала чуть ли не единственным средством борьбы за восточнославянскую национальную культуру. Таким образом, исследование А. Куриловым на первый взгляд одной из частных проблем науковедения объективно открывает новые черты истории нашей культуры в тот период, когда борьба с «латинской мудростью» стала борьбой за свободу и независимость славянских народов.

Своеобразие литературно-теоретической мысли XVIII века рассматривает автор на примерах работ Ф. Прокоповича, А. Кантемира, В. Тредиаковского, М. Ломоносова, Н. Новикова и других выдающихся деятелей отечественной литературной мысли. Автор широко привлекает малоизвестный материал, вводя в научный оборот произведения, блестящие по остроте и глубине мысли, такие, например, как опубликованное в 1755 году сочинение Г. Н. Теплова «О качествах стихотворца его рассуждение». «Те, которые праведно на себя имя стихотворцев приемлют, — писал он, — ведают, каковой важности оная есть наука». И потому, продолжает Теплов, он и рассуждает о том, «сколь трудна наука стихотворческая и сколь велико знание во всем тому человеку иметь надлежит, который стихотворцем быть хочет...». Подобных интересных сведений немало встретит внимательный читатель глубокого, оригинального исследования.

●

С любовью к Родине

Ю. Тюрин. Выбор странствий. М., 1981 г.

«Я вас уверяю честью, что ни за что на свете я не захотел бы ни переменить своего отечества, ни иметь другой истории, как историю наших предков». Эти известные слова из письма Пушкина к Чаадаеву выбрал писатель эпиграфом к книге-рассказу о культурных памятниках центральной России, четко акцентируя свою основную идею: чтобы любить Родину, надо знать ее прошлое, ее историю, надо чувствовать корни, которые соединяют тебя с судьбой страны.

Интересными путями-дорогами ведет Ю. Тюрин читателя. Мы попадаем вместе с ним в сказочный Звенигород к замечательному собору на Городке и Саввино-Сторожевскому монастырю; идем путем войск Дмитрия Донского на Куликово поле и узнаем историю мест, городов и крепостей, шесть веков тому назад видевших русские рати; попадаем в Зарайск, Волоколамск, Дмитров, Александров. Хорошее знание истории демонстрирует в этих очерках Тюрин. Автор пользуется достаточно общими источниками, но, опираясь на них, он рисует выразительные картины жизни древних городов, увиденные нашим современником, не только много прочитавшим, узнавшим, но и умеющим рассмотреть штрихи и знаки истории на стенах древних монастырей, почувствовать суровую красоту древнерусской архитектуры, умеющим, наконец, остановиться в восхищении перед какой-то старой постройкой в наш вечно спешащий, такой прагматический век. И потому так удаются Тюрину очерки о красоте земли русской.

Писатель любит и знает русское искусство. Он проникновенно пишет о «Пушкине русской живописи» — А. Рублеве, посвящает отдельный очерк Г. Островскому, солигаличскому живописцу, чьи произведения были недавно открыты и возрождены к жизни, рассказывает о хранителях древностей, реставраторах, музейщиках.

Материалы обозрения «Писатели и книги» подготовил В. Енишерлов.

ДЕКАДА

Лев РУДНИЦКИЙ

ПОВЕСТЬ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Майкл встретил Андрея в офисе пытливым взглядом.

— Ну, что тебе сказали ваши? Наверно, винят меня: буржуй Розз все это подстроил!

Андрей рассмеялся.

— В посольстве считают, что буржуй Розз — честный парень.

— Я тебе сейчас не слишком верю. Но ты можешь рассчитывать на фирму «Розз энд Розз»: мы с братом ведем открытую игру. Я не собираюсь терять русских партнеров.

Они закурили. Энн принесла две бутылочки кока-колы и разноцветные пластмассовые соломинки в тяжелом стакане из темного стекла.

— На кинотеатры, с владельцами которых велись предварительные переговоры, можно поставить крест,— сказал Андрей.— С этим ты согласен?

— Очевидно.— Майкл неторопливо потянул холодную влагу.— Эндрю, я кое-что придумал. Кинотеатры будут. Это не твоя забота. Но вот зрители, черт бы их побрал! Как загнать их в подземелье, когда весь город едет в парк на гору вдохнуть вечерней прохлады?

— Их не надо загонять, Майкл. Нужно, чтобы они знали, о чем фильмы. Нужно рассказать им, заинтересовать их, и они поймут сами.

— Нет, Эндрю. Ты не знаешь нашего зрителя. Ему бы голых девок да десяток ловких убийств пострашнее.

Костров не стал спорить.

— Если «Розз энд Розз» обеспечит для начала хотя бы один кинотеатр, все будет в порядке. Мы прорвемся к зрителям.

Майкл выдохнул облако сигаретного дыма.

— «Розз энд Розз» даст залы,— еще раз подтвердил он.

Андрей и раньше был убежден, что фирма найдет кинотеатры: бизнес есть бизнес. Но расспрашивать Майкла о том, как тот собирается это делать, он не хотел. Во-первых, неудобно. Во-вторых, нужно сконцентрироваться на главном: обеспечить посещаемость предоставленных залов.

Андрей предполагал вырваться за пределы этих кинотеатров. Ведь декадные фильмы не проданы фирме «Розз энд Розз». Кроме того, советская сторона гарантировала владельцам твердый минимум. Это было не очень выгодно, но зато развязывало Кострову руки.

Правда, когда Андрей поделился с Майклом своими планами показа фильмов вне кинотеатров, Розз-старший возразил:

— Помимо твердого минимума, нам причитается сорок процентов от сборов, если они превысят сумму гарантии.

— Верно, Майкл. Однако несколько показов на стороне будут лишь своего рода рекламой. Согласись, они должны привлечь дополнительных зрителей.

— Это еще вопрос,— возразил Майкл.

— Никакого вопроса. Кроме того, ты же сам понимаешь, без такой рекламы «Розз энд Розз» получит сумму гарантии, а мы понесем убытки. А если зритель пойдет, ты еще дополнительно заработаешь.

С этим Майкл не мог не согласиться:

— Ну что ж, валяй! Может, ты и прав.

И Костров приступил к выполнению своего плана.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 2, 3.

«Андрей Костров — СССР.

(В дополнение к донесению от 14 апреля.) К непосредственной работе по подготовке декады Костров меня не привлекает.

По его поручению подыскала квартиру. Провела предварительные переговоры с владельцами дома. Костров поселен в соответствии с вашими указаниями. Адрес: Мезанёвстрит, дом 12, апартамент 902.

Сегодня же, 15 апреля, Костров взял в аренду на фирме «Смитт» «шевроле-220», модель Беллаир, цвет темно-синий. Несмотря на то, что я рекомендовала ему в соответствии с инструкцией подготовленную машину с красной обивкой, он выбрал другой автомобиль — обивка светло-серая. Номерной знак... У меня сложилось впечатление, что Костров предпочел эту машину только по эстетическим соображениям.

Долли. 16 апреля».

Браун два раза перечитал донесение, открыл сейф и положил листок в папку, не подшив его. Затем надел белый халат и через стоматологический кабинет, обогнув сверкающее никелем и непотертой кожей зубоврачебное кресло, вышел в прихожую. Клиентов не было. Медицинская сестра читала «Лайф».

— Попросите мисс Фергюссон связаться со мной по телефону с четырех до четырех с четвертью пополудни сегодня либо в это же время завтра.

Он шагнул к двери и, коротко бросив: «Я у Першке»,—вышел в коридор.

Браун миновал кафе, где собирались врачи, и повернул к лифтам. Нажал кнопку и стал ждать. Из задумчивости его вывел мелодичный звон: «дин-дон». Бесшумно отворилась дверь, Фред Браун шагнул и оказался в наглухо закупоренной кабине, которая вдруг упала вниз. Под ложечкой у Брауна что-то противно шевельнулось и подкатило к горлу, как в сорок первом под Вязьмой, когда он впервые увидел двух немецких мотоциклистов.

Кабина остановилась. Фред Браун вытер лоб белоснежным носовым платком, брезгливо посмотрел на вспотевшие ладони и вышел в холл первого подземного этажа. По обе стороны просторного тоннеля светились витрины магазинов, кафе, парикмахерских. Он остановился у окна, за стеклом которого в огромной кружке пенилось пиво — снизу в нее незаметно подавался воздух.

Над входом висел тяжелый средневековый фонарь. На стеклах готическими буквами было написано «Ганс унд Лотта». Браун толкнул дверь и радостно улыбнулся стоящему за кассой хозяину.

— Гутен таг, герр Першке!— сказал он и направился к своему любимому месту в затемненном углу.

Костров разместился в комнате по соседству с кабинетом братьев Розз. Комната была не более двенадцати квадратных метров, но она устраивала Андрея: светлая, второй стол для мисс Фергюссон, большой металлический рабочий шкаф.

На следующий день после разговора с Майклом о дополнительном показе Костров поручил Мэри:

— Поезжайте, пожалуйста, в аэропорт и узнайте, когда таможня выпустит мой груз. Подумайте о транспорте. Фильмы — на склад «Розз энд Розз», рекламу туда же, а картонный ящик сюда.

— Но это можно сделать по телефону!— удивилась она.

— Безусловно, однако я прошу вас убедиться во всем лично,— сказал Андрей вежливо и в то же время так, что она поняла: возражать бессмысленно.

Когда Мэри вышла, он подвинул к себе кипу газет, нашел нужную и вырезал объявление, обведенное красным фломастером. Потом вынул из портфеля небольшую черную папку и скрепкой подколол объявление к какому-то документу. Затем набросал на листочке план действий и просмотрел утренний выпуск газеты. Наконец, захватив портфель, Андрей направился к выходу.

...С шефом рекламного отдела телевизионной компании Костров договорился о встрече еще вчера, и тот уже ждал его. Андрей вошел в большую комнату. Четыре стола были завалены различными рисунками, планшетами и уставлены макетами. На стеллаже вдоль всей левой стены размещалась огромная картотека. Ни один из сотрудников не оторвался от дела. Лишь пожилой человек поверх очков взглянул на Андрея.

— Вы от «Розз энд Розз»?

— Да...

— Проходите.— Он кивнул на дверь.

Толстяк Гриссом был едва ли не кормильцем компании. Его служба давала основной доход. Пропорционально доле дохода был и авторитет «толстяка», как звали его за глаза сотрудники.

Хозяева ценили Гриссома и побаивались, что он может перебежать к конкурентам. Поговаривали, что «толстяку» принадлежит от трех до семи процентов акций, и никто не мог понять, почему он работает больше простых сотрудников,— иногда по десять — двенадцать часов в сутки.

Гриссом был в отличном расположении духа. Впрочем, иным его видели редко.

— Мистер Костров, вы опять порхнули через океан?! Ха-ха!.. Что вас привело ко мне? Ваши дела в порядке. Деньги поступили. Реклама пойдет в эфир точно в срок и в указанные часы. С двадцатого мая каждый вечер четыре с половиной минуты: три раза по полторы и, кроме того, по пять минут семнадцатого и восемнадцатого и десять минут двадцатого. Все три в девять часов вечера. Вы идете между слабительными таблетками «Вихрь» и пивом «Молсон». Договор подписан, но если вас что-нибудь не устраивает и я в состоянии вам помочь — я готов. Имейте лишь в виду,— он обеспокоенно заерзал в кресле,— объем сокращать нельзя. Все уже сколочено!— и сделал рукой жест, будто вбил молотком гвоздь.

Андрей понимал, что компания не пойдет на сокращение рекламы. Ведь каждая минута приносила ей тысячу долларов.

— Сокращать я не собираюсь.

— Прекрасно,— опять заулыбался Гриссом.— Так что же тогда? Добавить?

— Нет, я бы хотел переставить.

— У вас отличное окно. Вы идете в разрывах боевиков. Между «Вихрем» и «Молсоном»— это очень, очень хорошо! Сначала мы прочищаем кишечник зрителю. Он сидит и кисло размышляет над своим колитом. Потом мы предлагаем ему кружку доброго пива. Настроение у него поднялось. И тогда он вспоминает, что только что его звали в кино. И он спешит в кино!

— Я бы хотел перенести передачу с двадцать второго на девять часов пятнадцать минут вечера двадцать девятого,— сказал Костров.

— А четыре с половиной минуты двадцать девятого?— насторожился Гриссом.

— Перенести на двадцать седьмое,— успокоил его Костров.

— Нет, уже поздно...

Костров понимал, что если шеф рекламы сказал «нет», то есть лишь один способ изменить его решение...

— Жаль,— сказал Андрей.— Я хотел в этом случае увеличить передачу еще на три, даже на пять минут...

«Пять тысяч долларов!»— редостно подумал Гриссом. И он дрогнул.

— Что ж, давайте посмотрим верстку программы.

Он достал журнал, полистал и с грустью отложил его.

— Ничего не выйдет. На это время запланировано выступление представителя организаций ветеранов войны и борцов за мир Здислава Пшебыльского. Подумать только, как быстро летит время,— уже четверть века прошло с момента окончания второй мировой!.. А потом будут показаны уже отобранные ими отрывки из фильмов о войне.

— Вот и отлично... Я все улажу. Деньги перечислю завтра. Вы даете мне десять минут с девяти пятнадцати до девяти часов двадцати пяти минут. Но одно условие...

— Условие? Какое?

— Вы можете сохранить в тайне до выхода в эфир новую программу и сам факт наших переговоров?

— Мы солидная компания.

— Решено... Если я подтвержу по телефону нашу договоренность и представитель ветеранов сделает то же самое,— меняйте верстку. Но повторяю: эту рекламу не нужно рекламировать.

Прямо из телекомпании Костров поехал домой. Переулками он выбрался на скоростную магистраль. Андрей гнал машину. Стрелка спидометра вздрагивала, показывая скорость восемьдесят пять миль в час. Знаки ограничения скорости разрешали здесь лишь шестьдесят. Но что было делать? Он и так задержался у Гриссома. Поднимаясь домой в лифте, Андрей почувствовал голод. Пообедать он так и не успел. Войдя в квартиру, Костров внимательно огляделся. Чемодан стоял не так. Он ухмыльнулся и неопределенно сказал сам себе: «Ну что ж...»

Переодевшись и умывшись, Андрей поставил на плиту сковородку, обжарил несколько ломтиков бекона и разбил три яйца.

Затем он вынул из холодильника жестяную банку пива и улыбнулся: это был тот самый «Молсон», который рекламировал Гриссом.

Прошло минут двадцать. Как он и ожидал, раздался телефонный звонок. Андрей поглядел на часы. Стрелки показывали половину третьего.

— Слушаю вас.

— Хэлло, мистер Костров, говорит Мэри. Груз прошел досмотр. Рекламу и проекционные камеры можно вывозить завтра.

— Отлично,— сказал Андрей.

— С фильмами хуже. Осложнение серьезное: нет аннотаций, и мы не в состоянии доказать, что они были...

Она замолчала, ожидая реакции Кострова, но он не спешил с ответом, и мисс Фергюссон начала снова:

— Я подумала, мистер Эндрю, что ведь вы, очевидно, помните все эти фильмы и могли бы написать новые аннотации. Право же, это займет у вас немного времени. Дня три...

Костров слушал Мэри Фергюссон и думал. Ей наверняка известно, что аннотации включают в себя, помимо краткого содержания, фильмографические данные: объем, цвет, формат, фамилии и имена членов съемочных групп. Чтобы написать новые, потребовались бы не день, не два и не три. Ведь каждый фильм пришлось бы опять просмотреть, снять с экрана необходимые данные, пересказать содержание и, наконец, перепечатать все это. Однако главная трудность заключалась вот в чем: чтобы написать аннотации, следовало ознакомиться с фильмами, а для этого их нужно было получить из таможни. Но она не могла выпустить фильмы без аннотаций! Образовался бы заколдованный круг.

— Мистер Эндрю, вы меня слушаете? Ну как вам нравится мой план?..

— Он не годится...

Из трубки разочарованно донеслось:

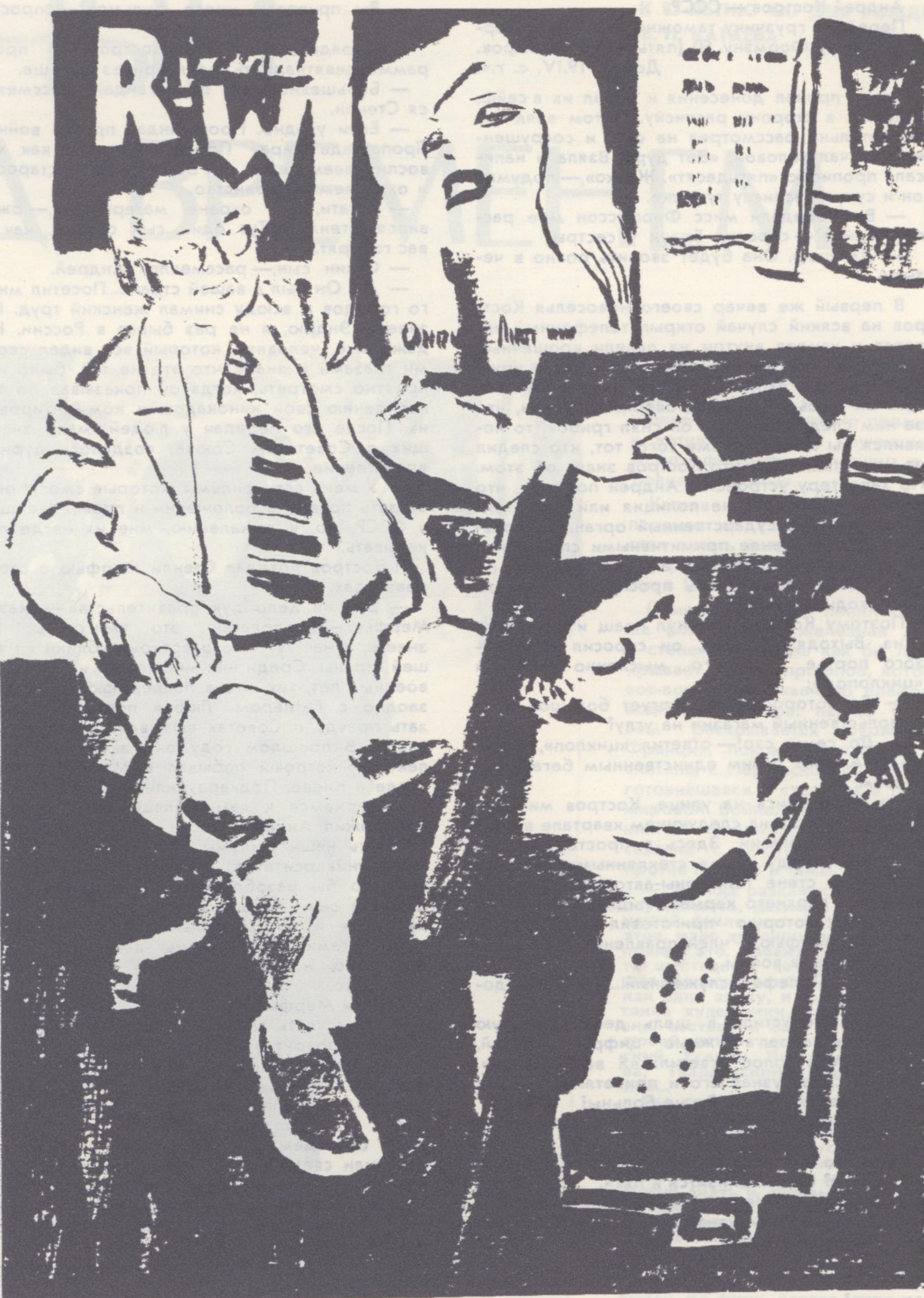
— Но почему?

Андрей не стал объяснять. Он поручил мисс Фергюссон еще сегодня созвониться с транспортной фирмой и заказать небольшой грузовик.

— Попросите машину с тентом. К полудню она должна быть у таможни. Вы поезжайте на пятнадцать минут раньше и разыщите меня.

— О'кэй,— ответила Мэри. И настороженно спросила: — А зачем тент?

— Проекционная аппаратура боится влаги,— ответил он.

«Андрей Костров — СССР.

(В дополнение к донесению от 16 апреля с. г.)

Восемнадцатого апреля Костров приехал в офис «Розз энд Розз» в четырнадцать часов чем-то озабоченный. До шестнадцати часов тридцати минут он просидел у хозяина в кабинете. Младший партнер отсутствовал. Когда Розз уехал, Костров вернулся к себе. У меня сложилось впечатление, что он был удовлетворен разговором с владельцем фирмы.

Костров посетовал на то, что в городе вечером нет ничего интересного, и он с радостью ждет начала гастролей Филадельфийского симфонического оркестра и концертов органной музыки.

Я заметила, что в городе идут два фильма — французский и итальянский, говорят, они хороши, но я боюсь судить, так как сама не видела.

Костров выслушал меня и сказал, что не смотрел эти фильмы, поэтому тоже не может о них судить. Он сделал вид, что не понял намека.

В пять часов Костров отправился домой.

В семь часов я проехала по Мезанёв и заглянула во двор. Машина Кострова стояла на месте.

Долли. 18.IV. с. г.

Андрей Костров — СССР.

(В дополнение к донесению от 18.IV. с. г.)

Сегодня в полдень Костров неожиданно поручил мне съездить в аэропорт и навести в таможне справки о багаже. Это поручение показалось мне странным. Однако Костров настаивал, и я в 11 ч. 30 м. вышла из офиса. Я отъехала и минут пятнадцать наблюдала с угла Сан-Кэтрин и маленького переулка. Машина Кострова стояла на месте.

Уходя, Костров просил секретаршу передать мистеру Роззу, что после ланча будет дома, так как ему нездоровится.

Привратник дома на Мезанёв подтвердил, что Костров, возвратившись, больше не выходил. В 14 часов 30 минут я позвонила ему и сообщила о результатах поездки. Костров выслушал меня спокойно.

Таким образом, кроме офиса фирмы «Розз энд Розз», Костров в этот день нигде не был.

Долли. 19.IV. с. г.

Андрей Костров — СССР.

Передано грузчику таможни аэропорта Дорваль Максу Формэну 50 (пятьдесят) долларов.
Долли. 19.IV. с. г.».

Браун прочел донесения и убрал их в сейф, отложив в сторону расписку. Потом взял ее, внимательно рассмотрел на свет и сокрушенно покачал головой. «Вот дура. Взяла и написала прописью «пятьдесят». Жалко»,— подумал он и сунул расписку туда же.

— Вы передали мисс Фергюссон мое распоряжение?— спросил Браун у сестры.

— Да, шеф. Она будет звонить ровно в четыре...

В первый же вечер своего новоселья Костров на всякий случай открыл телефонный аппарат и увидел внутри на панели крошечный грибок. Его шляпка немного напоминала круглый дверной звонок. Андрей ничего не тронул: он лишь хотел удостовериться в том, что за ним следят. Если бы он снял грибок, то появился бы новый. Кроме того, тот, кто следил за ним, понял бы, что Костров знает об этом. По характеру устройства Андрей понимал, что за ним наблюдает не полиция или какой-нибудь другой государственный орган. Те пользовались бы менее примитивными способами. Включенный телефонный аппарат уже сам по себе давал возможность прослушать все, что происходило в комнате.

Поэтому Костров накинул плащ и спустился вниз. Выходя из дома, он спросил одноглазого портье, которого мысленно окрестил «циклопом»:

— До которого часа торгует большой продовольственный магазин на углу?

— До семи, сэр!— ответил «циклоп», глядя мимо Андрея своим единственным бегающим глазом.

Но, оказавшись на улице, Костров миновал магазин и лишь на следующем квартале вошел в обувной магазин. Здесь в просторном помещении между двумя стеклянными дверьми висели на стене телефоны-автоматы. Костров вынул из верхнего кармана пиджака визитную карточку, которую приготовил еще дома. «Стенли Мерфью — член правления объединения ветеранов войны.

Адрес... Телефон служебный... Телефон домашний...».

Костров опустил в щель десятицентовую монету и набрал нужные цифры. Низкий, хрипловатый голос ответил: «Я вас слушаю». Андрей сразу узнал его и приветливо сказал:

— Привет, Стенли. Вы не больны?

— Кто это говорит? И почему я должен болеть?

— А что же тогда случилось, что вы все еще на работе? Время близится к пяти.

— Ба-ба-ба!.. Не называйте себя! Одну минуту — сейчас сам узнаю вас... Да это никак вы, мистер Костров?!

— Я.

— Рад слышать вас, Эндрю. Каким ветром занесло?

— Во всяком случае, добрым. Но это при встрече.

— Что вы делаете сегодня вечером, Эндрю? У меня как раз свободное время.

— Отлично. У меня тоже. Выпьем где-нибудь по кружке пива.

— По две и за мой счет. Встретимся в половине седьмого у...

— Давайте у въезда на парковку универмага Дюпона. Там всегда есть места, и мы сможем оставить машины.

— Договорились.

Когда Андрей, медленно продвигаясь к стоянке, расположенной за зданием огромного магазина, добрался наконец до въезда и встал в хвост очереди из семи-восьми машин, Стенли уже ждал его. Они крепко пожали друг другу руки.

— С чем приехали?— спросил Стенли.

— Мы будем в мае проводить декаду показа советских фильмов.

— А-а-а, слышал.

Повернув за угол, они подошли к небольшому испанскому кабаре.

— Зайдем сюда,— предложил Стенли.— Неплохая музыка, чисто и не очень дорого.

На крошечной эстраде черноголовая, загримированная под испанку женщина исполняла темпераментный танец. Мерфью выбрал столик в углу. Здесь было уютно и хорошо видно, что происходит на эстраде.

— Вы привезли много фильмов?— спросил он.

— Порядком,— ответил Костров.— В программе девятнадцать, но я привез больше.

— Большевистская пропаганда!— рассмеялся Стенли.

— Если угодно. Пропаганда против войны. Пропаганда мира. Пропаганда того, как мы воспитываем детей, как обеспечиваем старость и охраняем материнство.

— Кстати, об охране материнства,— оживился Стенли.— Тут один сын собаки, как у вас говорят...

— Сукин сын,— рассмеялся Андрей.

— Да. Он был в вашей стране. Посетил много городов и всюду снимал женский труд. Вы знаете, Эндрю, я не раз бывал в России. Но даже мне, человеку, который все видел своими глазами и знает, что это не так, было неприятно смотреть, когда он показывал по телевидению свои кинокадры и комментировал их. После его передач у людей, мало знающих о Советском Союзе, создалось дурное впечатление.

— У меня есть фильмы, которые смогут рассказать правду о положении и правах женщин в СССР, но, к сожалению, мне их негде показывать.

И Костров поведал Стенли Мерфью о своих невзгодах.

— Это не дело рук правительства,— сказал Мерфью.— Я полагаю, это эмигранты. Вы знаете, у нас тут много всякой публики из вашей страны. Среди них множество изменников военных лет, тех, кто в последнюю войну был заодно с Гитлером. Любая попытка рассказать правду о Советах вызывает у них дикую злобу. В прошлом году они зверски избили лектора, который побывал в Москве, Ленинграде и Киеве. Подкараулили его возле дома.

— Вернемся к «эмансипации по-русски»,— предложил Андрей.— Если бы можно было показать наши фильмы в аудиториях колледжей, университетов, библиотек, клубов, это помогло бы разоблачить лживость тех передач. Все они не художественные, а научно-популярные и документальные и не облагаются налогами. Поэтому мы даем вам ленты бесплатно, но и вы должны показывать их бесплатно.

Стенли Мерфью задумался.

— У нас есть такие площадки, мы бы с радостью прокрутили там ваши фильмы. Но если демонстрировать их бесплатно, где взять деньги на аренду помещения, оплату электроэнергии, наем киномехаников и прочие расходы?

Он безнадежно махнул рукой и вздохнул. Погасили свет. Теперь сквозь гирлянды прозрачных стеклянных шаров освещалась только эстрада. Свет скользил по шарам, и казалось, что они плывут куда-то вверх, а танцовщица падает вниз.

— Ладно, Стенли,— сказал Андрей,— по-моему, есть выход.

— Какой?— не скрывая недоверия, спросил Стенли.

— Ищите площадки. Остальное за мной.

Они не спеша выпили еще по кружке пива и расстались, договорившись, что Стенли Мерфью позвонит Кострову в офис «Розз энд Розз» послезавтра до полудня.

Костров ехал домой и думал о том, как хорошо все-таки, что он не послушал Тупинина. Три раза из проекта сметы, который представлял Костров, главный бухгалтер агентства вычеркивал расходы на приобретение передвижной кинопроекционной аппаратуры.

— Денежки-то народные, Андрей Николаевич. Они счет любят,— говорил он Андрею, сверля его колючими маленькими глазками.— А вы на них хотите для миллионера аппаратуру купить, чтобы он больше заработал.

— Но аппаратура нужна нам. Вы вынуждаете меня выйти за рамки сметных статей, то есть обманывать,— горячился Костров.

— Обманете — будете отвечать. По всей строгости...

Костров обманул. Получив наряд в Главснабе, он перечислил на завод киноаппаратуры деньги за две передвижки, проведя расходы по статье «Реклама».

Бухгалтер, пожилой человек, инвалид войны, предупредил Кострова:

— Андрей Николаевич, имейте в виду — это незаконно, и вам, да и мне, за это крепко может попасть.

— Знаю. Буду отвечать,— сказал Андрей.— А чтобы вам не влетело, я подпишу банковское поручение вторично.

— Зачем? Раз надо — ответим вместе,— сказал бухгалтер и вышел, тяжело ступая.

«Разгорится сыр-бор,— пронеслось в голове у Андрея.— Но ничего. Объясню — поймут. На Тупинине свет клином не сошелся».

Когда Мэри Фергюссон вошла, Брауну стоило усилия заставить себя неторопливо подняться. Эта женщина не только нравилась ему. Он побаивался холода ее взгляда и поразительной уверенности в себе. А перед всеми, кто внушал ему робость или страх, Брауну хотелось вскочить и вытянуться в струнку, щелкнув каблуками и держа руки по швам. Таков был рефлекс, вколоченный в него нацистскими наставниками.

— Что нового, Мэри?— стараясь выказать доброжелательность и дружеское расположение, спросил он.

— Все, что вас может интересовать, изложено в моих донесениях.

— Ну, зачем так сухо и официально?!— обиделся Фред.

— Разве наш разговор не официален?— осведомилась Мэри.

— Нет... то есть да... до какой-то степени.

— После наступления этой степени я могу быть свободной?

— Почему вы всегда сердитесь?

— Мне неинтересно с вами, шеф. Я честно выполняю контракт. У вас, надеюсь, нет претензий по этой части?

— Представьте себе, есть.— Он попытался перехватить инициативу.— Я хотел сказать, мисс Мэри, что ваши донесения слишком лаконичны. Мы по сей день ничего не знаем о Кострове. Какой он, что любит есть, когда отдыхает и, главное, что он делает и где бывает после работы...

— Это не предусмотрено контрактом. Вы знаете, мистер Браун, что я пришла к вам не с улицы. Я приняла ваше предложение из-за временных затруднений. Так вот, тот, кто рекомендовал меня — вы знаете, о ком я говорю...

При упоминании об этом человеке у Брауна пересохли губы, и он облизал их шершавым языком.

— ...Так вот, он сказал, что мне будет предложен контракт. Я подписала его. Помнится, там не упоминалось ничего насчет отдыха, черт характера и тому подобного. От меня требовалось лишь информировать вас — и уж не знаю, кто там за вами стоит — о том, как идут дела у русского в связи с подготовкой декады советских фильмов. Я это выполняю точно. Что еще нужно? Хотите, чтобы я делала больше? Готовьте новый контракт и увеличивайте плату.

Фред Браун ненавидел ее в эту минуту за смелость и независимость, за то, что ей не нужно бояться своего прошлого. «Если бы ты была эмигрантка, я бы в два счета привел тебя в чувство»,— злобно подумал он.

— Ну, ладно,— мирно сказал Браун.— Я ведь не для этого просил вас прийти... Давайте поужинаем сегодня вместе? А?

Мэри Фергюссон едва не ответила насмешливым отказом, но вдруг представила себе еще один вечер в пустой квартире, в постоянном ожидании звонка ее высокого покровителя, который раз или два раза в месяц заезжал к ней. Он вез ее в дорогой отель. В номер подавали вино и фрукты. Покровитель, галантный и добродушный до первого бокала вина, быстро напивался, говорил непристойности, заставлял раздевать его... Вскоре он засыпал. А она принимала душ, одевалась, садилась в кресло и глядела на переливающийся ночными огнями город. Иногда плакала от ненависти, обиды и безысходности.

И Мэри ответила:

— Согласна. Но только не в ваших эмигрантских притонах. Пусть это будет хороший ночной клуб. Потом вы меня отвозите домой, до подъезда, и не выходите из машины.

При словах «хороший ночной клуб» Брауна на миг охватила растерянность: он представил себе сумму счета. И все же Браун обрадовался. «А деньги — черт с ними. Проведу на угощение по операции «Костров»,— подумал он и радостно сказал, что заедет за ней.

— Я буду готова к девяти,— предупредила Мэри.

Продолжение следует.

ВЛАСТНЫЙ НАД ВРЕМЕНЕМ

К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. П. КАТАЕВА

Считают, что Валентин Петрович Катаев почти безгранично властвует над временем, что как бы по собственному желанию он может его растягивать и сжимать. В произведениях, созданных мастером советской прозы в последние десятилетия, начиная от «Святого колодца», понятие времени проявляется как некая «самостоятельная реальность». И вправду, если поверить алгеброй художественную гармонию катаевского слова, мы не найдем в его прозе ни «настоящего», ни «прошедшего», ни «будущего» в том первоначальном значении этих понятий, какие приходят к нам еще со школьной скамьи. Для В. П. Катаева сегодняшнее настоящее—и тот самый далекий миг, когда кумир его юности, а потом учитель и знаменитый писатель,на фотографии четкой клинописью написал в левом верхнем углу: «Валентину Катаеву. Заумное есть глупость. Ив. Бунин»; и день, только что отгоревший и опустившийся за верхушки сосен зимнего переделкинского леса...

Горький когда-то писал о таланте человека в подробностях и деталях помнить детство. Валентин Катаев талантлив этой памятью, но он приближает к нам время не только своего детства, но время зарождения нового мира — ему было восемь лет, и он помнит, как встречали восставший броненосец «Потемкин», как прошел этот корабль под красным флагом мимо берегов Одессы, он помнит баррикадные бои, опрокинутые конки...

Быть может, потому, что Катаев считает, что между материалом и писателем не должно быть посредников, а только сама жизнь,— о каждом новом его произведении так яростно спорят и критики и читатели. После появления в печати его романы, повести, эссе воспринимаются как открытия, хотя по прошествии времени начинают казаться традиционной прозой. Так было с циклом сатирических рассказов («Вещи», «Ножи», «Фантомы»), так было с повестью «Растратчики», с комедией «Квадратура круга», так было с хроникой «Время, вперед!» и циклом романов «Волны Черного моря». И, наконец, пройдет еще немного времени — и нам, читателям, «суперновая» проза неутомимого экспериментатора, возможно, покажется традиционной.

Здесь можно рассуждать о вечном поиске художником нового, неоткрытого слова, можно говорить о траве забвения, которая начинает шевелиться и оживать под ветрами иных эпох, можно говорить и думать о «вечной весне» жизни. «Во всяком случае,— пишет Катаев в «Траве забвенья»,— все то, что я вижу в данный миг, сейчас же делается мною или я делаюсь им, не говоря уже о том, что сам я — как таковой — непрерывно изменяюсь, населяя окружающую меня среду огромным количеством своих отражений. По всей вероятности — будучи, как все существующее в мире, грубо материальным,— я так же бесконечен, как материя, из которой состою. Отсюда моя постоянная взаимосвязь со всеми материальными частичками, из которых состоит мир, если, конечно, он материален, в чем я глубоко убежден».

Большая часть века прошла на его глазах, и он, по его собственному убеждению, увидел наконец то, к чему стремились в 1917 году, для чего совершился технический переворот, строились Магнитка, Днепрогэс, ради чего умирали друзья на фронте...

Фото ДМ. БАЛЬТЕРМАНЦА

Журналисту беседовать с Катаевым нелегко, он не признает ни диктофонов, ни пишущих машинок — уроки Бунина. Говорит неторопливо, отвечает на вопросы «ершисто», в его размышлениях мысль как бы охватывает время и вглубь и вширь.

На дворе январь 1982 года, а в открытую форточку переделкинской дачи доносятся звуки прошлого, пережитого, продуманного:

— Я давно понял, что воспитание литературой — одна из самых важных задач, стоящих перед нами. От решения этой задачи в конечном счете зависит, каким будет человек завтрашней эпохи. И, мне думается, наша работа не напрасна. Вы только посмотрите, как выросло качество читательского восприятия литературы. Я сужу об этом хотя бы по письмам, присылаемым мне. А ведь писателю приятно получать хорошие письма от читателей.

Биография В. П. Катаева насыщена событиями, которые формировали историю XX века. Он был участником двух мировых войн, был отравлен газами на фронтах первой мировой войны, был ранен. Страшные моменты человеческой трагедии отражены во многих книгах писателя. Вспомним ставшую хрестоматийной и обошедшую весь мир повесть о сыне полка Ване Солнцеве, пастушонке-сироте, случайно попавшем к артиллеристам и научившемся мстить фашистам, сжегшим в деревне его семью.

Катаев едва ли не самым первым из советских писателей стал писать о гражданской войне. Его рассказ «Опыт Кранца» написан в 1919 году.

Прикоснувшись к ленинской теме («Маленькая железная дверь в стене»), писатель как бы приоткрывает окно в прошлое, которое вот-вот будет охвачено пламенем военного пожара: перед читателем раскрывается буржуазная Франция, покончившая, как она считала, с Парижской коммуной и готовившаяся к схваткам в первой мировой бойне. Образ Ленина в книге — олицетворение всего, что связано с будущим, с борьбой против сил зла и тьмы.

— Иногда раздаются голоса, что поубавилось, дескать, талантов на нашей земле, нет выдающихся поэтов, мало хороших прозаиков. Неправда это. Давайте воспринимать те шестьдесят четыре года, которые существует Советская власть, как одну эпоху, и вы увидите, что такие художники, каких породила она, составили бы честь и славу любой литературы мира. Маяковский, Есенин, Пастернак, Ахматова, Твардовский, Шолохов, Леонов...

Мы должны знать прошлое литературы. Причем знать и хорошее и плохое. Ведь меняются акценты, меняются вкусы, и подчас то, что казалось неинтересным, вдруг приобретает актуальность. Нужно знать и сохранять историю. В подробностях, в деталях. Нужно восстановить усадьбу Блока в Шахматове, нужно открыть в Москве музей Сергея Есенина... Обогащение прошлым должно происходить постоянно. Оно очищает людей, их души, делает нашу историю полновеснее, такой, какая она была.

Во всем: в книгах, в разговорах, даже в судьбе Валентина Петровича Катаева, Героя Социалистического Труда, лауреата Государственной премии,— понятие в р е м я как бы сжато, спрессовано, сконцентрировано на одном — на его служении человеку. Удивительно, но все написанное Катаевым за его долгую творческую жизнь (а началась она в 1910 году) представляется ему как бы одной книгой... Толстым томом под общей обложкой. С этим можно спорить. Но спорить с Катаевым бесполезно. Ведь в главном споре — споре с временем — он уже победил.

...Вот и сейчас он пишет «Юношеский роман», в основу которого положены письма с фронта к любимой девушке, найденные писателем в своем архиве. Это четырнадцатый — шестнадцатый годы. Опять далекое прошлое, история, ощущение революционной бури, перевернувшей мир.

Феликс МЕДВЕДЕВ

Н. ХРАБРОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

ВЕНОК ИЗ ДУБОВЫХ ЛИСТЬЕВ

ПОДАРОК ОТ ЛЕДНИКА

Наверное, это было так. Ехал в поезде по Турксибу беззаботный человек, постоял у открытого окна, возвращаясь из вагона-ресторана, полюбовался природой, покурил, а окурок выбросил на летящую мимо лесную опушку. Поезд умчался, а в реликтовом ленточном Барнаульском бору, у Борзовой заимки, вспыхнул, разлился и кинулся вверх огонь. И вот стоим мы с Александром Алексеевичем Байбаковым, лесничим Барнаульского лесничества, на недавнем пожарище. Три сосны с обгорелыми стволами роняют оранжевую хвою, под ногами раскалываются на угольки черные сучья подлеска. А рядом, за чертой мертвого черного пятна, такой яркий, такой живой мир: смолой и малиной благоухает солнечный бор, в траве рдеет алая костяника, и чистота вокруг благостная. Александр Алексеевич не отходит от пожарища, разглядывает сосны, говорит уныло:

— Нет, не воспрянуть уж им, придется все три спилить.

— Не так уж и много — три сосны.

— Немного? — Он оборачивается ко мне.— Если бы только эти три! У нас же нынче сушь, какой не было семьдесят пять лет, с весны уж более ста пожаров случилось, пятнадцать гектаров потеряли. Здесь потому только три сосны сгорело — а было им, между прочим, по сто лет,— только потому соседняя деревня Борзовая заимка уцелела, что лесничество недалеко, наблюдатель сразу дым увидел, по селектору мне, я на мотоцикл, за мной пожарная охрана. Но за полчаса, пока добирались да тушили, пятнадцатилетний молодняк сгорел, три сосновых века загубил один окурок. Никогда не видели большого лесного пожара? Страшно. Огненная стена мчится со скоростью курьерского поезда, температура девятьсот градусов. А боров таких ленточных, по моим сведениям, не только у нас в стране, но и нигде в мире больше нет. И не думайте, будто они безграничны. Всего тридцать четыре тысячи гектаров, пять параллельных лент: Барнаульская, Касмалинская, Алеутская, Кулундинская да еще одна — поменьше и вразбивку. Над нашей Барнаульской из-за соседства города и железной дороги все время висит угроза. У нас есть деревья двухсотлетнего возраста — какое ни прозондируешь, в том и видны следы пожара. Один Демидов в свое время уйму реликтового леса перевел на угли для барнаульских серебряных да медных заводов, до сих пор в бору сохранились остатки углежогных ям диаметром в двадцать пять метров. Совершенно беспризорными были эти «кабинетные» леса — кабинета ее величества Екатерины II. Позднее, и в войну и в засухи, случались пожары. В моей жизни в 1973 году был один кошмарный час: за шестьдесят минут возникло тринадцать пожаров, сам не пойму, как удалось ликвидировать их.

Ходим по лесу втроем — Александр Алексеевич, директор лесхоза Леонид Семенович Житенев да я. Звучит в Барнаульском бору ученая латынь: «Pinus sylvestris» — «сосна обыкновенная», «Betula verrucosa» — «береза бородавчатая», «Tilia cordata» — «липа». А осина, оказывается, это вид тополя: «Populus tremula» — «тополь дрожащий». Лесничие рассказывают, что сосна в ленточных борах любит иногда соседство березы да осины, а подлесок тут — акация, дает почве запас азота. Малинник да костяника сохраняют влагу в боровой подстилке. Всем в этом бору хорошо — и человеку, если понимает, куда попал, и зверю охранному. Муравейники огорожены, для птиц и зверей развешаны и расставлены большие и малые кормушки.

Байбаков в лесу от зари до зари. Здешний он, сибиряк, лесной человек. В армии приобрел специальности по радио и телетехнике, после армии окончил курсы шоферов, в 1956 году на комбайне работал, понравилось, грамоту получил. Технику с тех пор знает и распоряжается ею с умом. Но выбор был сделан в детстве, на уроках ботаники — лес. Окончил лесхоз-техникум в Бийске, и с тех пор смыслом его жизни стала забота о ленточных борах. Леонид Семенович Житенев говорит про него:

— Врожденный лесничий. Я бы сказал, мечтатель, если бы он не был в работе предельно деловит, изобретателен и конкретен. Лесничего главная задача — что? Хранить бор от пожаров, болезней, лесонарушения. Байбаков решает эту задачу комплексно, все свои технические знания пустил в ход, внес много рационализаторских предложений, тридцать из них применяют и в других лесничествах. Тут и приспособление селекторной связи к условиям лесничеств, и противопожарный комплекс, и научная, селекционная работа: прививки, удобрение и полив леса, питомники и теплицы для посадочного материала...

О противопожарном комплексе мне еще в Барнауле рассказывали, и я уже готова была окунуться в мир техники. Но по дороге к комплексу неожиданно попадаю... в мир искусства. Вокруг центральных зданий лесничества, под сосновыми кронами, в игре света и теней живут они, давно придуманные человечеством обитатели чащ: лешие, русалки, змеи-горынычи и завлекательные, отмеченные роковой красотой ведьмы.

— Пришел к нам Владимир Павлович Бардуковский и сказал, что хочет работать в лесу. А нам таких и надо,— говорит Александр Алексеевич.— Взяли его рабочим. А он после работы — за резцы и стал из непромышленных кряжей делать скульптуры. Да как талантливо! Видели в Барнауле детские «играй-городки»? Его это работа, теперь другие города заказывают. Это правильно. Алтай — лесная сторона, его и надо деревом украшать. И раз зашла речь об искусстве, заглянем-ка в наш сувенирный цех.

В цехе упоительно пахло горячей сухой хвойной древесиной. Несколько мастериц и мастеров вытачивали чаши и чашки, тарелки и ложки, разделочные доски, солонки, сахарницы, кухонные наборы, фигурки лесных зверей. Художник Сергей Николаевич Сироткин распахнул дверь в какой-то ослепительный радужный мир, пришлось даже зажмуриться и дыхание затаить от вспышек черного с золотом, красного с зеленым, от тонких узоров кедровых веток и шишек, оранжевых гроздьев облепихи: так в традициях русского народного искусства, по технике похожего на творчество Хохломы, но с узорами и чертами сибирской природы выточили и расписали талантливые художники небольшие обрезки, что на деловом языке называются «непромышленными отходами».

— Доход от этих отходов мы получаем большой. Использовать непромышленные обрезки — идея краевого управления лесного хозяйства, ее подхватили, нынче при лесхозах сорок таких цехов работают — делают в них сувениры, клюшки и ракетки, сани и грабли, игрушки и учебные пособия: сто двадцать разных видов продукции. Доход растет за счет такой вот вторичной переработки. Спрос на наши поделки куда как выше предложения.

Барнаульский лесхоз. В комсомольско-молодежной бригаде по росписи сувениров работают Анна и Надежда Гунины.

Фото В. Выборова («Алтайская правда»)

Сергей Николаевич сказал:

— Нам бы красок и лаков хороших, мы бы еще постарались.

Но вот и командный пост лесничества — противопожарный комплекс. Из распахнутых ворот гаража в любую минуту готовы выехать в лес по первой тревоге настороженные машины.

На строительство комплекса Байбакову были отпущены строго дозированные средства: на одноэтажное здание с гаражом, на стандартную тридцатиметровую вышку. Александр Алексеевич не побоялся отойти от проекта и с финансированием сумел обойтись по-хозяйски. С помощью внутренних ресурсов дом выстроил двухэтажный — наверху служебные помещения и зал для собраний, кино и концертов. Наблюдательную вышку поставил в три раза выше расчетной — стометровую. Работники лесничества сами все пересчитали, сконструировали, проверили, спаяли на земле. А поднимать как? Попробовали с «калымщиками» договориться, так они две тысячи рублей запросили. Александр Алексеевич отправил алчную братву восвояси, были приспособлены два крана да трактор, стрелу Александр Алексеевич сам полез испытывать, чтобы никого опасности не подвергать... И все обошлось благополучно.

— Пошли на вышку, вид оттуда на всю жизнь запомните,— предлагает Александр Алексеевич.— Подъема не бойтесь, у нас там лифт.

Мы вознеслись вверх. Наблюдатель Таня Анненкова сидела в пальто с поднятым воротником и при виде нас отложила бинокль в сторону: «Все в порядке, Александр Алексеевич».

Океан воздуха легонько дрожал над лесом, Барнаульская лента узким мохнатым ковром малахитового цвета уходила в туманную даль, слева черно-зеленым массивом лежала Касмалинская. Любуясь ею, Александр Алексеевич неторопливо рассказывал:

— Мы сажаем примерно столько же леса, сколько вырубаем, пополняем бор саженцами кулундинской сосны, у нее самая пышная хвоя, самые крупные шишки. Привлекаем к себе на работу молодежь, особенно выпускников из села Лебяжьего — они там у себя школьное лесничество завели и приходят к нам уже подготовленными. И нам хорошо. и им интересно: все-таки необыкновенное это чудо — наши ленточные боры, украшение земли, защита полей. Только одна поправка потребовалась от человека,— продолжает Александр Алексеевич,— и она была сделана: после войны сибиряки насадили перпендикулярно лентам две полезащитные ветроломные полосы шириной в километр, длиной в 526 километров каждая. Теперь это уже сильный молодой лес. Не было бы наших боров, не было бы и знаменитой алтайской пшеницы. Такой вот подарок оставил нам ледник.

В немыслимую давность родились ленточные боры, в четвертичном периоде, когда залегал здесь мощный ледник. На краю его таяния и возникла эта долгая зеленая жизнь. Тысячелетиями сменялись поколения сосен, вечно обновляясь и вечно оставаясь самими собой. Тысячелетиями не менялись ленты, не соединялись друг с другом, постоянно сохраняя свой яркий, добрый, сложный мир.

Да будет благословенна рука человека, оберегающая и умножающая это богатство планеты.

КЕДРЫ И ВИШНИ

Алтайский лес... Торжественной колоннадой, не теснясь, предоставляя детям своим — деревьям — простор и солнце, стоит он вдоль равнинных и горных дорог. А какой он там, за недоступными горами, за буйными реками? Ведь его так много в крае: 10 миллионов гектаров. Тот, что близок и доступен,— он удивительно щедр. По какой дороге ни едешь, на каждой остановке садятся в автобус раскрасневшиеся женщины с полными ведрами лесной черной и красной смородины, дикого крыжовника. Мужчины входят со связками рыбы, с корзинами грибов. Потом настанет черед облепихи — к осени наливаются оранжевым соком целебные вкусные ягоды в густых сизых зарослях...

— Лес нас кормит, обогревает, лечит, он наш дом и наш быт, двадцать тысяч наименований разной продукции можно сделать из дерева,— рассказывает начальник краевого Управления лесного хозяйства Василий Степанович Вашкевич.— Да вот беда, используем мы его в промышленном смысле очень мало — всего пять процентов.

— Какая же это беда, радоваться надо!

— Чему радоваться?

— Ну как же, лес атмосферу очищает, и потомкам сколько останется.

— А-а, потомки... Им надо оставлять здоровый лес. А у нас одной лиственницы в год падает больше, чем входит в строй. Если старые деревья падают и гниют, вредно это для лесного организма. Нам срочно необходимо рубить и сплавлять перестойный лес.

— За чем же дело стало?

— За многим. За рабочими. За просеками. За лесными дорогами с твердым покрытием — вот как вы у Байбакова видели. Но там равнина, лес реликтовый, элитный. А основной, промышленный, он среди скал, и реки горные трудно освоить для сплава. Только на Горном Алтае надо безотлагательно взять пятьдесят миллионов кубометров перестойного леса. А чтобы вывезти его, нужно построить в скалах тысячу километров новых надежных дорог, и будет это стоить тридцать миллионов рублей. На Алтае 234 лесничества, большинство уже обустроены противопожарными комплексами по типу байбаковского, он у нас эталон. Но некоторые в таких местах расположены, что лесничие не всегда к нам могут выбраться. и нам к ним не попасть. Ведем наблюдение с самолетов и вертолетов и видим, что кедра, например, каждый год выпадает в результате старения три миллиона кубометров, а взять от этого количества можно только десять процентов. Ценнее кедра на Алтае дерева нет, он на хорошую мебель идет, нужен до крайности. Грозила одно время ему большая опасность. Горно-Алтайская автономная область долго, и после войны еще, с десяток лет оставалась необжитой, вот и решили обживать ее за счет кедрачей. Было принято скоропалительное волюнтаристское решение — вырубать ежегодно по два миллиона двести тысяч кубов, началось строительство лесоперерабатывающих предприятий. И не осталось бы кедра не только потомкам, но и нам на поглядение, если бы не вступились краевые организации. Прибыли московские комиссии, нас поддержали, строительство предприятий было остановлено, план рубки сокращен сначала до 700 тысяч кубометров, теперь — до 240 тысяч. А кедра на Алтае, если считать в готовой древесине, 212 миллионов кубометров, так что теперь промышленным способом вырубается только одна десятая процента. Мы его нынче много сажаем: вырубаем 1300, а сажаем 4000 гектаров. Будь у нас дороги, можно бы только санитарными рубками обойтись и непрерывно пополнять кедрачи. Кедр живет триста лет, до потомков он непременно дойдет. Но как важно еще при нашей жизни не допускать гибели перестойного леса, употребить его на пользу людям...

Потом на алтайских путях-дорогах не выходил у меня из головы этот озабоченный монолог Василия Степановича Вашкевича о дорогах. Вспоминался Большой Памирский тракт — уж, кажется, скалистее и выше гор не бывает, однако, когда понадобилось, тракт был построен за три месяца. А кавказские и крымские горные дороги? Да и к чему ходить далеко за примерами, когда на том же Алтае есть Чуйский тракт? Оздоровить миллионы гектаров дремучего леса и тем самым обеспечить деревообрабатывающую промышленность ценной древесиной — что может быть экономней такой экономики?

В Бийске на запани я видела, как по нынешней низкой воде медленно плыли огромные, неповрежденные в долгом трудном пути лесины с Горного Алтая. Стволы кедра отличались от остальных большим диаметром и теплым, красновато-коричневым цветом. Почти тысячу километров пронесли они по рекам запах горной тайги.

...Стремительно пролетали дни на Алтае! Словно сон промелькнула Белокуриха, такая жданная после долгой разлуки,— я жила здесь в юности, в последние годы войны. Все неузнаваемо, все подругому. На лысых прежде предгорьях стоит неожиданно высокий и частый сосновый лес.

— Пятьсот гектаров мы его тут посадили,— сказал белокурихинский лесничий, ветеран Великой Отечественной войны Николай Леонтьевич Бреславский.— Курорт у нас, в основном городские люди лечатся, чистый воздух им нужен. Подсчитал я, в Белокурихе только наши посадки дают столько кислорода, сколько достанет на целый год двадцати двум миллионам человек. Вот что такое сосна.

— Добавили мы своими посадками кислорода матушке-земле,— подтвердил начальник Алтайского мехлесхоза Михаил Григорьевич Полосьмак.— А знаете ли вы что-нибудь об алтайских садах?

— Как же!— заметила я.— В войну сама помогала белокурихинскому садоводу Мотовилову привязывать к колышкам стелющиеся яблони да закрывать их лапником на зиму.

— Стелющиеся? — задумчиво переспросил Михаил Григорьевич.— Мы с Николаем Леонтьевичем приехали сюда после фронта, Мотовилова уже не застали. Стало быть, в леса я вас больше не повезу. В сады поедем, а по дороге навестим Наталью Павловну Кондратюк.

Немолодая, с темными веселыми глазами, Наталья Павловна энергично размешивала деревянной лопаточкой в гигантском тазу малину с сахаром.

— Знала я, знала Мотовилова,— сказала она,— мы с мужем у него саженцы и семена брали. Наши-то, в эвакуацию с Украины привезенные, сразу не взошли. Сибирь не Украина, зимы суровые. Зато земля такая, что целовать ее надо. Устроили мы с мужем питомник у себя в подвале, украинский сорт вишни «владимирской» к холоду приучили, она теперь по всему Алтаю пошла. Много мы с мужем работали и удачливо. Ох, и хороша же жизнь моя была, когда яблони, да не стелющиеся, а вертикальные акклиматизировались, и сливы, и груши — все стало расти на алтайской земле. В садовом цвету по весне да в плодах по осени жизнь моя купалась. В шестьдесят седьмом наградили меня орденом Трудового Красного Знамени за садоводство.

...Огромная туча выплыла из-за дальних хребтов, окрасив и без того прекрасный мир в фантастический серебристо-фиолетовый цвет. Владимир Федорович Логинов, директор совхоза «Мичуринец», повел «уазик» круто вверх, и мы оказались в кругу покатых холмов. По их склонам густо-зелеными ритмичными рядами спускались сады. На 680 гектарах плотно стояли яблони, груши, сливы; кудрявились черноплодная рябина, облепиха, малина, смородина; отдыхали после тяжелого обильного урожая плантации клубники и земляники. Сбор фруктов и ягод исчислялся здесь тысячами тонн! Все перерабатывается тут же, на консервном заводе, а самое лучшее прямо из сада идет в детские учреждения, столовые, магазины.

— А как же зимой?— спросила я Владимира Федоровича.— Неужели не замерзают?

— Выдерживают!— гордо сказал он.— В этом году мы сорокалетие садоводства в наших краях отпраздновали. Снабжает нас культурным фондом НИИ имени Лисавенко, сама Ида Павловна Калинина, доктор наук. депутат Верховного Совета СССР, директор этого института, нас опекает. Скоро забудется время, когда на Алтае своих фруктов не было. Но людей, раскрывших способность нашей земли рождать сады, мы никогда не забудем...

Испокон веков человечество награждало своих героев зелеными венками: лавровыми — за искусство, дубовыми — за доблесть. У лесоводов на воротнике знаки отличия — золотистые дубовые листья, на кокарде вокруг государственного герба — венок из дубовых листьев. Это потому, что дуб — главное дерево лесов всех широт, их богатырь и долгожитель. А еще потому, что труд людей по охране, использованию и насаждению леса требует мужества, настойчивости, ума и доблести. И необходим этот труд ежедневно каждому из нас.

ВЕРИТЬ В УСПЕХ

Александр Жиров и его молодой болельщик.

Фото Р. Денисова

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

●

Окрестности станции Турист наверняка самая «горнолыжная» земля в Подмосковье. Когда горные лыжи еще только входили в обиход городской молодежи, в Туристе уже катались вовсю. На досках от кадушек катались.

Вот и Александр Жиров начинал гонять с гор тоже на чем бог послал. Было ему тогда шесть лет. Впрочем, может быть, пять, а может, и того меньше. Сам он на этот счет ничего твердо сказать не может; сколько помнит себя — все на Шуколовке.

Шуколовка — это гора. Рядом деревня Шуколово, вот гора от нее названием и произошла.

Старший Сашин брат, Толик, был в то время уже «организованным» горнолыжником, то есть при секции и казенном инвентаре. Потому и привел меньшого к тренеру Валентину Михайловичу Широкову. С той поры прошло 15 лет, Жиров с Широковым по-прежнему вместе, результаты налицо.

— Есть на Шуколовке трамплинчик. Тихий такой с виду, неприметный,— вспоминает Широков.—Вот и Санька с него раз сальто назад ненароком прокрутил и крепко грохнулся. Ребята тут же к нему, руки у самих трясутся, а Санька ничего, не ревет, только глаза из-под снега таращит.

А заревел он года через три, когда в первый раз повезли его на сбор. На самый настоящий тренировочный сбор в Приэльбрусье. Заревел чуть ли не сразу, как приехал. «Хочу к маме!» — и все тут. Хотели было отправить, да не с кем...

Вот так же он рвался домой весной восемьдесят первого года после тяжелейшего сезона. Рвался, полный ненависти к этим горам, что для других — красота благодатная. Похудевший, изможденный, однако непобежденный — четыре подряд выигрыша в заключительных стартах многомесячных и многоэтапных состязаний на Кубок мира, причем у самого Стенмарка. Но устал, устал, устал!

Однако предстоял еще параллельный слалом, правда, уже вне программы Кубка. На старте рядом он и Стенмарк, хоть уже и поверженный им не раз, но все равно грозный—больше шестидесяти побед на этапах Кубка мира за все годы. И вот Стенмарк делает фальстарт, а судья его не возвращает. Ну, Жиров и обозлился, потому и сошел с дистанции. Мы по телевизору все это видели, да только понять не могли, почему прекратил он борьбу. А через несколько дней в Швеции, на родине Ингемара Стенмарка, именно в его деревне проводили слалом в честь и при участии знаменитого земляка, который, казалось, может проиграть где и когда угодно, только не дома. А он проиграл — Жирову.

Так закончил Александр самый лучший в своей жизни сезон, заняв третье место в общем зачете Кубка мира. Это был большой его успех, успех всего нашего горнолыжного спорта.

Чем короче дистанция, тем выше скорость — это так во всех видах темповых соревнований. Но не в горных лыжах. Здесь столько своего, непохожего, удивительного...

Самые длинные горнолыжные трассы—в скоростном спуске—до четырех километров. Ворот относительно немного, их расстановка рисует трассу плавной, спрямленной, а потому и быстрой — до ста двадцати и даже более километров в час. Тех, кто считает, что это наиболее зрелищный вид горнолыжных соревнований, понять нетрудно. Вот лыжник, лишь только-только появившийся точкой на горизонте, уже проносится мимо вас, а то и пролетает по воздуху в затяжном прыжке. Остро, динамично, спортивно!

Короче, «витиеватее», а потому и кажутся «медленнее» трассы слалома-гиганта и специального слалома. С теми, кто полагает, что эти горнолыжные дисциплины еще более увлекательны, также спорить трудно. Весьма важное обстоятельство: в последние годы по международным правилам соревнования проводятся только на ледяных трассах.

Положение в мировом горнолыжном спорте сейчас таково, что победителей от побежденных отделяют мгновения, улавливаемые лишь чуткой электроникой. Нужно ли пояснять, что исход борьбы решают тончайшие, ювелирные детали техники и, конечно, инвентаря?

Нагрузка. Сплошь и рядом пульс у горнолыжников на финише дистанции перехлестывает 220 (!) ударов в минуту. Такие же показатели — у победителей олимпийских финалов в беге на пять и десять тысяч метров. То есть борьба на горных трассах идет на пределе физических возможностей.

Уже давно миновали времена выдающихся универсалов Тони Зайлера и Жана-Клода Килли, умевших побеждать во всех трех видах горнолыжных состязаний. Наступили затяжные времена узких специалистов. И здесь чем короче дистанция, тем она строже, тем выше цена допущенной погрешности. Слалом более требователен к точности ведения лыж, к мышечной быстроте, чем скоростной спуск. Александр Жиров и Ингемар Стенмарк выступают почти исключительно в специальном слаломе и слаломе-гиганте.

— Да, так уж сложилось.— не без досады сказал мне Саша,— что я «прорезался» не как «спусковик». Так и пошло-поехало.

— А хочется выступать в спуске?

— Конечно, хочется. Но для этого нужна специальная подготовка, а тренеры за меня побаиваются, говорят, что от добра добра не ищут. А я хочу искать. Тем более, что это даст и дополнительные очки в общем зачете Кубка мира.

Вспомним, как еще недавно отставали советские пловцы. Однако сумели настичь бурно несущихся зарубежных лидеров. Подобное происходит сейчас и в нашем горнолыжном спорте. Только догонять приходится не по гладкой поверхности, а по разбитым и ухабистым трассам. Дело тут в правилах горнолыжных соревнований: лидеры стартуют первыми, кто слабее — вслед за ними, самые неименитые — последними.

Ингемар Стенмарк на то, чтоб оказаться включенным в первую группу стартующих, именуемую мировой элитой, израсходовал четыре сезона. Александру Жирову понадобился вдвое меньший срок.

Сенсацию он произвел в начале олимпийского сезона в Ленгрисе (ФРГ). Стартуя во второй группе под двадцать четвертым номером, он занимает второе место вслед за болгарином Папангеловым, но впереди Стенмарка. Причем это была не только его первая победа над знаменитым шведом, но и первое вторжение советских спортсменов в десятку сильней-

А. Жиров на дистанции слалома.

ших участников розыгрыша Кубка мира.

Однако было ясно, что второе пока не его законное место, что это скорее всплеск, удача, что к столь высокому уровню подниматься еще предстоит. И потому девятое место Жирова в олимпийском слаломе-гиганте было успехом. Причем не единственным для советской сборной. Такую же позицию занял Владимир Андреев в слаломе, а Андреева Надежда в этой дисциплине у женщин была шестой. Всего тридцать метров оставалось Валерию Цыганову до бронзовой олимпийской медали в слаломе-гиганте. Но упал.

Наступил послеолимпийский сезон. И первые же соревнования Кубка мира в Мадонна ди Кампильо принесли Жирову второе место — после Стенмарка. Стало понятно, что подготовительный период отработан должным образом, что по уровню тренированности Александр находится на ступеньку выше, чем год назад. Но вот запланированный перерыв в Кубке, возвращение к Новому году в Москву, намечен двухнедельный тренировочный цикл в Туристе. И тут-то все и потекло. Дождями смыло и снег и планы. Пришлось снова вкатываться, словно после болезни восстанавливать форму, чтобы догнать мировую элиту — ведь она накрутила тем временем сотни тренировочных километров.

И вот, наконец, свершилось. На очередном этапе Кубка в Фурано (Япония) после первой попытки Александр на третьем месте, вторая попытка выводит его вперед. Победа! Потом Болгария — две победы в слаломе и слаломе-гиганте. Затем Швейцария — снова первое место. Так пришло полное признание. Тогда и назвал Стенмарк Жирова своим преемником.

Вспоминаю Сашино лицо после тех блистательных финишей. Полное невозмутимого достоинства. Лицо человека, хорошо знающего себе цену. Никаких ужимок, поклонов, воздушных поцелуев. Ничего «футбольного». Я тогда подумал, что все происшедшее лично для него — промежуточный этап.

Летом на кавказском плато Лаго-Наки, в тренировочном лагере горнолыжников сборной команды СССР, я спросил Володю Андреева, насколько закономерен этот каскад Сашиных побед именно на финише такого тяжелого сезона.

— Все устали, он тоже,— сказал Андреев.— Все выкладывались из последнего, Саня тоже выкладывался. Но у него этого «последнего» осталось чуть больше, чем у других. За счет чего? Дело в том, что он очень хорошо чувствует свое состояние. И потому, когда нужно, он чуть-чуть «отпустит» в тренировках или даже в соревнованиях. Есть у него и другие тонкие рычаги управления нервной системой.

И действительно, горнолыжнику выходить на трассу, стиснув зубы, нельзя. Здесь не скажешь себе: «Умру, но выиграю». Управление собой у горнолыжников—наука деликатнейшая.

Александр Жиров:

— Стенмарк после тех проигранных им этапов говорил мне: «Не пойму, что со мной происходит. Кажется, все у меня получается, иду хорошо, быстро, а оказывается — проиграл». Вот стартует он передо мной. Смотрю на его спину, плечи и вижу, как он нервничает. Ну, и еще больше начинаю верить в успех. Так оно и выходит.

Надо сказать, что Жиров словно отмечен печатью повышенной надежности. Почти никогда не падает, не сходит с трассы. И вообще его стиль — степенность, мягкость, даже неторопливость. Но это, повторяю, стиль, а не суть. Просто наш чемпион идеально координирован от природы, а еще корректнее выражаясь, у него чрезвычайно высокая мышечная чувствительность.

А как сложен! Рост один метр восемьдесят пять сантиметров при семидесяти пяти килограммах веса!

Андрей Белокрынкин, в прошлом чемпион страны, сейчас один из тренеров сборной:

— Нужно окрепнуть физически. У Стенмарка пока силенок больше. Мелочей в нашем деле нет, победителей разделяют тысячные доли секунды.

Потом, помолчав, Белокрынкин добавил:

— Надеюсь, это уже позади, но грешил Саша не всегда серьезным отношением к тренировкам. Нынешний год можно считать для него проверочным. Стал одним из ведущих горнолыжников мира. Тут бывает два варианта — или человек расслабится, или еще крепче возьмет себя в руки. Похоже, он выбрал второе — сами видите, как работает.

Жиров действительно работал неистово. Не любил он проигрывать раньше. Теперь, кажется, просто не сможет себе этого позволить. Здесь гордость — двигатель прогресса. Сейчас все мысли устремлены к Шладмингу (Австрия), где в конце января — начале февраля будет проведен чемпионат мира, что бывает один раз в четыре года. А многоэтапный Кубок мира, как всегда,— сквозь всю долгую зиму.

Снова возвращаюсь памятью в минувшее лето, в Лаго-Наки. Утро. Сидим с Александром перед тренировкой на полянке возле снежного языка. Кавказ перед нами. Красота гор здесь спокойная, даже приглушенная. Особенно сейчас, когда едва проглянувшее солнце рисует мягкие тени, а само плато выглядит еще более обширным. Сами хребты кажутся сонными, словно отдыхающими после тяжелой зимней нагрузки, от которой они только-только избавились.

— Любишь горы?— спрашиваю.

— Когда долго без них, скучаю... А еще иногда завидую горнолыжникам-туристам, которые просто катаются, не выполняют тренировочные объемы, не отрабатывают элементы техники. Не ходят трассу. Десятки, сотни, тысячи ворот! Я не могу без трассы. Это для меня!

Он стал надевать лыжи, потом зацепился за буксировочный трос и поплыл наверх. Начинался очередной тренировочный день.

Еще не так давно даже ведущие горнолыжники мира тренировались на снегу в летний период лишь эпизодически. Как говорится, жизнь позволяла. Но растет уровень мирового спорта, требующего от человека все большего, и горнолыжников теперь все реже видят на равнине.

И вот я вижу, как Жиров поднялся, отцепился от троса, и над склоном несется голос Широкова:

— Активнее выход, Саша, активнее!

ГЕРОЙ ФИЛЬМА — МУЗЫКА

Надо сказать, что удача нового цветного полнометражного документального фильма (режиссер П. Мостовой) «Симфония мира» — своего рода кинематографический аналог международного музыкального фестиваля в Москве, проходившего под девизом «Музыка — за гуманизм, за мир и дружбу между народами», — была в известной мере запрограммирована. Авторы сценария Я. Платек и Л. Григорьев, музыковеды и журналисты, создали уже не одну картину (в том числе транслировавшийся по Центральному телевидению фильм о Родионе Щедрине). А хороший сценарий в документальном, так же как и в художественном кинематографе, — уже половина успеха. Но это очень сложно — показать героев музыки, показать самое музыку, показать так, чтобы живой человек, музыкант не утратил именно человеческой своей непосредственности.

Народный артист СССР Тихон Николаевич Хренников оценивает фильм «Симфония мира» как бесспорное творческое достижение.

— Картина, — считает он, — будет чрезвычайно полезна для пропаганды самого фестиваля и его идей, так как дает полное представление об этом знаменательном событии мировой музыкальной жизни.

Экспансивного, темпераментного итальянца Франко Маннино зрители увидят в процессе репетиций с новыми исполнителями... Молодой английский композитор Найджел Осборн встретится с нами на улицах Москвы... За «круглым столом» беседуют деятели искусства, среди них — президент Форума композиторов и Национального музыкального совета США Питер Меннин... И вот, несмотря на то, что режиссер-документалист при полном отсутствии игрового элемента «обречен» на общение лишь с фактическим материалом, эти «разные, разные лица» создают подлинный художественный образ самой музыки. Образ человека — творца музыки.

...Звучит симфоническая поэма вьетнамского композитора Нгуен Синя «Край единый». Она написана ко Дню объединения Вьетнама. И вдруг показ увлеченной работы оркестра сменяется поэтической картиной вьетнамской деревни. Маленький мальчик верхом на могучем буйволе... Рисовые поля... Рыбачьи лодки... И снова — залитый огнями зал, зрительские овации и цветы: награда за тяжелый многочасовой труд...

Трагедия белорусской деревни Хатынь легла в основу вокально-симфонической поэмы кубинского композитора Роберто Санчеса Феррера. И опять-таки это не иллюстрация Хатынского мемориала, а зримое воплощение торжественной и скорбной мелодии.

Экскурсы в прошлое, встреча на экране с мастерами, уже ушедшими от нас, такими, как С. Барбер, Д. Шостакович, С. Прокофьев, Б. Барток, — это мощный художественный прием, помогающий связать великие творения, ставшие музыкальной классикой, с современной музыкальной культурой.

Фильм дает возможность зрителю заглянуть в творческую лабораторию, «подсмотреть», как рождается музыка. Принципы ее подачи на редкость разнообразны. Здесь и сосредоточенные лица зрителей, и взволнованная праздничная толпа у входа в концертные залы, и то главное, ради чего, собственно, был задуман фильм, — прекрасная музыка.

Она воплощает светлые гуманистические идеи, неотделимые от творчества каждого большого художника.

Е. ИВАНОВА

Закончил работу всесоюзный симпозиум «Поиск разумной жизни во Вселенной». Традиционный и понятный интерес к сложной научной проблеме «инопланетных цивилизаций» собрал в Таллине ведущих советских астрономов, радиофизиков, биологов, лингвистов... Приехали многие известные ученые из Чехословакии, Венгрии, Польши, США, Франции.

Почти два десятилетия как проблема перестала быть лишь теоретической, тем более умозрительной, и начаты прямые эксперименты по поиску «разумных» сигналов из космоса, но пока безрезультатно.

Мы встретились с председателем Оргкомитета симпозиума членом-корреспондентом АН СССР Всеволодом Сергеевичем Троицким.

ОДИНОЧЕСТВО ЗЕМЛЯН — НАВЕЧНО?

— Идея нашего одиночества во Вселенной... Признаюсь, не раз доводилось слышать, читать в письмах, особенно в пору рождения этой идеи, самые искренние сожаления о столь «жестокой» научной гипотезе.

— Все правильно. Вы же сами сказали «жестокой, но научной». Беспристрастность — в природе настоящей науки. Точки зрения исследователей могут быть разными, но ученый перестает быть им, если станет желать доказать нечто наперед заданное. И система доказательств идеи множественности цивилизаций во Вселенной может основываться только на строгом и, повторюсь, непредвзятом анализе фактов.

— Они-то, как известно, не в пользу идеи множественности.

— Но и не в подтверждение идеи уникальности жизни на Земле. Ведь практически сделаны лишь первые, я бы сказал, робкие шаги. Обследованы лишь две-три сотни ближайших звезд из многих миллиардов, населяющих Галактику. Пока не обнаружены ни «надежно подозрительные» радиосигналы, ни следы астро-инженерной деятельности цивилизаций в космосе, но из этого иногда уже делаются принципиальные выводы: или иных цивилизаций нет и не было, или они уже прекратили свое существование, не успев по разным причинам осуществить перелет к другим населенным планетам.

Имеется, однако, другое, на мой взгляд, более обоснованное объяснение уже проведенным экспериментам. Цивилизации существуют. Но в ограниченном пространстве любых звездных систем объективно существует также и порог возможного энергопроизводства. Иначе существенно и угрожающе может измениться тепловой режим среды обитания вокруг звезды. Эти энергетические ограничения приводят к тому, что можно ожидать только весьма слабые сигналы, прием которых требует строительства больших антенн в космосе или десятков тысяч сотнеметровых антенн на Земле. Пока это людям не по силам. Равно как не по силам и иным цивилизациям «помочь» нам в установлении с ними связи.

— Следует ли из этого, что существующие внеземные цивилизации по уровню развития ненамного совершеннее нашей, земной?

— Приближенно так. В моих рассуждениях в отличие от концепции непрерывного возникновения жизни во Вселенной по мере образования подходящих планет предполагается, что жизнь, то есть клетка, способная к воспроизведению себе подобной, могла возникнуть однократно и одновременно во всей Вселенной на какой-то определенной фазе ее развития. При этом жизнь возникла только на тех планетах, где создались необходимые физико-химические условия среды. Таким образом, как я думаю, ни ранее, ни позже определенного момента жизнь не возникала.

— Общепризнанно, что на Земле это случилось около четырех миллиардов лет назад.

— В это же время и во всей Вселенной... По крайней мере эта гипотеза не менее произвольна, чем гипотеза непрерывного возникновения жизни. Скачок «неживое — живое» пока непонятен. Но еще более в таком случае должно быть непонятно, почему он может происходить всегда независимо от общего развития Вселенной. Скорее наоборот, такая сложная форма организации, как жизнь, могла произойти однажды, как уникальное и неизбежное, закономерное событие, зависящее от фазы развития Вселенной, например, при определенных свойствах пространства — времени, уровня реликтового фона...

Добавлю, что концепция однократного, почти мгновенного, или, образно говоря, взрывного, происхождения жизни в определенной фазе развития расширяющейся Вселенной не противоречит никаким известным физическим законам. Не противоречит она и материалистическим философским воззрениям.

— Но скорость эволюции жизни к разуму в различных условиях множества гипотетически населенных планет не может быть абсолютно одинаковой. Тогда эра технологической цивилизации где-то наступила раньше, чем у нас на Земле, где-то лишь грядет.

— Возможно, что существуют более опытные цивилизации, чем наша. Но не настолько, чтобы устраивать на нашем небосводе постоянные «манифестации» своего технологического могущества. В равной степени вероятно и обратное. В этом случае — мы первая и единственная цивилизация, вышедшая на технологический путь развития. Ведь с начала нашего технологического пути прошли лишь «галактические мгновения» — десяток-другой лет.

— Пофантазируем, Всеволод Сергеевич. Разрешите? Принят и расшифрован первый сигнал от внеземного разума. О чем он расскажет?

— Быть может, самый первый сигнал от нашего первого галактического корреспондента в силу технических, энергетических ограничений сумеет сказать лишь единственное, но важнейшее: «Мы существуем!»

— Представляю, с какой жадностью людям захочется представить их внешний облик!

— Лично я ничего необычного не могу ждать. Нечто похожее на нас. В самом деле, первоначальные экзотические модели строения живой материи — плазменные, на «кремниевой основе», — по существу, уже не выдерживают критики с позиций современного естествознания. Вероятнее всего, мы встретимся с проверенным — «жизнью как формой существования белковых тел».

— Насколько известно, до сих пор не отвергнута искусственная природа таинственного радиосигнала «Ого», зафиксированного в августе 1977 года радиотелескопом в штате Огайо (США). Прокомментируйте, пожалуйста, это событие.

— К сожалению, к тому, что написано, добавить ничего не могу. Действительно, по всем характеристикам сигнал пришел из района вблизи центра Галактики. Истинную природу его выявить пока не удалось. Но так ли прав тот сотрудник обсерватории, который первым обнаружил его и на полях ленты ЭВМ написавший от изумления «Ого», можно будет сказать лишь после повторной регистрации аналогичного сигнала. Ничего подобного больше не регистрировалось.

Замечу, что встречи с подобными загадками у радиоастрономов не так уж и редки... Несколько неясных по своей природе сигналов получено, например, сотрудниками крупнейшего отечественного радиотелескопа РАТАН-600 на Северном Кавказе.

Но совсем не ради доказательства искусственной природы подобных примеров их нужно изучать. Ради научной истины. Тот же ставший одиозным феномен НЛО. Его «популяризаторы» безответственно населили эти «объекты» некими разумными существами и никакой здравой критики современной физики не хотят слышать. Но есть другая, фактическая сторона дела. Имеются многочисленные и разнообразные по месту и времени, необъяснимые пока наблюдения, и они требуют, убежден, вполне серьезного отношения и изучения. Вероятно, причину надо искать поближе. Еще много неразгаданных естественных тайн!

Беседу вел А. МАЛИНОВ.

ПЕСНЯ

Гости «Огонька»

Успех песен Александра Суханова объясняют по-разному. Одни видят его в умении развивать традицию городского романса, показывать жизнеспособность стиля, который многим слушателям давно казался музейной реликвией. Другие выделяют ту сторону творчества музыканта, где слышатся отголоски современной эстрады. Третьи будут говорить о врожденном призвании автора песен, ведь развивалось оно не в консерваторских стенах...

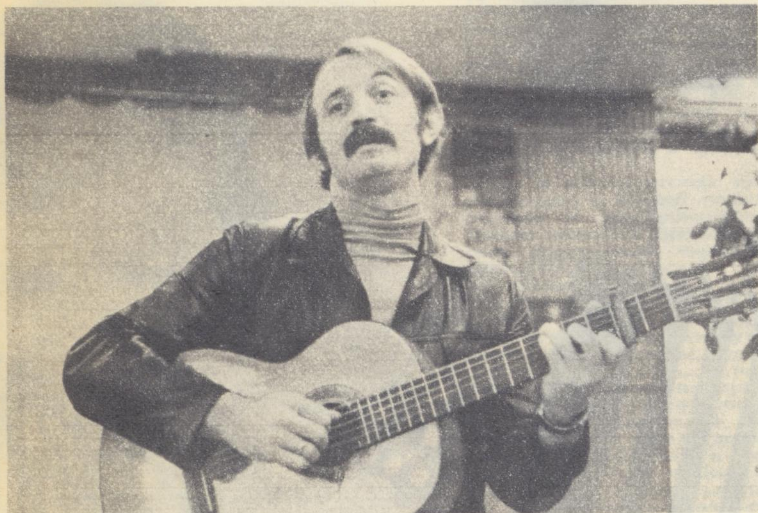
Правда, Александр собирался после музыкальной школы продолжить свое скрипичное образование, но победа в математической олимпиаде изменила его планы. Решив посвятить себя точным наукам, он приезжает из родного Саратова в Москву, становится студентом механико-математического факультета МГУ. Но уже на первом курсе выясняется, что расстаться с музыкой трудно. Тем более, что о ней напоминали гитарные аккорды студенческих песен, аккорды, в которых энтузиазма порой было больше, чем мастерства. Очевидно, желание раскрыть подлинную красоту самодеятельной песни и заставило Суханова снова взять в руки музыкальный инструмент, но уже не скрипку, а гитару. Потом захотелось сочинять самому...

Литературной основой песен стали стихи таких непохожих поэтов, как И. Анненский, С. Маршак, Н. Рубцов. Понятно, сочинение музыки к известному всем «Цирку» С. Маршака — дело довольно рискованное: ведь в каждом из нас живет свое прочтение этих строк, дорогое уже потому, что оно — воспоминание о детстве. Но Суханов не вторгается в мир наших воспоминаний. Его композиция так естественно сопряжена с ритмикой стиха, что воспринимается как развитие его в мелодии; как музыкальная иллюстрация, столь же органично связанная с текстом, что и рисунки В. Лебедева — ху-

Рисунок В. Тильмана

ДЛЯ КАЖДОГО

дожника, которого поэт считал своим полноправным соавтором.

Песни на стихи В. Дж. Смита в переводе Суханова восхитили известного американского поэта: содружество литературного и композиторского талантов сохранило всю выразительность первоисточника. Не верилось, что такое профессиональное переложение стихов сделано кандидатом физико-математических наук, сотрудником лаборатории вычислительных методов на мехмате МГУ. Сам же Александр считает сочетание художественного и научного творчества не только естественным, но и необходимым.

Проникновение в суть поэтического творчества других поэтов развило литературные способности самого Александра. Все чаще наряду со стихами признанных авторов он поет свои собственные.

С 1974 года, когда музыкант впервые принял участие в состязании исполнителей самодеятельной песни, круг почитателей его таланта судя по количеству полученных им наград пополнился и членами жюри различных конкурсов, слетов, фестивалей. Искусство Александра пришлось по душе и космонавтам, он был приглашен выступать в концерте, который транслировался с Земли для экипажа Рюмина и Попова.

Как жаль, что песни Суханова, звучащие по радио, с грампластинок и магнитофонных кассет, не могут передать зрелищность выступлений музыканта! Присутствуя на его концерте, начинаешь сомневаться в справедливости мнения, будто бы актерская игра, театральность противопоказаны исполнению самодеятельной песни, так как якобы лишают ее доверительности, искренности. Но как дополняет, например, «Песенку о Ленинграде» выразительная и точная мимика исполнителя. Артистизм Александра Суханова вовсе не случайность и не украшательство его выступлений, а является свойством души и таланта.

Меньше всего концерты А. Суханова похожи на тщательно отрепетированный спектакль. Он готов на ходу перетасовать программу, вставить новые номера, изменить общий ритм выступления. Где бы ни проходили концерты Александра — в Алма-Ате, Владивостоке, Норильске или Тынде,— певец всюду находит песни для каждой аудитории, каждого зрителя. Понятна самоотверженность, с которой участники одного из слетов самодеятельной песни стояли чуть ли не час под проливным дождем, когда выступал Александр Суханов. Как уйти, если песня поется лично для тебя...

Н. КАЛУГИН

Рисунок В. Дубова

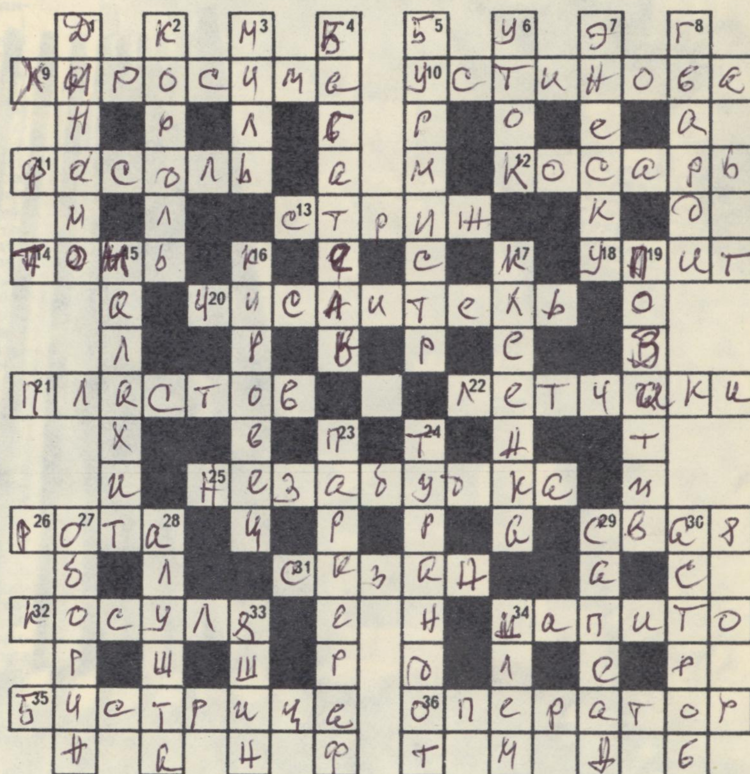

Юмор

КРОССВОРД

По горизонтали: 9. Город в Японии. 10. Балетмейстер, народная артистка СССР. 11. Бобовое растение. 12. Стихотворение А. В. Кольцова. 13. Небольшая быстро летающая птица. 14. Приток Оби. 18. Народный писатель Латвии, Герой Социалистического Труда. 20. Часть дроби. 21. Народный художник СССР, лауреат Ленинской премии. 22. Советский художественный кинофильм, посвященный авиации. 25. Декоративное травянистое растение, цветок. 26. Войсковое подразделение. 29. Забитый в грунт вертикальный брус, опора сооружения. 31. Ценная пресноводная рыба. 32. Животное семейства оленей. 34. Временное цирковое помещение. 35. Река в Румынии. 36. Специалист, управляющий с пульта сложным оборудованием.

По вертикали: 1. Всесоюзное спортивное общество. 2. Шахматная фигура. 3. Конструктор вертолетов, Герой Социалистического Труда. 4. Музыкальная пьеса для фортепьяно. 5. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 6. Поперечные нити ткани. 7. Румынский композитор, скрипач, дирижер. 8. Итальянский живописец XVIII века. 15. Ценный поделочный камень. 16. Марка мощного советского трактора. 17. Ткань, покрытая водонепроницаемой пленкой. 19. Фотографическое изображение. 23. Подразделение текста в официальных документах. 24. Опера Д. Пуччини. 27. Пианист, народный артист СССР. 28. Курорт на Южном берегу Крыма. 29. Сокол, ловчая птица. 30. Действующее лицо пьесы А. П. Чехова «Дядя Ваня». 33. Советский футболист, чемпион Олимпийских игр. 34. Защитный головной убор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 7. «Фиделио». 8. Аэробус. 9. «Сиверко». 10. Ефремов. 11. Птолемей. 14. Процесс. 16. Омар. 17. Аполлон. 19. Миттельшпиль. 20. Бородавчатка. 23. Кобальт. 26. Терн. 27. «Энергия». 29. Сморгонь. 30. «Счастье». 31. Балатон. 32. Писарев. 33. Условие.

По вертикали: 1. Филидор. 2. Черепица. 3. Волопас. 4. Жалейка. 5. Молекула. 6. Лукошко. 12. Овощеводство. 13. Мирошниченко. 15. Свислочь. 18. Полоскун. 21. Кабестан. 22. Протасов. 24. Окучник. 25. Тасеева. 27. Эльбрус. 28. История.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Зима.
Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 4.1.82. Подписано к печати 19.1.82. А 00307. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 800 000 экз. Изд. № 314. Заказ № 1735.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Я играю на гармошке...

ГОЛОС ЧУДО-

Б. СМИРНОВ

Фото М. САВИНА

Старший инженер-конструктор Юрий Моторин.

Какая пляска без гармони!

«Эх, гармонь моя, голосистая...» Сколько песен о гармони живет в народе, сколько песен, частушек, страданий спето под гармонь! И кажется, что с самых древних времен скрашивала она жизнь русского человека, была рядом с ним и в горе и в радости. А между тем на самом деле гармони в этом году исполняется всего-то полтораста лет! Родилась она в Германии, и лишь в середине прошлого века кто-то из мастеровых немцев привез этот незатейливый инструмент в Россию, в Тулу, на оружейный завод...

Вот и пошла отсюда гулять гармонь по России с массой новых доделок, переделок и усовершенствований. Одних только названий сколько возникло: тульская, саратовская, черепашка, бологоевская, белобородовская, хромка, русянка, ливенка, елецкая...

А Тула так и осталась первым домом русской гармони. Вот уж, поистине, туляки — мастера на все руки: что оружие делать, что самовары, что пряники печь, что музыку творить... И по сей день тульское объединение по производству музыкальных инструментов «Мелодия» — головное в Российской Федерации. Все металлические детали для пианино и роялей, производимых в стране, делают здесь, голосовые планки предприятиям Белоруссии, Закавказья поставляют тоже туляки — всего около ста пятидесяти наименований комплектующих деталей выпускает «Мелодия»! Но главное здесь — полный цикл производства гармоней, баянов, духовых инструментов. Особенно знамениты тульские баяны. Высококлассный, единственный в своем роде баян «Русь» отмечен на ВДНХ медалями всех достоинств. Баяны «Родина», «Русич», «Мир» звучат на лучших сценах мира...

Тут надо открыть одну небольшую производственную «тайну». Дело в том, что до последнего времени все высококлассные баяны создавали известные специалисты — старший инженер объединения Юрий Павлович Моторин и наборщик-механик Виктор Васильевич Проскурдин, продолжатели знаменитых в Туле династий музыкальных мастеров. А сейчас на экспериментальном участке рождается новая, отвечающая самым высоким требованиям модель баяна, и автором ее стал молодой конструктор, выпускник музыкального училища Александр Ефимов. Это будет еще одна строка в истории русской гармони — ведь предшественницей баяна была простая «четырехрядка». И голос нового чудо-баяна будет звучать, наверное, самой звонкой нотой в праздничный год стопятидесятилетия русской тульской гармони.

БАЯНА

Конвейер сборки аккордов.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663